

Юрий КОЛЕСНИКОВ

КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

ДРУЖБА,
СПЯЯННАЯ
КРОВЬЮ

ПРИЗНАНИЕ

ДОКТОР

САНЯ

ВОЗМЕЗДИЕ

КООРДИНАТЫ
НЕИЗВЕСТНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ
СССР

Юрий КОЛЕСНИКОВ

КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

МОСКВА

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР

1980

Колесников Ю. А.

К60 Координаты неизвестны.—М.: ДОСААФ, 1980.—
222 с.

В пер.: 85 к.

В повестях и очерках рассказывается о подвигах партизан, сражавшихся на территории Польши, на Украине и в Белоруссии в составе прославленной дивизии имени С. А. Ковпака.

В книге показаны образцы смелости и находчивости советских людей в годы Великой Отечественной войны при выполнении ответственных боевых заданий.

Для широкого круга читателей.

К 11205—084 13—80
072(02)—80

0505030202

9(С)27

© Издательство ДОСААФ СССР, 1980 г.

ДРУЖБА, СПАЯННАЯ КРОВЬЮ

В мартовские дни 1944 года на польских дорогах, ведущих к Раве-Русской, Холму, Люблину, можно было увидеть наскоро написанные от руки таблички «Achtung! Partisanen Kol-rack!».

«Внимание! Партизаны Ковпака!» — этим же тревожным предупреждением пестрели приказы главного командования вермахта, циркуляры гестапо и жандармерии, телефонограммы бургомистров и начальников частей так называемой службы безопасности или СД.

Уже больше месяца партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака громила фашистов на территории оккупированной ими Польши за сотни километров от линии фронта, поднимая народ на борьбу с гитлеровцами. На марше партизанская колонна растягивалась на шесть-семь километров. Пожары на фашистских фольварках, складах с боеприпасами и горючим были видны ночью за десятки километров, отмечая пройденный дивизией путь.

Встревоженное неожиданным появлением в этих местах партизан гитлеровское командование в срочном порядке снимало свои части, находившиеся на отдыхе, разгружало эшелоны с войсками, следовавшими на Восточный фронт, чтобы быстрее расправиться с дивизией. Не раз, обнаружив дивизию с воздуха,

гитлеровцы бомбили ее на марше, пытались навязать дневные бои, окружить и уничтожить. Однако, искусно маневрируя, партизаны всякий раз с боем прорывались из окружения и стремительно продолжали рейд.

Однажды после пятидесятикилометрового перехода, к рассвету, части дивизии расположились в близких одно от другого селах на кратковременный отдых. Дежурные заняли оборону, перекрыли дороги, ведущие к главным магистралям, а подступы к ним заминировали. Там, где предполагалось появление противника, были выставлены заслоны, усиленные легкой артиллерией.

С наступлением дня всякое движение в расположении дивизии прекратилось, жизнь в селе, казалось, замерла. Только серовато-белый дымок струился из труб в пасмурное мартовское небо — польские крестьяне готовили обед для партизан. Изредка, прижимаясь к изгородям, гуськом пробегали разведчики: одни уходили на выполнение задания, другие возвращались. Через каждые пять-шесть домов, притаившись, стояли часовые и зорко следили за всем, что происходило вокруг, а главное — за воздухом.

В полковых санитарных частях не спали. Кипятили воду, стерилизовали шприцы и скальпели, нарезали бинты из грузовых парашютов или из кусков домотканого холста. Тишину лишь изредка нарушал приглушенный стон раненых. Оперировали круглосуточно, ведь даже кратковременный отдых создавал «идеальную» обстановку, обычно операции делали чуть ли не на марше.

Стал располагаться на отдых и штаб полка. Войдя в просторную чистую комнату, старший лейтенант Томов, помощник начальника штаба полка по разведке, оглядел помещение. Хатой он остался доволен и тотчас же велел связным вносить имущество.

У большой крестьянской печи хлопотала пожилая полька — хозяйка дома. Обернувшись на шум, она добродушно спросила Томова:

— Пан бендзе до нас мешкать?

— Нет, хозяйка. Мешать мы вам не будем...

Полька сделала удивленное лицо, но промолчала. А когда связные стали вносить вещи, снова задала свой вопрос:

— Пан бендзе мешкать? Мешкать до нас?

— Что вы, мамаша, не беспокойтесь, не будем мы мешать, — наперебой спешили заверить хозяйку связные.

В это время с охапкой дров в руках в комнату вошел хозяин. Он о чем-то поговорил с женой и подошел к Томову.

— Пан мувил цо не бендзе мешкать, але юш мешкае? — учтиво проговорил он.

«Что за чертовщина! Придется, видно, перейти в другой дом, раз хозяева считают, что мы им мешаем...» — подумал Томов и хотел уже дать распоряжение подыскать для штаба другое помещение. Недоразумение разрешил полковой врач Зимма. Чех по национальности, он до войны долгое время жил в Польше и польский язык знал хорошо. Он-то и объяснил, что «мешкать» по-польски вовсе не означает «мешать».

— «Мешкать» — это жить, проживать, — сказал Зимма со смехом.

Обстановка сразу разрядилась. Пан Янек, так звали хозяина, оказался добродушным и словоохотливым. Он с готовностью объяснил, в каких направлениях от деревни расположены «воеводства» — районные центры, какие там гарнизоны и что особенно старательно охраняется оккупантами.

Все это было очень важно, тем более, что командование дивизии намеревалось задержаться в этих местах на два-три дня, так как после непрерывных боев партизаны очень нуждались в отдыхе.

Надо было дать передышку и коням. Длительные ночные переходы измотали их. К тому же почти все лошади были раскованы. Правда, снег уже сошел, но по ночам, когда дивизия находилась в рейде, дорога подмерзала. Лошадей надо было ковать, и партизанские старшины собирали по селам кузнецов. К этому важному делу привлекли и пана Янека.

Во время обеда пан Янек неожиданно хлопнул себя по лбу:

— Старый дурень! Чуть не забыл! — и он рассказал, что по ту сторону шоссе дороги Тарногруд — Замостье, в селе Щевня, одна польская семья укрывает раненого советского летчика. Более того, пан Янек сказал, что летчика будто бы привезли в тот дом... немцы!

Последние слова хозяина вызвали у партизан недоверие. Мало ли какие слухи ходят среди местных жителей! А те все выдают за правду.

Но пан Янек стал клясться, что это действительно так.

— Они даже доставляют ему продукты и лекарства... Так, так!.. А неделю назад на броневом автомобиле привезли к нему нашего лекаря, поляка из Билгорая.

— Вряд ли немцы стали бы укрывать советского летчика да еще доставлять ему медикаменты и продукты. Не верится что-то! — скептически заметил Томов.

Но доктор Зимма был другого мнения:

— А почему бы и нет?.. Может, среди немцев есть коммунисты!..

Томов пожал плечами, однако о рассказе пана Янека немедленно доложил командиру полка и в штаб дивизии.

К вечеру того же дня была снаряжена небольшая, хорошо вооруженная группа из конных разведчиков, посаженных на подводы взвода автоматчиков. Они взяли с собой сорокапятимиллиметровую пушку. Задача состояла в том, чтобы доставить в дивизию раненого летчика, если рассказ пана Янека подтвердится.

Командиром назначили старшего лейтенанта Томова, но в последний момент решили, что с группой пойдут еще комиссар батальона капитан Тоут и доктор Зимма. Летчику, возможно, придется оказать медицинскую помощь. Проводником стал пан Янек.

Группа шла всю ночь. Пан Янек знал местность отлично и вел партизан кратчайшей дорогой. Однако чем ближе подходили партизаны к намеченной цели, тем больше убеждались, что к рассвету Щевни не достичь. Дорогу, как нарочно, развезло, и местами, в низинах, колеса пушки и подвод вязли по ступицы. Шли медленнее, чем предполагали, и это несколько изменило намеченный план.

К семи часам утра группа вышла из леса. Впереди лежала открытая местность. Идти тут было уже небезопасно, тем более, что невдалеке виднелось шоссе. По словам пана Янека, здесь с раннего утра начиналось непрерывное движение.

Но Томов решил двигаться вперед. Взмывленные кони пошли рысью.

Когда начало светать, партизаны находились недалеко от шоссе. Удастся ли перемахнуть его незамеченными?!

— Может, вернемся в лес, а вечером сделаем бросок? — предложил Тоут.

Томов имел уже немалый опыт партизанской борьбы, но сейчас и он оказался в затруднении: «Что делать? Перед ними за гребнем лежит шоссе. Двигаться дальше или вернуться?».

Томов осмотрелся. Сквозь пасмурную пелену рассвета далеко позади видна стена леса. Приостанавливать выполнение задания не хотелось.

Рассвело. Конные разведчики ехали впереди, за ними громыхали подводы с автоматчиками. До шоссе оставалось не более пятисот метров. Длинный пологий гребень, за которым оно скрывалось, уже ясно различался. Разведчики приблизились к гребню. Но вдруг они развернулись и галопом поскакали обратно. Из-за гребня показалась бронемашина.

Томов так и не успел ответить Тоуту. Партизаны мгновенно соскочили с подвод и рассредоточились. Но куда спрятать шесть подвод, полтора десятка коней и пушку? Однако бронемашина огня не открывала, хотя было ясно, что партизан уже заметили. Машина остановилась, люк на башне открылся, и показался немец. Он стал рассматривать отряд в бинокль.

Артиллеристы тотчас же сняли пушку с передка, но бронемашина по-прежнему не открывала огня. Молчали и партизаны. Обе стороны будто прошупывали друг друга.

— Наверное, принимают нас за полицию, — проговорил Тоут.

Но вот машина заурчала и тронулась с гребня вниз. Снова остановилась и снова из башни выглянул человек с биноклем. Затем она двинулась прямо на партизан.

Командир орудия доложил о готовности открыть огонь. Бронбойщики залегли.

Однако Томов медлил, ему хотелось подпустить врага ближе. Кругом стояла тишина. Слышен был лишь вой мотора: было грязно, и бронемашина иногда буксовала. По-прежнему все молчали. Напряжение достигло предела. «Еще несколько метров, и подам команду «Огонь», — подумал Томов. Но что это? Башня с направ-

ленной на партизан пушкой вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Без команды не стрелять! — приказал Томов.

Напряженные секунды казались часами. Бронемашина опять остановилась. Опять высунулся из башни немец. Он долго рассматривал партизан в бинокль. Торчавший из машины ствол пулемета поднялся вверх. Похоже, экипаж дает понять, что он открывать огонь не собирается. Странно! Не ловушка ли это? Опыт подсказывает, что надо быть начеку. И Томов командует:

— Орудие повернуть стволом назад, но быть готовыми открыть огонь!

Пушку поворачивают. Это производит впечатление. Из машины выпрыгивает человек в немецкой форме, но в берете. Он бежит к партизанам и на ходу изо всех сил кричит:

— Франсез! Камарад! Франсез!

Доктор Зимма хотел что-то сказать, но Томов, сбросив с себя полушубок и передав автомат пану Янеку, уже шагнул навстречу бежавшему. Он знал французский не хуже полкового врача. И вот человек в немецкой форме и черном берете уже в двух шагах от партизанского командира. Лицо его выражает радость и в то же время растерянность. Он с удивлением оглядывает Томова и, видимо, еще не верит, что находится среди друзей: на Томове немецкий китель, венгерские галифе, огромные сапоги с замысловатыми польскими шпорами и свисающий сбоку маузер в деревянной колодке... Взгляд человека в черном берете скользит по кубанке, замечает красную звездочку...

— Ну сомм франсез, камарад! * — радостно восклицает он и показывает Томову трехцветную нашивку на рукаве с надписью: «FRANCE».

— Значит, вы француз! Прекрасно! — говорит Томов, к удивлению француз, на его родном языке.

На лице человека в берете засияла такая улыбка, словно он встретил родного брата, которого считал погибшим. Томов говорит, что они — русские партизаны. Француз вскидывает руку, как-то по-особому разворачивает ладонь и берет под козырек.

— Аджудан-шеф Легре!.. Механик Мишо Легре... Вузет партизан советик? Кольпак, не-с па? *.

Некоторые партизаны, подойдя поближе, с любопытством разглядывают француза. Часть бойцов во главе с комиссаром Тоутом остались «на всякий случай» у пушки.

Доктор Зимма не хочет упустить представившейся возможности блеснуть знанием французского языка и на ходу переводит.

Но тут вмешивается кто-то из задних рядов:

— Француз, коммуна, марсельеза — гут! Чуешь? Рушиш партизан, Ковпак — тоже гут!.. А Гитлер, щоб вин болтался на дубку! Фашист, капут!.. Вразумел?

По басистому голосу нетрудно догадаться, что это говорит бронебойщик Холупенко. Партизаны дружно смеются. Но француз, оказывается, тоже понял все.

— Уй, уй... Хитлер капут! Вив ле партизан де д'Юнион Советик! Э вив Франс либр! ** — весело произносит он и оказывается в широких объятиях Холупенко.

Но вот из машины вылезает еще один человек в немецкой форме и берете. Он тоже бежит с радостными возгласами, скользя по грязной дороге. Теперь уже обходится без рапорта, сразу начинаются рукопожатия... Это тоже француз, его зовут Жозеф. Жозеф говорит, что он и Легре — французские коммунисты.

Партизаны очень рады такой неожиданной встрече. Однако глаз с дороги не спускают. Это замечают и французы. Легре спешит всех успокоить: пока они не доложат комендатуре в Билгорае о том, что вокруг все в порядке, движение на шоссе не начнется. Их бронемашина — дежурная.

Зимма все это моментально переводит партизанам. Тем не менее Томов направляет двух конных разведчиков к гребню.

Легре и Жозеф рассказали, что их дивизион бронеавтомобилей дислоцируется в Краснобруде; многие французы настроены против немцев. Вишистское пра-

* Старший фельдфебель Легре! Механик Мишо Легре... Вы советские партизаны? Ковпак, не так ли? (франц.). — Прим. авт.

** Да, да... Гитлер капут! Да здравствуют партизаны Советского Союза! И да здравствует свободная Франция! (франц.). — Прим. авт.

вительство Пэгена и Лавалья мобилизовало их насильно... Но и здесь они выполняют задания партии.

— Есть парни — что надо! — подмигивая, говорит Легре и вытягивает большой палец. И тотчас же с истинно французским темпераментом заявляет, что он и Жозеф готовы хоть сию же минуту перейти к партизанам.

Договорились быстро. Встреча назначена на четырнадцать часов, недалеко от Замостья в небольшом лесу.

Доктор Зимма спрашивает пана Янека, можно ли будет пройти туда лесом. Пан Янек утвердительно кивает головой.

Сверяют часы. У французов, оказывается, они отстают на час, приходится перевести стрелки вперед. Легре бросает: «Равнение на Москву!» Он, видно, малый веселый: часто шутит и произносит: «Ту ва бьен» *. Он говорит, что они прибудут на бронеавтомашине, а возможно, и не на одной...

Вскоре французы уходят, не прощаясь. И вот бронемашина уже скрывается за гребнем.

Томов отдает приказ двигаться назад, к лесу. Оттуда, отдохнув, часть партизан отправится к месту встречи с французами, а другая дождется темноты и пойдет в Щевню за раненым летчиком. Назначено и место общего сбора.

Но лес, в котором партизаны собирались отдохнуть, оказался редким и проглядывался очень далеко. Там, где была назначена встреча с французами, он оказался более густым. Невдалеке виднелась небольшая деревушка.

Кто-то предложил произвести разведку в деревушке, а заодно раздобыть и провиант. Но Тоут категорически запретил выходить из леса. Закусили хлебом и салом. Все были под впечатлением встречи с французами, и каждый толковал их поведение по-своему. Однако все сошлись на том, что честные люди любой страны ненавидят фашистов. Потом заговорили о французском народе, его истории, культуре... Особенно оживился доктор Зимма. Он многое знал и охотно делился своими познаниями. Люди устали, но никто не думал ложиться спать. Все с большим вниманием слушали доктора. Он был

любимцем полка. До войны в Польше у него была семья. Когда туда пришли гитлеровцы, Зимма отказался у них работать. Тогда гестаповцы повели его вместе с другими патриотами на расстрел. Спасся Зимма чудом. Гитлеровцы не закопали своих жертв, а он был лишь ранен. Придя в сознание, пополз в лес, где его и подобрала много дней спустя партизанская разведка. Доктор Зимма выздоровел и остался у партизан. На его груди уже алел орден Красного Знамени.

Рассказчиком он был великолепным, хотя по-русски говорил с польско-чешским акцентом. Его всегда слушали, затаив дыхание.

Зимма, например, однажды заявил решительный протест начальнику штаба и командиру полка по поводу того, что его фамилия в официальном приказе написана писарем через одно «м». Писарю сделали замечание. В следующий раз писарь перестарался и написал его фамилию с тремя «м». Дело чуть было не дошло до штаба дивизии. Однако доктора успокоили, и все обошлось благополучно. Но Зимма был не только педантичным и требовательным, он еще был жизнерадостным и любил пошутить. Случай с фамилией он истолковал по-своему:

— Теперь мне все понятно!.. Да! Идет 1941 год. Русские войска отступают к Москве, и писарь пишет мою фамилию через одно «м»... Наступает 1944 год. Русские войска перешли в наступление по всему фронту... и писарь пишет мою фамилию через три «м»! Все ясно: русские раскачались!.. Не дай бог их тронуть!..

Партизаны смеялись всякий раз, когда об этом заходил разговор. И сейчас доктор Зимма шутил, хотя выражение его лица оставалось серьезным.

Но вот время уже подошло к назначенному часу. Партизаны приготовились. Приготовились они на всякий случай и к другой встрече. Что подделаешь, война!.. Всякое может быть. Ведь дело имеешь с людьми, которые служат у врага. Часы показывают 15.30. Пока никого не видно. Проходит еще полчаса. Никто не появляется. Партизаны ждут еще час. Французов нет. Всех стали одолевать сомнения. Неужели французы обманули?! Кто-то вслух высказывает эту мысль. Ему никто не отвечает. Минутная стрелка прошла еще тридцать делений...

Сразу загворили несколько человек.

— Точно! Очередная провокация. Зря мы их не прихлопнули...

— Вот вам и «фрицам капут!»

Рыжеватый пулеметчик с рябым лицом начинает злиться:

— Да ну их... Все они как только попадутся, начинают юлить. Чесануть бы их, и точка! А то развели с ними «парле-марле-франсе...» Холупенко даже в обнимку полез... Мэрс!

Холупенко, сидевший до этого неподвижно, вдруг соскочил с телеги и, схватив свое противотанковое ружье, словно это была теннисная ракетка, замахнулся на пулеметчика.

— Замокни! Чуешь? Бо я тебя зараз, знаешь!...

Пришлось вмешаться комиссару, но пулеметчик продолжал ворчать:

— А что, неправда? Где у них партбилеты, если они на самом деле коммунисты?! Сказать всякий может что угодно... Пусть бы предъявили партбилеты...

Но грозный взгляд Холупенко все же заставляет пулеметчика замолчать. Садясь в телегу, разгневанный бронбойщик рассуждал вслух:

— Чего захотев, партбилеты?! Може ще и командировочну цидулу тобі видать? Грамотей!..

Тоут сделал знак Холупенко прекратить разговор. Бронбойщик замолчал. Комиссара Иосифа Иосифовича Тоута не только слушались и уважали, его любили. Венгр по национальности, уроженец города Дебрецена, капитан Тоут был человек исключительно храбрый и принципиальный. Слова у него не расходились с делом, а говорил он мало, сдержанно. И если уж Тоут сказал что-нибудь, значит, так оно и должно быть. Вот и сейчас, стоило ему только головой кивнуть, как все замолчали.

А время шло. Уже стемнело, однако французов все не было. Тоут вопросительно посмотрел на Томова.

— Почему-то запаздывают. Худо только, что скоро совсем стемнеет, и это усложнит встречу, — спокойно ответил тот на вопросительный взгляд комиссара.

— Да и заблудиться могут, — так же спокойно произнес Тоут.

Вдруг со стороны Замостья донеслись орудийный выстрел и чеканная дробь крупнокалиберного пулемета. Потом послышался отдаленный взрыв.

С наблюдательного пункта, расположенного на дереве, связисты сообщили, что ими замечен пожар. Вскоре столб черного дыма стал виден всем. Пан Янек пояснил, что горит где-то в районе железнодорожной станции.

Спустя некоторое время, связисты передали, что по шоссе со стороны Замостья движется бронемашина. Но что это? Она проехала место, где должна была свернуть. Потом вдруг остановилась и, развернувшись, стала съезжать по откосу вниз. Неожиданно машина исчезла из виду, будто провалилась сквозь землю.

Шесть конных разведчиков по приказу Томова помчались галопом к шоссе. За ними поскакал Томов с остальными разведчиками и доктором. Приблизившись, партизаны увидели в небольшом овражке перевернувшуюся набок машину. Из нее разведчики извлекли окровавленного человека в немецкой форме. Он был без сознания.

— Это не наш! — восклицает кто-то. — Это другой!..

— Чего «не наш»... Гляди, у него тоже нашивка с полосками на рукаве! — возражает ему кто-то в темноте.

— Да ты не понял. Я говорю, что это не тот, который был у нас. Тот маленький, а этот, смотри, какой детина!

— Давайте его на подводу... Только подстелите соломы. И ехать, Бондаренко, осторожно, слышите! — доносится голос доктора Зиммы.

Из бронемшины извлекают еще одного француза. Но этот уже мертв. Только сейчас обнаруживается, что у машины в верхней части пробиты, разворочен снарядами угол башни. В машине больше никого нет. Где же Легре и Жозеф? Что с ними? Почему их нет?..

В Замостье пожар стал утихать. Из темноты появились конники. Это связной от Тоута. Он докладывает, что к ним пришли три француза.

— Из тех, что были утром, есть кто-нибудь? — спрашивает Томов.

— Есть. Один. Тот, низенький, что обнимался с Холупенко. И с ним еще двое...

Вскоре Томов и Легре жмут друг другу руки как старые знакомые. Оба спутника Легре — бельгийцы.

А Жозефа нет. Легре рассказывает, при каких обстоятельствах погиб его соотечественник. Оказывается, перед тем как уйти, они решили отомстить: из пушек и пулеметов расстреляли вагон с гитлеровской охраной на железнодорожной станции. Другая бронемашина, в которой находился командир дивизиона, французский лейтенант, подожгла выстрелом своей пушки цистерну с горючим. От пожара стали взрываться остальные цистерны. Немцы всполошились, перекрыли все дороги. И только одной бронемашине, той, что свалилась в овраг, удалось прорваться. А Легре и его друзьям пришлось пробираться к лесу пешком.

Тем временем при свете фонарика Зимма осмотрел раненого французского лейтенанта.

— Ранение нетяжелое, но он потерял много крови. Нужно срочно подыскать помещение!..

Тогда было решено, что в Щевню за летчиком отправится Томов с разведчиками и артиллеристами. Остальные же под командованием Тоута пойдут в близлежащий хутор, где будут ждать их возвращения.

Когда Легре узнал, что партизаны идут в Щевню за раненым летчиком, он чуть не захлопал в ладоши. Ведь летчика укрыли у поляков он и Жозеф. Это они доставляли ему медикаменты и продукты. Они же на своей бронемашине привозили в Щевню польского врача, когда летчику стало плохо. И Легре попросил взять его с собой.

— Ту ва бьен! — заключил он.

Особенно был рад пан Янек: как же, его сообщение подтвердилось!

...К полуночи группа Томова уже вернулась на хутор. Немцев не было. Они наезжали сюда только днем.

В дом, где расположился доктор Зимма с раненым французом, внесли летчика. У него было пулевое ранение в область правого легкого и сильно обожжены лицо и руки, но чувствовал он себя терпимо. Польский врач, которого привозил Легре из Билгорая, оказал ему своевременную помощь. Хуже дело обстояло с французским лейтенантом. Он был еще без сознания. Зимма сказал, что прежде всего ему необходимо сделать переливание крови.

— Может, тогда еще выживет. Но кровь нужна только первой группы, иначе...

Томов спокойно протянул руку:

— У меня первая. Берите.

Зимма взглянул на Томова недоверчиво.

— Берите смело! До войны я был донором.

Зимма смастерил на скорую руку «аппарат» из обычного шприца и резиновой кружки со шлангом. Хозяева дома помогали чем могли: затопили печку, вскипятили воду, отдали лучшие подушки, полотенца. Когда Зимма попросил чистую простыню, старушка полька достала из кованого сундука белоснежную простыню с широкой кружевной оборкой. Подавая ее доктору, сказала:

— Эта простыня, пан доктор, еще от приданого осталась. Я ее берегла с той войны... Но мне не жалко. Вы бьете лиходеев, от которых еще в мировую погиб мой отец. Берите все, что вам потребно, не стесняйтесь, родные!

...Процедура переливания крови заняла уйму времени, но зато француз пришел в себя и вскоре уснул. А незадолго до рассвета партизаны покинули гостеприимных поляков. Шли назад бодро: задание выполнено! Только на следующую ночь группа Томова достигла расположения полка. Здесь по-прежнему было пока спокойно, хотя, по донесениям разведчиков, в соседние села прибывали войска с артиллерией и даже танками. Видимо, место расположения партизан стало известно немцам, и они — в который раз! — готовились снова окружить неуловимую дивизию.

Утро началось с прилета «рамы». Фашистский самолет покружился над селом, но вскоре улетел, ничего не обнаружив. Партизаны научились хорошо маскироваться.

Легре был оставлен в полковой разведке — уж очень он сдружился с Холупенко. Бронебойщик прозвал своего друга «Марсельезой»... Бельгийцев зачислили в саперный взвод. Раненый французский лейтенант пока остался в распоряжении доктора Зиммы. Он был очень плох, и Зимма еще не раз переливал ему кровь. Легре по этому поводу отпускал очередную шутку:

— Несмотря на все усилия медицины, мой лейтенант все же выживет!..

Но Зимма не обижался и отвечал Легре его же поговоркой: «Ту ва бьен!» У Томова он крови больше не брал, подходящая кровь оказалась у Холупенко.

Серьезную операцию нужно было делать летчику. Его срочно готовили к эвакуации на Большую землю. Особенно трогательно прощался летчик с Легре, спасшим его от плена. Ночью на партизанском аэродроме они поклялись встретиться после войны. Взволнованный летчик чуть не прослезился, а Легре, стоя у телеги с носилками, тихонько хлопал его по плечу и говорил:

— Мой камарад, ту ва бьен!..

Но когда самолет взлетел, все увидели, что по щекам Легре катились слезы. Он долго не мог выговорить ни слова...

Быстро подружился Легре и с партизанами. Он был очень общительным, веселым. Излюбленное выражение «Ту ва бьен!» не сходило с его уст. Француза редко видели мрачным. Лишь вспоминая Марсель, где у него остались старая мать, жена и дочурка, он хмурил брови, задумываясь. Да еще, когда говорил о гибели Жозефа. А в остальное время Легре больше шутил, отчаянно при этом жестикулируя.

Подружился он и с Томовым. С ним ему было легко. Они обходились без переводчика и без обычных «пояснительных» жестов. Легре подробно расспрашивал Томова о Москве и часто говорил, что к себе на родину он вернется непременно через Москву, чтобы побывать в Мавзолее.

Еще в первый день прибытия Легре в полк Томов подарил ему свою овчинную шубу, полученную в Москве перед отправкой в тыл врага. Французу она пришлась по душе — стояли холода, а он был в куценьком френчике. Легре очень любил рассматривать себя в шубе в зеркало и всегда с особым пафосом восклицал:

— Тепло, хорошо и госпожа маркиза прекрасна!..

Как-то комиссар Тоут сказал в шутку, что скоро наступит весна и ему придется сбросить шубу.

— О, мой комиссар, вы ошибаетесь, — ответил Легре. — В этом пальтишке я приеду после Великой Победы в Марсель, даже если будет сорокаградусная жара! И поверьте, мой комиссар, вряд ли кто усомнится, что столь элегантное творение куплено не на валюту в «Галери Лафайетт»!

...Шли дни, шли бои. Дивизия продолжала свой рейд и, как любил выражаться Холупенко, «робила шухэру». Легре усвоил это своеобразное выражение своего неразлучного друга, приставив к нему частицу «де», означающую родительный падеж.

— Мой шерр Холлюпенько, се-одня ми делат де шухэру, уй?

— Всэ будэ, Марсельеза, не горюй! — отвечал своим басистым голосом Холупенко. — Сегодня хфорсируем две «жилизки» — раз. Компранэ? Та водну «шоссейку» — два. Та ще у Билгорае зробимо «шухэру», да знаешь якого?! — и Холупенко делал резкое движение рукой.

Тем временем французский лейтенант окончательно поправился. Он тоже был зачислен в полковую разведку. Этот француз был полной противоположностью Легре. Высокий, худой, сдержанный, с изысканными манерами, он держался всегда в стороне, молчаливо и скромно. Если с Легре партизаны балагурили как с равным, то лейтенанта они стеснялись.

Дивизия вела тяжелые бои на подступах к Беловежской пуще. Обстановка с каждым днем и даже часом все более осложнялась. Партизаны пытались прорваться в гущу леса, а гитлеровцы старались этого не допустить. К тому же погода стояла скверная, шли непрерывные дожди, дороги раскисли, ночи были темные, обоз санчасти вырос до двухсот подвод...

К рассвету полк достиг Рожковки, небольшой деревни на подступах к Беловежской пуще. Шедшая в голове колонны разведка напоролась на фашистскую засаду. Партизаны залегли. И вдруг послышался голос Легре:

— Мой лейтенант, предъявим бошам наши верительные грамоты... Не стесняйтесь! — и он первым бросился вперед.

В коротком бою засаду смяли, но в Рожковке немцы держались упорно: пришлось с боем брать хату за хатой. Наконец путь в Беловежскую пущу был свободен.

Уставшие от переходов и боев, промокшие от обильных и частых дождей, партизаны расположились на отдых. У небольшого костра собрались разведчики. Послышался смех, это вспоминали, как француз «предъявлял» фашистам «верительные грамоты».

Легре заявил, что теперь он является «чрезвычайным и полномочным послом французской компартии в партизанской дивизии Ковпака».

Французский лейтенант стоял, прислонившись к дереву, держа в одной руке большой ломоть черного хлеба, в другой — кусок сала. Тут же были Томов и доктор Зимма — санитарная часть расположилась рядом. Вдруг все как-то сразу умолкло. Усталость давала себя знать. Каждый думал о чем-то своем. Но Легре опять нарушил тишину. С серьезным выражением лица он заявил Томову:

— А знаете, теперь лейтенант Жан-Пьер уже не сто-процентный граф!..

Зимма перевел слова Легре, на что один разведчик заметил:

— Еще бы!.. Сало-то уплетает, будь здоров, как наш брат!

Однако Мишо намекал на другое.

— О, нет, мои камарады... Сейчас я говорю серьезно. Наш лейтенант по возвращении во Францию будет лишен графского титула. У него теперь в жилах течет полкружки русской крови командира разведки Томова да, наверно, целая фляга от моего украинского камарада Холлюпенько. Но, кажется, наш добрый доктор подлил ему еще венгерской крови комиссара Тоута! Естественно, что после такого «ассорти» называться истокровным графом как-то неудобно. Это уже, скорее, эр-зац граф!..

Зимма переводил слова Легре под неумолкающий смех партизан. Жан-Пьер смущенно улыбался. Однако в шутке Легре заключалась солидная доля правды. Жан-Пьер на самом деле был графом и происходил из весьма состоятельной и знатной семьи де Шаррон. К тому же был племянником какого-то кардинала из Турнье. Но это не мешало ему сейчас воевать вместе с партизанами Ковпака, ходить с ними в разведку и бить гитлеровцев.

Отдых был нарушен командой: «В ружье». На флангах дивизии шла перестрелка, и вскоре все полки приняли участие в бою. Командование дивизии приказало старшему лейтенанту Томову под охраной полковой разведки увести обоз и санчасть в лес, но по опушкам стояли гитлеровские заслоны. Один такой заслон был

разгромлен партизанами с ходу. Санчасть и обоз вошли в лес. Здесь все вздохнуло облегченно. Из-за туч вынырнуло солнце. Если бы не шум боя, доносившийся со стороны Рожковки и близлежащих хуторов, на душе и вовсе было бы спокойно.

Стрельба иногда затихала и временами даже прекращалась, но потом возобновлялась с новой силой. Гитлеровцы, видимо, подбрасывали все новые и новые подкрепления. Вскоре обоз остановился, разожгли небольшие костры — партизаны сушили одежду, чистили оружие, перезаряжали пулеметные и автоматные диски. Доктор Зимма обходил со своими санитарями раненых и на ходу делал перевязки.

Недалеко от штабной телеги расположились разведчики, там снова слышался смех. Томов подошел к ним. Ну, конечно же, и здесь неутомимый Легре. И Жан-Пьер тут, только он сидит в сторонке на пне и, сдержанно улыбаясь, приводит в порядок свои ногти. Увидев Томова, лейтенант выпрямился. Томов вопросительно посмотрел на него.

Легкая улыбка скользнула по лицу Жан-Пьера.

Томов присел рядом с французом и достал кисет. Оба закурили, скрутив «козьи ножки» из крепкого самосада. Стрельба совсем прекратилась. Все располагало к беседе. И француз рассказал Томову грустную историю из своей жизни.

Еще до войны, будучи в гостях у своего дядюшки в Турнье, он познакомился с одной девушкой. Звали ее Сюзан. Работала она шляпницей в небольшом ателье у какой-то вдовы.

— По-моему, это была ее дальняя родственница. Мы недолго встречались, но полюбили друг друга, — тихо проговорил Жан-Пьер и умолк.

Подошел Легре, берет у него ухарски сдвинут на затылок. Томов подал кисет и ему, тот тоже закурил.

Жан-Пьер заговорил снова, медленно, задумчиво. Он говорил о Сюзан, и в его голосе слышалась тоска.

Томов спросил, не сохранилась ли у него фотография девушки.

Француз отрицательно покачал головой.

— Она была настоящим человеком! — вмешался Легре. — Кстати, ты мне так и не сказал, она была красивая?

Жан-Пьер слегка пожал плечами:

— Как тебе сказать, мой друг. Красавицей ее назвать было нельзя. Но в ее взгляде было что-то такое... Как бы это объяснить? Ну, какая-то готовность к самопожертвованию, преданность, искренность, чистота... Понимаешь?

— Она была вашей невестой?— спросил неожиданно Томов.

— О, нет!— с сожалением воскликнул Жан-Пьер.— Это было невозможно. Я из графской семьи, а она — обыкновенная шляпница. Мои родные никогда бы не согласились... Я должен был выбирать: родные или она. А тогда я был еще молод, делал вид, будто езжу к дядюшке в Турнье, а в действительности же встречался с ней... Вскоре боши ворвались во Францию. Я забеспокоился о Сюзан и поехал в Турнье. Ателье было уже закрыто. Не нашел я и Сюзан. Только через полгода я напал на ее след, но было уже поздно.

Томову показалось, что голос француза дрогнул. Он искоса посмотрел на него, но тот отвернулся.

— Ее арестовало гестапо,— после минутной паузы добавил Жан-Пьер.

— А вы не пытались ее освободить? — спросил Томов.

Жан-Пьер грустно улыбнулся:

— Все, что мог, я делал. Предлагал много денег, поил кого надо и не надо, заводил знакомства с грязными типами, которые имели связи с бошами. Даже прошения писал. Но, сами понимаете, гестапо! Одно время меня обнадежили. Один кагуляр* путался с высокопоставленными бошами. Мне говорили, что он вхож к гитлеровскому верховному комиссару в Париже. Я писал и этому генералу, был у него на приеме... Даже подарил ему одну нашу фамильную драгоценность. Он обещал. Я надеялся и ждал. О, если бы вы знали, как я ждал! Дни казались мне годами! Но потом мне сообщили, что Сюзан расстреляли в Мон-Валерьен. Я немедленно поехал туда и там узнал, что Сюзан, оказывается, участвовала в движении Сопротивления. А приговор, как выяснилось, подписал тот же самый гене-

рал, который столь любезно принял в подарок жемчуг и которого я так просил о пощаде...

Мишо эту историю уже знал, но не мешал Жан-Пьеру рассказывать.

— Вы полагаете, что сведения эти достоверны?— желая как-то подбодрить француза, спросил Томов.— Может быть, ваша Сюзан еще жива. Такие случаи бывают...

— О, нет, мой шеф! Сведения, к сожалению, абсолютно точны. Сюзан была коммунисткой. Я тоже вначале не верил: хрупкая, молодая, еще почти ребенок, а пошла сражаться с бошами. Представляете себе, такая нежная — и коммунистка! А я, откровенно говоря, прежде терпеть не мог ни нацистов, ни коммунистов. В офицерской школе, где я учился, мне твердили, что одни стоят других... Потребовалась оккупация моей Франции, гибель Сюзан, разгром Европы, чтобы убедиться в своем заблуждении и почувствовать, насколько близоруки были наши довоенные правители...

Легре не вытерпел:

— А ты уверен, мой лейтенант, что у наших будущих правителей память не окажется короткой?

— Не думаю, мой друг, чтобы Франция не извлекла уроков из нынешней бойни. Наши соотечественники видят, во что превратилась их прекрасная Родина.

— Видеть, мой лейтенант, это еще не все...— серьезно сказал Легре, в упор глядя товарищу в глаза.— Надо понимать!

Жан-Пьер неопределенно пожал плечами и, смотря куда-то вдаль, ответил:

— Возможно. Но для меня довольно и того, что с бошами, перед которыми капитулировала наша армия, теперь сражается один Советский Союз. Достаточно и того, что французскому графу для спасения его жизни дали кровь коммунисты. О, если бы все это видел мой дядюшка кардинал! Поверьте, друзья, он бы, наверное, сбросил свою мантию...

Но Легре не отступал:

— Не беспокойся. Он этого не сделает... Будто ему не на что смотреть у себя на родине! Не будь, пожалуй, наивен, мой лейтенант. Сюзан пошла в Сопротивление, заведомо зная, что ее ожидает. Ты пошел с нами, тоже готовый на все. У настоящих патриотов,

мой лейтенант,— один путь: отстоять свободу своей Родины. У предателей — путей сколько угодно: вчера они служили англичанам, сегодня служат бошам... Что им стоит завтра лизать руки еще кому-нибудь?

Жан-Пьер чувствовал себя неловко, но ответил с присущей ему тактичностью:

— Может, ты и прав. Я не отрицаю, что и после войны еще немало придется приложить усилий, чтобы такие люди, как мой дядя, поняли свое заблуждение. Как говорит пословица: «Все еще может быть, ибо все уже бывало!» Так и сейчас... Но вообще, если хочешь знать, когда ты подшучивал надо мной, что я теперь не «сто-процентный» граф, ты был прав. Да, аджупет... Лейтенанта де Шаррон, которого ты знал прежде, больше нет. Жизнь сделала меня другим.

— Ого!— воскликнул Легре со свойственной ему пылкостью, — Может быть, ваше сиятельство решили стать коммунистом? А то сразу и комиссаром?! Похвально! Один комиссар у нас — венгр, другой будет француз! О ла-ла!

Разговор прервал прискакавший из Рожковки связной. Было приказано для охраны санчасти и обоза оставить только одну роту, остальным же немедленно двигаться к реке Белой и занять мост, ведущий в Беловежскую пушу. Мост надо было удержать до подхода дивизии.

На позициях, занимаемых дивизией, возобновилась перестрелка. Связной добавил от себя, что положение там осложнилось, полки несут большие потери...

Батальон и полковая разведка были подняты по тревоге, и через час начался штурм моста. Гитлеровцы засели в бункерах и яростно сопротивлялись. Партизаны беспрерывно били по ним из минометов и пушек и шаг за шагом подходили к мосту. Наконец его взяли. Одну роту выставили для заслона на противоположной стороне. Полковые разведчики помчались по всем направлениям.

В это время на шоссе, со стороны Столповиска, показалась колонна автомашин. Из них на ходу поспешно высаживались солдаты. Снова заработали партизанские минометы...

Положение становилось серьезным, противник располагал превосходящими силами.

Вслед за автомашинами показались танки. Было ясно, что удержать мост своими силами партизанам не удастся. Немцы разгадали их намерение прорваться в этом месте в Беловежскую пушу и прилагали все усилия, чтобы преградить дивизии путь.

Бой разгорался.

Вдруг с противоположной стороны, в тылу фашистской пехоты, послышалась пулеметная и автоматная стрельба. Это завязала бой рота, выставленная для заслона; подоспела туда и полковая разведка. Враг пришел в замешательство и начал отступать, но тут появился фашистский танк, открыл яростный огонь по мосту.

Выручил Холупенко. Он вылез из своего окопчика на дорогу и открыл огонь из бронебойки по приближавшемуся танку. Несколько выстрелов — и танк загорелся. Партизаны сплошной лавиной ринулись в атаку. Но тут кто-то крикнул:

— Француз упал! Легре ранили...

Первым к Легре подбежал Холупенко. Взяв француза на руки, он вынес его из боя.

— Где врач? Чего стоите?! Доктора, хлопцы, сюда! — гремел его голос.

Подбежали санитары. Они стянули с Легре куртку, разрезали и без того изодранный джемперок. Рубаха у Мишо была вся в крови. Разорвали и ее... Пулеметная очередь из фашистского танка прострочила татуированную грудь француза, на которой полукругом синела надпись: «Ма ви а ла Франс!»*. А в центре, под надписью, сквозь сочившуюся кровь можно было различить молот, обрамленный огромным серпом...

Холупенко стоял возле друга на коленях, по лицу медленно катились слезы. Он качал головой и все время чуть слышно приговаривал:

— Эх, Марсельеза, Марсельеза... Що ж ты, браток, нароби? Як же таки получилось, що я не доглядеві!

Санитар сделал укол. Хотел было снова ввести иглу, но поднялся и молча отдал шприц своему помощнику.

Холупенко тихо произнес:

— Вот хлопцы, вам и Марсельеза...

* Моя жизнь — Франция (франц.). — Прим. авт.

Взгляд Холупенко остановился на рябом пулеметчике. Он подошел к нему и дрожащими руками схватил за ворот шинели:

— Ну, говори! Цэ тэбэ не партбилет?! Бачишь, серп и молот у кровя!

Томов попытался успокоить Холупенко. Но тот еще крепче ухватил за ворот побледневшего парня.

— Становись на колени и проси прощения! Чуешь, що я говорю?! Становись, бо я тебя зараз, знаешь?!

К Легре подходили партизаны, каждый хотел проститься со своим боевым товарищем. Легре лежал с открытыми глазами и застывшей на губах улыбкой, словно говоря: «Мои камарад, ту ва бьен!»

Склонив голову, стоял перед ним лейтенант де Шаррон. А опуская тело друга в могилу, он нежно прикоснулся губами ко лбу Легре.

— Прощай, Мишо, мой верный товарищ. Эмблему, которая залита кровью на твоей груди, я буду теперь носить в своем сердце, а жизнь моя отныне принадлежит стране, народ которой борется за освобождение Родины.

Бой гремел. Это был прощальный салют французскому другу. Горел уже четвертый фашистский танк, кругом валялись трупы в серо-зеленых шинелях. Со стороны Рожковки все чаще доносились разрывы снарядов и треск пулеметов...

Взмыленная лошадь доставила истекавшего кровью связного с приказом: «Батальону оставить мост и вместе с санитарной частью и обозом двигаться в направлении Рожковки, где присоединиться к основной колонне дивизии, продолжающей свой рейд согласно маршруту и графику...»

Окружение было прорвано. Прорвано благодаря отваге партизан, многие из которых погибли...

Далеко позади остались сгоревшие немецкие танки. Сорок шесть партизан-ковпаковцев остались навсегда лежать в земле на подступах к Беловежской пуще. А впереди — новые марши, новые прорывы, новые штурмы. За сотни километров от линии фронта ковпаковцы продолжали выполнять приказ Родины: взрывали мосты, пускали под откос составы, поджигали склады, уничтожали гарнизоны. Все чаще и чаще на дорогах и

перекрестках пестрели таблички с надписями: «Achtung! Partisanen Kolpack!».

Дивизии предстояло пересечь железнодорожную магистраль Москва—Варшава—Берлин, которая усиленно охранялась. Не успела головная походная застава подойти к одному из переездов, как засевшие в бункерах фашисты открыли ураганный огонь. Местности они пристреляли заранее, и теперь, несмотря на темноту, их огонь был довольно точным. Пришлось подкатить пушку и прямой наводкой выкуривать немцев из укрытий. Переезд был взят, и по обеим его сторонам вдоль полотна выставлены мощные заслоны.

Дивизионная колонна начала переправляться через магистраль. На переезде стояли старший лейтенант Томов и его разведчики. Они следили, чтобы движение шло в максимально быстром темпе. Ведь надо, чтобы вся дивизия еще до рассвета перешла через полотно, а потом предстояло снять заслоны и догнать основную колонну.

Но вот на востоке показались едва различимые огоньки паровозных фар. Легкий фугас, заложенный минерами восточного заслона, подорвал паровоз, эшелон остановился. Сопротивление охраны сломали мгновенно.

Одна рота бросилась к вагонам. Чего тут только не было! Штуки сукна, радиоприемники, мебель, рояли, громоздкие сейфы, сельскохозяйственный инвентарь и даже пишущие машинки. Был вагон и с оружием: чешские пулеметы, финские автоматы, старые французские винтовки, пистолеты всех систем — польские, английские, американские, бельгийские и даже японские!

Как выяснилось позже, состав принадлежал какой-то ортскомандатуре и ее подведомственным учреждениям: управе, жандармерии, суду. Гитлеровцы, в спешном порядке, погрузив награбленное имущество, бежали на запад в страхе перед наступающими частями Советской Армии.

Весь состав осмотреть не удалось: с противоположного направления по второй колее подходил другой состав. В одно мгновение партизанские минеры, находившиеся в заслоне, заложили под рельсы взрывчатку.

Одна рота партизан спешно передвинулась вдоль полотна на запад, навстречу составу, и тут залегла.

Состав шел медленно, паровоз тяжело пыхтел, словно тянул в гору большой груз. По мере приближения состава лежавшие в заслоне партизаны разглядели платформы с балластом, предусмотрительно прицепленные впереди паровоза на случай, если состав нарвется на мину.

И действительно, как только первая платформа подкатила к месту, где был заложен фугас, раздался оглушительный взрыв. Платформы скатились под откос, но машинист успел затормозить, и состав остался невредимым. Тогда по нему ударили из партизанских бронебоек и пулеметов. Однако стрельба вскоре прекратилась и воцарилась загадочная тишина.

Стоявшие на переезде Томов и группа партизан некоторое время прислушивались, стараясь угадать, что там происходит. Наконец, не выдержав томительной неизвестности, бронебойщик Холупенко, его второй номер — молодой парнишка — и француз Жан-Пьер побежали к западному заслону. А немного спустя оттуда прибыл связной и доложил, что подошедший состав гружен прессованными тюками соломы и сена.

— Охрану его, человек мабуть з два десятка, наши перебили, а може, ще кто з хвашистов повтикалы, — добавил партизан.

— Не состав, а ерунда! — разочарованно произнес кто-то и выругался.

— На этот раз не повезло! — сокрушенно подтвердил Томов.

Тут к командному пункту, обосновавшемуся на переезде, прибежал связной от Холупенко. Это был его второй номер. Обращаясь к старшему лейтенанту Томову, он сказал, что Холупенко просит разрешения поджечь солому и сено, которыми нагружены платформы.

Обозленный тем, что состав оказался со столь малочисленным грузом и что противнику не нанесен сколько-нибудь существенный урон, Томов резко возразил и, отвернувшись от связного, стал отчитывать кого-то за то, что разведка не достигла намеченного пункта.

Связной был явно недоволен. Он остался на переезде

и искал случая еще раз обратиться к Томову. Но, услышав голос командира полка, который подъехал к переезду, подошел к столпившимся вокруг командира партизанам, протиснулся вперед, однако не решился обратиться к нему в присутствии Томова. Командир полка выслушивал доклады, отдавал распоряжения, и постепенно окружившие его партизаны разошлись. Вот тогда-то связной передал просьбу Холупенко разрешить поджечь солому и сено.

— Ни в коем случае! — прервал его командир полка и объяснил, что пламя непременно заметят немцы, приостановят движение и тогда уже наверняка не удастся перехватить состав с более ценным грузом.

Посланец Холупенко хотел высказать соображения бронебойщика, но командира полка отвлекли вновь подошедшие партизаны.

Движение партизанской колонны через переезд было в самом разгаре, когда на командный пункт прибежал Жан-Пьер. Он недоумевал, почему второй номер Холупенко так долго не возвращается с ответом. Волнуясь, коверкая русские слова, невольно переходя на французский язык, он пытался объяснить, почему нельзя оставлять на платформах солому и сено, но терпеливо слушавший его командир полка не успел ответить, как кто-то из партизан не без ехидства заметил:

— Видать, Грише Холупенко захотелось позабавиться, малость огоньком попыхать! — и уже наставительно добавил: — Нет, парень, война — не забава! Тут все с умом надо делать.

— А я с умом и хочу! — вдруг раздался из темноты басистый голос Холупенко. Он тоже прибежал на переезд. Обращаясь к командиру полка, он добавил:

— Да шо вы, товариш командир, вы ж не подумалы, шо эшелон иде з Германии?

— Уй, уй! — поддержал француз. — Вест, Вест, нах Остен! Уй, уй! Комарад Холлюпенько аве резон! Иль э прав! *

— Що герману соломы да сина не хватае у нас на Украине? — вновь загорячился Холупенко. — Не-е! Тут

* Товарищ Холупенко прав! Он прав! (франц.). — Прим. авт.

шо-сь такё не то... Эшелон иде на хвронт и, бачьте, з соломою!..

Холупенко рассказал, что хотел скинуть тюки с одной платформы, посмотреть, не скрыто ли за ними чего, но сделать это не удалось; тюки крепко-накрепко связаны стальной проволокой.

Кто-то попытался пошутить, надеясь доставить этим удовольствие командиру полка, но тот вдруг сказал:

— А ведь верно! Ну-ка, быстро поджечь солому на одной платформе!

Холупенко со вторым номером и француз сломя голову умчались к составу. Но вскоре второй номер вернулся.

— Не горит — выпалил он, едва переводя дыхание.

— Как это не горит! — удивился Томов. — Солома да чтобы не горела?

— Вот так, товарищ старший лейтенант, не горит и всэ! От хоть што делай, а нияк не запалимо! Холупенко казал, шо треба бензину прислати...

Группа разведчиков с канистрами, наполненными горючей смесью, побежала к составу. Один из них вскоре вернулся и взволнованно доложил:

— И горючее не помогает! Должно быть, солома чем-то пропитана. Не горит — и точка...

— Да ну! — скептически заметил один из партизанских ездовых. — Что ж, немцы-то кормят своих коней не соломой, а чугуном?

Но Томов понял, что дело не шуточное, что враг неспроста применил такую искусную маскировку. Немедленно к составу были посланы минеры с взрывчаткой, и вскоре раздался взрыв. Опять потянулись минуты томительного ожидания, наконец послышался топот бегущих людей. Еще не добежав, два минера, перебивая друг друга, закричали:

— Под соломой танки!

— Большие, с длинными стволами...

— Свеженькие! Таких не видывал!

— Взрывчатки надо еще, да побольше!

Теперь к составу бросились все, кто тут был. Под руками не было саперных ножниц. С большим трудом партизаны перерезали стальную проволоку, густой сеткой стягивавшую тюки сена и соломы, которыми со всех сторон были обложены танки. Тюки сбросили на зем-

лю... И двадцать две новенькие машины неизвестной марки предстали перед партизанами во всей своей зловещей красе.

— Вот так штука, братцы!

— Ну и Холупенко!

— Кто это говорил, что воевать надо с умом? То-то и оно, что с умом!

Принялись за дело минеры. Один за другим следовали взрывы. Вскоре вся фашистская техника была превращена в лом и валялась вместе с изуродованными платформами в грязи вдоль полотна железной дороги.

Это были первые танки «Пантера», которые немецкое командование отправило на Восточный фронт.

В прекрасном настроении возвращались Томов и другие партизаны на переезд, когда вдруг обнаружилось, что к хвосту первого состава подходит вражеский бронепоезд. Очевидно, грохот взрывов докатился до гитлеровцев, и они не замедлили выслать подмогу.

Немедленно в ту сторону бросились партизаны. За ними побежали Томов, Холупенко и Жан-Пьер. А колонна дивизии все еще не миновала переезд. Поток подвод казался бесконечным. Еще издали бронепоезд открыл огонь из минометов. На переезде образовалась пробка, а подходили все новые и новые подразделения партизан.

Бронепоезд приближался медленно. Впереди паровоза катилось несколько платформ, груженных балластом.

Партизаны, находившиеся в заслоне, не спешили открывать огонь. Бронепоезд, методично постреливая, приближался к хвосту состава ортскомендатуры.

В этот момент заговорили пушки и противотанковые ружья партизан.

Бронепоезд затормозил.

Нужно было спешить, начинало светать. А если до полного рассвета немецкий бронепоезд не будет уничтожен, батальону не сняться с позиций, да и артиллерию не увезти.

В еще худшем положении оказалась часть колонны, которая осталась по эту сторону магистрали. Там из вагонов состава ортскомендатуры вдруг слышались крики женщин и детский плач.

Несмотря на огонь бронепоезда, несколько разведчиков отважились подобраться к вагонам. После невероятных усилий им удалось сбить замки на дверях. В вагонах стояли напуганные и невероятно исхудалые женщины и дети. Сквозь шум боя отчетливо слышались слова:

— Спасите, милые! — кричали они. — Товарищи, родные!

Оказывается, только когда рассвело, эти люди поняли, что состав остановлен партизанами. Вот тогда-то они подняли крик.

Разведчики, не теряя ни минуты, стали помогать женщинам выбираться из вагонов, брали ребят на руки и ползли с ними в зону мертвого пространства. С бронепоезда это заметили и перенесли огонь одного пулемета на эшелон. Фашистские бандиты стреляли точно: несколько женщин и партизан с малышами на руках упали. Подойти к ним оказалось невозможно. Стоило кому-нибудь сунуться к насыпи, как тут же земля вдоль полотна покрывалась вспышками от разрывных пуль. А у приоткрытых дверей вагона, сбившись в кучу, еще толпилось несколько испуганных ребятишек. Они что-то кричали. Особенно надсадно кричала белокурая девочка лет пяти. По произношению нетрудно было понять, что она из Белоруссии.

— Ратуйте, дяденьки!.. Родненькие, возьмите и меня!..

Душа разрывалась у партизан от жалобного голоса девочки.

Вдруг за спиной партизан раздался дружный артиллерийский залп, затем еще и еще. Это открыла огонь дивизионная батарея, высланная на помощь заслону. У всех отлегло от сердца. Но пушки били с закрытых позиций, и попаданий было мало: то перелет, то недолет. А бронепоезд, не переставая, извергал буквально шквал огня.

Положение партизанского заслона становилось тяжелым.

Боеприпасы на исходе, потери увеличились, состав ортскомендатуры стоял невредимый, колонна дивизии была разорвана, а рассвет неумолимо приближался.

Но вот на бронепоезде произошел взрыв. Одна бронеплатформа запылаха бордово-фиолетовым пламенем. На некоторое время огневые точки бронепоезда, словно по команде, умолкли.

Несколько разведчиков, воспользовавшись затишьем, бросилось к вагону с детьми.

Но гитлеровцы быстро пришли в себя. Снова затрещали пулеметы, продольный огонь отсекал всех, кто приближался к составу. И все же одному удалось благополучно проскочить простреливаемый участок. Им оказался Жан-Пьер де Шаррон. Он вскочил в вагон и тут же появился с белокурой девочкой на руках.

Ему кричали, чтобы он не спускался с насыпи, делали знаки, свистели. Француз понял и стал пробираться вдоль состава в сторону переезда, прикрыв девочку полкой шинели. Было холодно, а она в одних лохмотьях, на голове едва держалась маленькая замусоленная панамка.

На помощь француз пополз Холупенко. Неожиданно Жан-Пьер резко свернул с насыпи. Пули снова стали ложиться вдоль полотна. Фашисты, очевидно, заметили француз и решили не дать ему уйти. Холупенко развернул свою бронебойку в сторону стрелявшего пулемета. Вдруг Жан-Пьер как-то странно присел и больше уже не поднимался.

Холупенко по-пластунски пополз к нему. Жан-Пьер лежал на спине, откинув в сторону руку с автоматом. Другой рукой он крепко прижимал к груди девочку. И девочка, и француз были убиты наповал.

Холупенко, казалось, потерял дар речи. Бывалый солдат, повидавший в войну немало смертей, страдальчески сморщился, глаза его наполнились слезами. Он смотрел на Жан-Пьера, изо рта которого медленно текла тонкая струйка крови. Красными пятнами покрывалась и панамка на голове девочки. К бронебойщику подполз его второй номер, предложил отползти назад.

Холупенко ничего не ответил. Он выхватил у своего помощника сумку с бронебойными патронами и противотанковыми гранатами и в несколько прыжков достиг насыпи. Еще мгновение — и он уже возле состава. Прижимаясь к вагонам, он стал пробираться к бронепоезду. Все затаили дыхание.

Фашисты заметили смельчака и стали бить корот-

кими очередями вдоль полотна железной дороги.

Но Холупенко уже был под вагоном состава ортскомендатуры. Оттуда он несколько раз выстрелил по бронепоезду из противотанкового ружья.

Это ничего не дало.

Холупенко продвинулся еще немного и снова открыл огонь. Пули ложились в цель, но существенного вреда бронепоезду, видимо, не причиняли. Выпустив последний патрон, партизан пополз вперед.

В это время над переездом пронеслись на бреющем полете три немецких бомбардировщика. Послышались взрывы, затряслась земля. Фашисты бомбили партизанский обоз. Положение становилось все более угрожающим: одна пушка уже выведена из строя, у второй кончились боеприпасы. Подвезти их невозможно. По команде Томова партизаны открыли огонь зажигательными пулями по составу ортскомендатуры. Некоторые вагоны загорелись. Под прикрытием дымовой завесы можно было вынести раненых и несколько перегруппировать силы.

А бронепоезд продолжал вести огонь, хотя получил серьезные повреждения. Паровоз уже был выведен из строя, одна бронеплатформа сгорела, несколько огневых точек умолкло. Но смертельно раненный, бронепоезд был еще очень опасен, да и оставшиеся в нем фашисты не теряли надежды на прибытие подкрепления.

Занималось утро, и свежие войска могли прибыть с минуты на минуту. Томову доложили, что на помощь заслону вышел в обход один батальон. Он должен был зайти с противоположной стороны и ударить бронепоезд в тыл. Где-то вдалеке раздался взрыв. Это минеры батальона разрушили небольшой железнодорожный мост, чтобы отрезать бронепоезду путь назад и помешать врагу подослать подкрепление.

И вот в это время у бронепоезда вдруг выросла фигура Холупенко. Он метнул связку противотанковых гранат. Страшной силы взрыв потряс воздух. За ним последовал еще один. Огромная волна подняла бронепоезд в воздух. Летело все! И бронированные башни, и колеса, и шпалы, и рельсы, разворотило даже насыпь.

Видимо, гранаты угодили в склад с боеприпасами. Несколько партизан были ранены.

Далеко, за несколько десятков метров от места взрыва, партизаны нашли останки отважного бронбойщика.

В тот день у безымянного переезда железнодорожной магистрали Москва—Варшава—Берлин в большой могиле рядом с павшими партизанами, женщинами и детьми были похоронены партизанский бронбойщик украинец Григорий Тарасович Холупенко и французский лейтенант, граф Жан-Пьер де Шаррон, державший в своих объятиях маленькую с исхудавшим личиком белокурую девочку из Белоруссии, имя которой так и осталось неизвестным...

...У могилы под большой красной звездой была установлена табличка со стандартной надписью: «Achtung! Partisanen Kolpack!»

Немецкую колонну жители села заметили еще издали. Впереди мчались мотоциклисты, за ними тянулась цепочка грузовиков и каких-то необычных серых автобусов. В деревне раздались тревожные голоса:

— Немцы! Прячьтесь! Немцы!

Все бросились кто куда.

Небольшое село стояло в стороне от шоссе и железной дороги. До ближайшего города было больше тридцати километров. Оккупанты наезжали сюда не часто. Впервые они появились год назад, когда поблизости проходила линия фронта, наскоро обшарили хаты, постреляли кур и гусей, а потом собрали всех жителей у здания бывшего сельского совета. Краснощекий приземистый толстяк в офицерском кителе с посеребренными погонами, стоя в кузове грузовика, объявил, что отныне и на веки веков здесь устанавливается власть непобедимой Германской империи, во главе которой стоит рейхсканцлер Адольф Гитлер. Офицер поморщился, заметив, что при упоминании имени фюрера зааплодировали лишь солдаты, а крестьяне молча стояли, опустив головы, как на похоронах. Он покраснел, недовольным тоном что-то сказал переводчику, прямому, как жердь, унтер-офицеру в очках.

— Офицер германски армия, госпотин комендант, сказали: кто рус шеловек не пудет

пошиняется закон Германски империя, того расстреляйт!

Переводил он плохо, но люди поняли, что вместо сельсовета теперь будет управа и что жители села обязаны беспрекословно повиноваться всем законам германского государства: выполнять все требования старосты, который в свою очередь будет получать указания из города от господина коменданта. При этом переводчик указал на говорившего офицера. Это и был комендант.

Тут же был представлен назначенный оккупантами староста. Все очень удивились, когда им оказался бухгалтер колхоза Степан Ячменев. Его знали много лет как честного, правда, немного замкнутого и молчаливого человека. Дело свое он знал, люди его уважали, и вот поди же...

Но Ячменев и сам удивился. Еще до собрания его вызвали, и офицер расспрашивал, сколько в селе осталось жителей, многие ли ушли в Красную Армию, сколько голов скота у крестьян, что уцелело из колхозного имущества?

На все вопросы он отвечал неопределенно, ссылаясь на то, что колхоз спешно эвакуировался, что проходившие потом части тоже кое-что увезли, поэтому он точно не знает... О себе Ячменев сказал, что нигде не бывает, в военных делах не разбирается и в армии, ясное дело, не служил. При этом он показал на укороченную от рождения ногу. На этом беседа закончилась. И вдруг его объявили старостой!

Ячменев подошел к офицеру и сказал, что не сможет быть старостой из-за физического недуга. Толстая физиономия немца перекосилась от злости, он что-то буркнул в ответ. Переводчик перевел:

— Госпотин коментант сказали — это пошёт! Польшой пошёт тля рус слышит староста Германски империя! Кто не пошиняется закон Германски империя, тот расстреляйт! Понималь?

Незадолго до наступления темноты, погрузив на машины «реквизированное» имущество, гитлеровцы уехали.

Прошло несколько дней, Ячменев ходил сам не свой. Все его стали сторониться. Конечно, с ним здоровались, и очень почтительно, но Ячменев прекрасно понимал, что скрывается за этой внешней почтительностью. И же-

на его потеряла покой. Ее тоже сторонились, женщины разговаривали с ней неохотно, сухо.

Дома у Ячменевых будто покойник лежал, все молчали, даже дети перестали шуметь. К ним теперь никто не приходил. Старший сын Саня, которому шел тринадцатый год, совсем помрачнел, особенно после того, как один из школьных друзей выпалил: «Отец твой — шкура... Вот кто он! Продался фашистам!»

Саня понимал, что отец тяготится этой гнусной должностью, но сказать ребятам не мог. Кто бы ему поверил? Только с матерью он был откровенен и как-то спросил ее напрямик:

— Верно, что отец стал предателем?

— Нет, Саня, не думай так, — только и сказала она в ответ, тяжело вздохнув.

И вот однажды ночью Саня услышал в сенях шорох, приглушенный разговор, потом скрипнула входная дверь... Он соскочил с постели, бросился к окну. У калитки мать обняла отца, и он, прихрамывая, отошел к каким-то людям, стоявшим на дороге. Саня смотрел в окно до тех пор, пока отец и два его спутника не исчезли в темноте. А когда мать вернулась, Саня лежал в постели, делая вид, что спит. Мать подошла к нему, поцеловала в щеку и чуть слышно сказала:

— Нет, Санюлочка, отец твой не предатель. Нет, мальчик мой, он честный...

Саня лежал без движения, обдумывая, куда же и с кем ушел отец, скоро ли вернется домой, и, не находя ответа на эти тревожные вопросы, вновь и вновь с облегчением твердил про себя слова матери: «...отец твой не предатель.. он честный...».

Утром следующего дня мать сказала детям, что отец уехал в город к коменданту. Саня понял, что это неправда, но раз мать говорит, стало быть так надо.

К вечеру отец не вернулся. Не вернулся он и на второй день, и на третий... В селе поговаривали, будто в городе старосту арестовали за невыполнение приказов коменданта; другие говорили, будто его убили наши за то, что пошел служить к немцам.

На пятые сутки после исчезновения Степана его жена, прихватив узелок с хлебом, куском сала и бутылкой молока, отправилась в город просить коменданта освободить мужа или хотя бы разрешить «передачу»...

В комендатуре, однако, ей ответили, что не имеют понятия, куда девался староста, и обещали живого или мертвого, но непременно разыскать его. Женщина ушла с облегченным сердцем; все пока шло так, как и было задумано...

Шли дни. Ячменева оккупанты, конечно, не разыскали и снова приехали в село, чтобы назначить нового старосту, а заодно для устрашения повесить одного парня, который пытался удрать из эшелона, следовавшего в Германию с «русскими рабами».

Как и в прошлый раз, всех жителей села согнали на площадь, и толстяк-комендант, ни словом не обмолвившись о Ячменеве, объявил о назначении нового старосты. Это был известный на селе мужик, хотя давно уже его здесь не видели. Был он в прошлом кулак. Его арестовали, осудили и сослали. Детей у него не было, а жена не стала ждать, куда-то уехала. О нем уже стали забывать, как вдруг, незадолго до войны, он вернулся и поселился в соседнем селе. Дом его был занят: до войны в нем размещался детский сад, а теперь жили две семьи военнослужащих. Здесь их настиг фронт, и они были вынуждены остаться.

И вот он назначен старостой, ему возвращены его участок и дом. Все были уверены, что отныне в селе наступят черные дни.

Спустя несколько дней новый староста пришел в свой дом, молча прошелся по комнатам, а уходя сказал замершим от испуга женщинам, чтобы не торопились освобождать дом, он ему не нужен. Люди не знали, что и думать. Уж не замышляет ли староста что-нибудь похуже выселения? На вид он казался грозным. Сурово, испытующе смотрел он на людей большими карими глазами. В селе его боялись, хотя он еще не сделал ничего дурного. Но что хорошего можно было ожидать от ставленника немцев, да еще репрессированного в прошлом кулака?!

Когда староста поселился в доме Степана Ячменева, своего бывшего батрака, жена Степана стала молчаливой и грустной. Ведь она помнила, как муж раскулачивал бывшего хозяина. И теперь ждала, что все это он припомнит ей... Совсем было решила переехать в другое село, но передумала: «А вдруг муж вернется, тогда как?» — и осталась.

Тем временем из города от коменданта в управу поступал приказ за приказом, и в каждой речи шла о поставках «для солдат и офицеров доблестных вооруженных сил великой германской империи». Однако староста редко отвозил в город продукты, зато каждый раз заезжал к леснику и забирал с собой приготовленный для него ведерный бочонок самогона. Люди знали, что самогон он поставляет немецкому фельдфебелю, которому надлежало следить за поставками их деревни.

Так продолжалось недолго. Гитлеровского шписа* за чрезмерную приверженность к спиртному отправили на фронт. Новый интендант оказался зверем, заядлым нацистом. Все же староста решил подкупить и этого, но дело обернулось не так, как он рассчитывал. Интендант осмотрел подводы, увидел прелый картофель, полсотни яиц да хилого поросенка и завопил:

— Саботаж!.. Где мясо, молоко, масло, фураж?

Доложил коменданту. Тот пришел в ярость:

— Плетей!

Старосту стали избивать, а он твердит одно, будто люди не слушаются его распоряжений и нет у него ни солдат, ни оружия, чтобы заставить их выполнять поставки...

— ...Дают что попало и то с руганью, а я здесь страдаю! — жалобно говорил он. — Вы уж, сделайте милость, помогите, тогда увидите, на что я способен!..

Комендант поверил старосте. Ведь человек он подходящий, в прошлом кулак, сидел у большевиков в тюрьме... Может, и в самом деле без оружия тяжело ему управлять. Комендант что-то сказал переводчику, тот поспешил довести до сведения старосты:

— Госпотин комендант сказал — корошо. Госпотин старост не полючайт немецки зольдат.. Госпотин старост полючайт оружие на село. Госпотин комендант путет посмотреть, как госпотин старост выполняйт поставка...

В заключение комендант сделал выразительный жест рукой вокруг шеи и закатил глаза. Староста понял, что немец грозит повесить его, если и на этот раз он не выполнит приказ.

В тот же день староста вернулся в село и привез восемь старых французских винтовок, два нагана и

немного патронов, чтобы в помощь себе вооружить «надежных людей», как он сказал коменданту. А через несколько дней, оправившись от побоев, он распорядился собрать всех на площади.

Молча сходились крестьяне к управе. Они знали о том, что старосту в комендатуре избили, и теперь ожидали, что и он начнет зверствовать.

Легкий мороз пощипывал уши, в воздухе лениво кружились снежинки. Стоя на крыльце, обнажив взлохмаченную седую голову, староста объявил, что немцам он больше не слуга, поставки собирать у населения и откармливать оккупантов не будет.

— Вы все знаете, в прошлом я был кулак. Было... В тюрьме сидел — и это знаете. Но сидел, скажу вам, за дело! За какое? Руку я на Родину поднял. Вот что! Теперь немцы хотят, чтобы я пошел им служить! Нет, хватит. Знайте, граждане, я русский человек и второй раз руку на Родину не подыму! Это вы тоже знайте...

В тот вечер староста и еще семь человек, закинув за спину французские винтовки, ушли из села.

Узнали об этом немцы, и в непокорное село заявились солдаты. На этот раз привезли откуда-то нового старосту и десять полицейских. Назначение старосты состоялось уже без церемонии на площади. Для утешения крестьян каратели расстреляли семьи военнослужащих, жившие в доме бывшего кулака. В селе воцарился произвол: полицейские уводили скот, забирали продукты, одежду.

В дом к Ячменевым явился сам комендант. Он допытывался, куда девался хозяин, угрожал жене Ячменева и наконец ударил ее хлыстом по лицу. Багровая полоса мгновенно выступила на щеке, а разгневанный гитлеровец, брезгливо сплюнув, ушел, пригрозив виселицей. Все это Саня узнал, когда вернулся с дальнего огорода, куда мать его послала при появлении немцев.

К полудню в город отправился обоз с награбленными продуктами и вещами. Его сопровождали солдаты во главе с комендантом. А коров, овец и коз полицейские гнали гуртом.

Но до города каратели не дошли. В нескольких километрах от села на них напали партизаны, и к вечеру стадо и груженные подводы вернулись в село. Вернувшиеся возницы, которые были взяты со своими подвода-

ми, рассказали, что партизаны поубивали всех карателей, не ушел от них ни комендант, ни староста.

Саня слушал эти рассказы, радовался, что партизаны отомстили извергу коменданту за издевательства над его матерью, и нетерпеливо ждал, не подтвердят ли старики возницы его догадку, что отец стал партизаном. Но, отвечая на вопросы односельчан, старики сказали, что не приметили среди партизан своих.

Недели две в селе было тихо. Правда, до местных жителей дошел слух, будто в окрестных селах немцы проводят облавы, прочесывают леса. А однажды донеслась перестрелка, которая длилась довольно долго, потом опять воцарилось спокойствие.

Но как-то в полдень каратели вновь нагрянули. На площади солдаты принялись устанавливать высокий столб. Чего-то там мастерили. Всем стало ясно — строят виселицу. Потом опять народ согнали на площадь. Вскоре подъехал грузовик с солдатами. Машина остановилась под виселицей. Последовала команда, и стоявшие в кузове машины солдаты прыгнули на землю. Борта грузовика опустились, на открытой площадке остался человек в разодранной рубаше. Руки у него были связаны, лицо в кровавых подтеках и ссадинах, но он стоял с гордо поднятой седой головой.

По толпе мгновенно прокатился глухой шумок. Жители признали своего бывшего старосту. Оказывается, это он возглавлял вооруженных людей, которые напали на обоз и перебили немцев вместе с комендантом. Но несколько дней спустя этот небольшой партизанский отряд был обнаружен карателями и окружен. В неравном бою командир был ранен и взят в плен. Теперь гитлеровцы привезли его, чтобы публично казнить.

С речью выступил очкастый офицер — новый комендант. Он возмущался тем, что бывший староста оказался партизаном. Но тут загремел голос человека с грузовика. Он сразу заглушил визгливый голосок немецкого офицера.

— Граждане, люди русские! Знайте, для русского человека, пусть в прошлом кулака, нет ничего дороже Отечества! И да будет проклят тот, кто пойдет против него!.. Бейте, товарищи, этих гадов! Они хотят поставить нас на колени, а вы отвечайте им топором да вилами, берите оружие. Красная Армия...

Длинная очередь из автомата прервала гремевший в морозной тишине голос. Немецкий комендант не выдержал. Публичная казнь не состоялась... Услышав выстрелы, люди разбежались. Убрались восвояси и оккупанты.

В ту же ночь виселица пошла на дрова. А бывшего партизана люди проводили в последний путь со всеми почестями. На могилу его Саня Ячменев возложил венок из еловых веток.

Морозы в ту зиму стояли крепкие, дороги замело снегом, и немцы больше не показывались в селе, словно их и не было. Но люди по-прежнему жили в напряжении и страхе.

Пришла весна, набухли почки, зазеленела листва, наконец наступили жаркие летние дни, а немцы так и не появлялись. Все приободрились — зима придет, и вовсе не заявятся. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Саня Ячменев слышал тревожные крики, когда шел к колодцу за водой. Он осмотрелся и увидел вдали, на проселочной дороге, ведущей в село, колонну машин. Опрометью кинулся домой.

— Ма-а-м! — закричал он, еще не добежав до крыльца. — Немцы едут!

Мать так и застыла у корыта с бельем. И только когда Саня снова крикнул: «Немцы, мама!» — она опомнилась, вместе с Саней выбежала на крыльцо. Колонна фашистов уже остановилась на площади. Солдаты прыгивали с машин. Когда пыль немного улеглась, Саня сказал матери:

— Эти, мама, какие-то другие. Все в черном, смотри...

У женщины захолонуло сердце. Она знала, что самые страшные гитлеровцы носят черную форму. Они-то и угоняют тарней и девушек в Германию, не щадят и детей...

— Ты, сыночек, прячься-ка лучше, мальчик мой. Боюсь я за тебя. Беги в лес, сынок...

Прибежали две сестренки и младший брат Сани, наперебой стали рассказывать, что немцы выгоняют всех на площадь, будут куда-то переселять, повезут в автобусах.

— Такие большие, красивые, мама, автобусы!

Мать бросилась к окну: на окраине села уже стоял фашистский часовой. Что же делать?! Послышался шум мотора, перед домом остановился грузовик с фашистами. Мать только и успела сказать:

— Сыночек, беги, родной, прячься. Скорей, скорей!

Саня привык слушаться мать с первого слова. Сурово взглянул он на сестренку и брата. Они поняли его, прижались к матери.

Саня выбежал во двор и увидел, что фашисты стоят у каждой избы. Но он не растерялся. За огородом, неподалеку от дороги, чернел овраг, заросший бурьяном, крапивой и татарником. Мать ужаснулась, увидев, как сын нырнул в овраг.

Сане обожгло лицо, руки, в босую ногу впиалась колючка, но он полз по дну оврага, не отдавая себе отчета, куда и зачем ползет. Из села доносились выстрелы, крики женщин, плач детей, остервенелый лай и визг собак. Сане показалось, что он услышал лай своего любимца Серко. Сердце тревожно забилося. «Наверное, зашли к нам во двор...— думал Саня.— Неужели опять маму побьют? Будут про отца спрашивать».

Раздалась автоматная очередь, и сразу замолчал Серко. Еще не понимая, что произошло, мальчик съехал, словно стреляли в него. Он весь превратился в слух. Шум, крики все нарастали, приближались к оврагу. Плач детей, причитания женщин перекрывали гортанные, резкие выкрики оккупантов: «Рус, шнель! Шнель!» Раздался выстрел, какая-то женщина заголосила:

— Ой, моя дытына! Где моя дытына, люди добры?! За што загубили изверги мою дытыну, за што?!

Ее голос заглушал другой:

— Не пойду никуды. Не пойду... Что хотите делайте! Не пойду!

Опять выстрел, и крик женщины оборвался...

«Неужто убили?» — в страхе подумал Саня.

Колонна проходила рядом с оврагом. А Саня лежал, словно в бреду. Он не чувствовал боли ни от ожогов крапивы, ни от колючек. Лежал, кусая губы, готовый вот-вот расплакаться от бессилия.

Совсем близко раздалась длинная очередь, где-то чуть в стороне просвистели пули. Саня прижился к зем-

ле, и вдруг отчетливо различил душераздирающий крик матери:

— Коля-я-я! Ой, Коленька-а-а!.. Забили-и-и!

Саня рванулся, хотел бежать к своим, но голос матери остановил его:

— Санюра, миленький, лежи, сыночек, не шевелись!.. Прощай, родненький, проща-ай, Са-а...

Крики женщин, плач детей, ругань немцев заглушили голос матери. Саня рыдал, кусал губы и руки от злости на себя, на то, что не мог защитить своих, и с ужасом шептал: «Коленьку забили! Он же маленький!» Он силился различить голоса родных, уловить хотя бы словечко, но больше ему ничего не удалось услышать.

Не знал Саня, что немец ударил мать палкой за то, что она протискивалась сквозь толпу поближе к оврагу, а испуганный Колька вырвался от нее и бросился бежать. Мать не успела крикнуть ему, чтобы вернулся, как воздух разорвала очередь из автомата. Так и лежит Колька теперь, бездыханный, между дорогой и оврагом.

Колонна прошла, за ней проехали мотоциклисты, машины. Сквозь бурьян и листья крапивы Саня видел только верх больших автобусов мышиного цвета с розовыми занавесками на окнах. Шум доносился все слабее и слабее... Вскоре все стихло. Саня осторожно встал на колени, озираясь по сторонам, вскарабкался по склону и высунул голову из-под лопухов. Немцы уводили жителей села в сторону леса. Саня смотрел им вслед и недоумевал: «Почему повели в ту сторону, а не на станцию? Не пешком же идти до Германии? И зачем мать велела ему лежать, не шевелиться? Переселяться, так всем вместе. Нагрянул бы отец со своими партизанами... Ох, папочка милый, где ты? Выручи нас из беды!»

Небо заволокло тучами. Время от времени раздавались все приближавшиеся раскаты грома. Легкий ветерок сменили резкие порывы ветра. Надвигалась гроза. Мальчик ощутил первые крупные капли дождя на горевшем от ожогов крапивы теле и в то же мгновение поднялся, чтобы бежать домой. «Мамка ругаться будет...». Но не успел сделать и шага, как из вчерашнего дня сознание вернуло его в день сегодняшней. Он снова боязливо пригнулся к земле, стал осматриваться по

сторонам. Убедившись, что кругом безлюдно, выбрался из оврага и, крадучись, побрел к дому. Но что это? Чуть в стороне, возле кювета, лежал кто-то маленький, раскинув руки и босые ноги. Он вспомнил крик матери: «Коленка-а-а! Забили!» Стало нестерпимо страшно, захватило дыхание, но он не мог оторвать взгляда от братишки. Ему казалось, что малыш шевелится, дышит... «Может, еще живой...», — ободрял он себя. На рубашонке брата чернели пятна крови...

— Колька!.. Коля-а-а! — вскрикнул он, все еще не веря в его гибель. Но в ответ услышал только раскат грома и шум хлынувшего ливня.

Плача навзрыд, тщетно призывая на помощь родных, Саня понес тело брата в дом. Здесь все было перевернуто, двери и окна распахнуты, подушки, одежда, кухонная утварь разбросаны по полу.

— Мама! — тихо произнес Саня, остановившись у порога. — Мамочка! — и, обессилев, опустился на пол, все еще держа на руках тело маленького брата.

Гнетущую тишину разоренного дома и монотонный шум затихавшего дождя вдруг нарушил отдаленный прерывистый треск. До сознания Сани не сразу дошло, что это не гром уходящей грозы, а стрельба. Он прислушался. Трескотня пулеметов и автоматов доносилась со стороны леса. Страшная догадка мелькнула в голове мальчика. Обезумев от ужаса, он вскочил и, оставив бездыханного братишку у порога, стремглав кинулся из дома.

Он бежал, плакал и непрерывно твердил:

— Мамочка, миленькая! Где вы, мои родные?!

Когда он добрался до леса, стало темнеть. Саня долго бродил по опушке, знакомым полянкам, останавливался прислушиваясь: не раздадутся ли голоса. «Ведь было так много людей! — думал он. — Где же они все?» Но людских голосов не было слышно, только шелест листвы да протяжные крики совы нарушали тишину.

Совсем затемно добрал он до карьера, из которого односельчане возили глину. Здесь Саня часто играл с ребятами, а теперь спускался в него, затаив дыхание. Его охватило жуткое предчувствие, и оно не обмануло мальчика. Он набрел на трупы, замер от испуга, потом, как лунатик, стал переходить от одного к другому. Тьма

сгустилась, и мальчик низко склонялся над каждым телом, всматривался, но никого не узнавал, будто это были совсем не знакомые ему люди. Их было много, очень много.

И лишь когда слегка рассвело, он стал узнавать односельчан. Он уже не испытывал страха, все чувства притупились, и мальчик даже забыл, зачем пришел сюда... Мать лежала, прижав к себе обеих девочек. Казалось, они безмятежно спали. Саня тихо, на цыпочках, приблизился — и в эту секунду к нему словно вернулось сознание. Иступленный крик пронзил тишину. Где-то вверху отозвалось эхо: «А-а-ма!» Мальчик припал к лицу матери, целовал, гладил, бессвязно бормотал ласковые слова...

Он никак не мог понять, почему здесь лежали пожилые люди? Немошные старики и старухи, дети и калеки. Почти всех он знал. Но на них не было следов крови. Будто спали... Конечно, он не мог знать, что несчастных доставили сюда автобусы. Автобусы-душегубки.

Саня не помнил, сколько времени пробыл в карьере. Не помнил, как и зачем снова пришел в село. Он уже не плакал, а только всхлипывал и почему-то икал. Измученный, голодный, едва передвигая ноги, он прошел все село из конца в конец и, не услышав ни звука, не оглядываясь, пошел к железнодорожной станции. Одно желание руководило им: «К людям... к людям... Ведь есть же где-нибудь люди! — шептал он. — Может, помогут отца найти...»

Едва он миновал окраину села, как впереди послышался рокот моторов. Саня попятился и бросился назад в село, будто мог там найти защиту. Между тем его уже заметили, сопровождавший машину мотоциклист устремился в погоню. Мальчик слышал настигавший его шум, казалось, что вот-вот его раздавят. Он резко свернул с дороги в поле, в заросшую сорняком пшеницу. Ноги больше не держали его, и он тяжело опустился на землю. В ушах звенело, колотилось сердце, он не мог отдышаться, но все-таки пополз дальше от дороги, когда услышал, что где-то поблизости мотор мотоцикла вдруг заглох.

Подошла автомашина и тоже остановилась. Послышались голоса, крики, смех. Саня замер на месте и вдруг совсем близко от себя услышал тяжелые шаги.

Не отрываясь от земли, он повернул голову в сторону дороги и увидел приближавшегося немца. Саня зажмурился и открыл глаза, когда немец уже стоял перед ним, высокий, плечистый, белолицый. Не зная, что делать, Саня хотел встать. Но немец толкнул его, придавил ногой к земле, и... прогремел выстрел, за ним второй. «Все... убил... конец!» — в смятении подумал Саня, не в силах даже кричать, но чувствуя, что еще жив...

Он услышал, как грузовик тронулся. Лежа с плотно закрытыми глазами, Саня все еще не верил, что он жив и невредим. Кто-то похлопал его по щеке, он открыл глаза. Перед ним был все тот же немец. Он нагнулся к Сане и, улыбаясь, делал какие-то знаки рукой в сторону отъехавшей машины, затем сказал:

— Найн капут... Тофариш, гут! Ко-рош тофариш! Ленин — корош. Рус малшик — корош!

Ничего не понимая, Саня смотрел на него глазами, полными страха и удивления.

Немец оглянулся и стал легонько тормозить Саню. Но мальчик лежал, будто разбитый параличом. Тогда немец поднял его на ноги, снова потрепал по щеке и спросил:

— Мама — ест? Папа — а?

Саня опустил голову, сился не разрыдаться. Зачем этот немец спрашивает о родителях? Может, хочет прикинуться добрым и узнать, где его отец? Он отрицательно покачал головой и показал рукой туда, где были расстреляны его родные.

Немец тяжело вздохнул, печально посмотрел на мальчика.

Саня молчал, он не верил немцу. Стоя теперь рядом с ним, он почувствовал, что от немца исходит какой-то необычный специфический запах, вселявший в него еще большую тревогу. Саня не мог понять, исходит ли этот запах от пробензиненных сапог, кожаного снаряжения или, быть может, от крови расстрелянных людей, которой пропиталась одежда немца? Этот запах почему-то напоминал Сане о мертвецах...

А немец улыбался и, не переставая оглядываться по сторонам, рылся в карманах. Он достал несколько кусков сахара, пачку галет, кусочек пересохшего сыра и все это отдал Сане. Взяв мальчика за обе руки, он потряс их, погладил его по голове.

Саня взглянул на немца и удивленно поднял брови: в глазах у мотоциклиста блеснули слезы. Словно стыдясь этого, немец повернул Саню в сторону темневшего вдаль леса приговаривая: «Фашист пак-пак-пак! Партизан...», — подтолкнул его в спину.

Как в бреду Саня сначала медленно пошел, потом побежал, то и дело с опаской оглядываясь назад. Но немец по-прежнему дружелюбно махал ему рукой.

Когда Саня был уже далеко, он увидел, как немец сел на мотоцикл и вскоре исчез за бугром. И снова тягостное чувство одиночества овладело мальчиком. «К людям... к людям... Ведь есть же где-то хорошие люди... — шептал он, — может, и отец в том лесу...».

...Босой, голодный, измученный, три дня бродил Саня по лесу. Ноги его покрылись волдырями, ранка на пятке гноилась, мучила жажда, а вода попадалась не часто. Он достал белую галету, повертел ее в руках, но есть не мог: ему казалось, что она пахнет теми, кто в черных мундирах. Так было несколько раз. Попробовал разгрызть кусочек сахара, но и он был пропитан тем же запахом. От этого запаха его мутило, перед глазами всплывали трупы родных, посиневший Колька...

Порою он забывался, вспоминал семью, родной дом. Вечерами мать обычно что-нибудь шила, мягко жужжала швейная машина, сестренки в укромном уголке играли в куклы, он делал уроки или читал, а отец, склонясь над ворохом бумаг, до глубокой ночи стучал на счетах. Все в деревне говорили: «У Ячменевых большая семья!» А теперь? И в ушах Сани снова и снова звенел душераздирающий голос матери: «Прощай, родненький, проща-ай...».

Незаметно от тягостных воспоминаний Саня переходил к мальчишеским мечтам. Он видел себя лихим партизаном, живо представлял, как притаился с пулеметом в густом боярышнике за забором сельсовета и в упор расстрелял всех фашистов, прикативших тогда на машинах...

И снова мысли его возвращались к горькой действительности, но с каждым разом тверже, осознаннее становилось стремление во что бы ни стало разыскать партизан и вместе с ними беспощадно бить фашистов. Это придало ему силы, и он снова отправился в путь.

Наступил вечер четвертых суток его скитаний по

лесу. Очень болела нога, ступня побагровела, опухла. Он уже передвигался с помощью крепкого сучка, подобранного в валежнике. Теперь и на ладонях вскочили волдыри, опираться на сучок он уже не мог. Совсем ослабев, Саня опустился на землю и подумал, что больше не встанет никогда... Эта мысль так испугала его, что он решил не ложиться. Боялся уснуть и не проснуться... С трудом поднялся и впервые за все время пошел в ночную темь.

Была поздняя ночь, когда мальчик вышел на опушку леса. Вдали что-то темнело, ему показалось, что это копна. Значит, где-то поблизости есть деревня, люди... Ободренный, зашагал он к копне, мечтая поскорее зарыться в душистое сено и крепко-крепко заснуть. Но из темноты вместо копны выступили очертания избы и изгороди. Мальчик остановился. Ему очень хотелось есть, пить, рассказать людям о своей беде... Изба манила к себе. И, еще не решив окончательно, как ему быть, он пошел к ней. «А вдруг там немцы?» Вспомнил Кольку, маленького, посиневшего, сестренку, мать. Перед глазами проплыли черные мундиры... «Лучше дождусь утра, издали высмотрю, а то и убежать теперь не смогу...» Едва волоча ноги, озираясь по сторонам, он поплелся обратно в лес, но, не дойдя до опушки, опустился под большой куст и впал в забытие.

Партизанская разведка возвращалась с задания и наткнулась на спящего мальчика. Распухшая, израненная нога паренька подсказала партизанам, что с ним случилось что-то неладное. Попытались разбудить его, но бесполезно. Он смотрел широко раскрытыми глазами и, казалось, ничего не видел, бормотал что-то бессвязное, всхлипывал и опять засыпал.

Решили взять парнишку с собой. Несли по очереди. Путь предстоял немалый, нести было неудобно, мальчик часто бредил. Пришлось зайти на хутор к бабушке Аксины, у которой часто останавливались прежде. Партизаны надеялись, что она поможет. И не ошиблись. Баба промыла теплой водой руки и ноги мальчика, опухоль обложила листьями подорожника и с ложечки, как младенца, стала поить его молоком, приговаривая ласковые слова.

Саня очнулся, боясь открыть глаза, прислушался к ласковому голосу старушки, ощутил тепло ее руки, поддерживающей его голову, услышал доброжелательный тихий разговор каких-то людей и успокоился.

Баба увидела, что мальчик очнулся, поднесла к его губам чашку, и он жадно выпил молоко. По всему телу разлилась истома. Так и не открыв глаза, он снова впал в дремоту. Сквозь сон Саня слышал разговор об изодранной одежде, смутно понимал, что говорят о нем, потом почувствовал, что его раздевают и одевают во что-то другое, но так и не проснулся бы, если бы не услышал удивленные возгласы:

— Ба-а! Смотрите-ка! Да у него в карманах целый продсклад... И сахар, и галеты! Немецкие галеты-то!

— Любопытно! Откуда это у него?

— А я думал, что мальчонка с голодухи такой заморенный!

— Не ел я их,— вдруг сказал Саня.— Они пахнут... тем...— губы его задрожали, и, не договорив, он заплакал навзрыд.

Его утешали, но ни о чем не расспрашивали, поняли, что паренька постигла какая-то беда и сейчас лучше его не тревожить. Рыдания постепенно перешли в жалобные всхлипывания, и мальчик снова погрузился в сон. Так спящего и унесли его разведчики, смастерив из тонких жердей и прутьев носилки.

Была поздняя ночь, когда они доставили Саню в партизанский штаб и сразу же передали в санитарную часть, но только в полдень он пришел в себя и рассказал врачу и медсестре свою печальную историю. В тот же день она стала известна всем партизанам отряда. Его стали навещать, приносить подарки. Особенно большая дружба завязалась у него с разведчиками. Всегда после возвращения с задания они приходили к нему, приносили то яблоки, то мед и даже такие деликатесы, как немецкий шоколад и сгущенное молоко. И всякий раз Саня расспрашивал разведчиков, не встречали ли они его отца.

— Его сразу заметишь, он на правую ногу широко хромает,— уже не в первый раз говорил мальчик.

— Найдется, Санек, твой отец. Не беспокойся!— об-

надеживали его разведчики.— Как увидим его, так прямым сообщением к тебе доставим!

Здоровье возвращалось к мальчику быстро, но грустное выражение не сходило с его лица. Окружающие замечали это и не упускали случая отвлечь его от тяжелых воспоминаний. Наконец ему позволили ходить, и вскоре он нашел себе занятие — начал ухаживать за лошадьми санчасти, чистить их, а потом и водить на водопой. Все свободное время Саня проводил в разведроты. Здесь было веселее. Разведчики и вправду были веселый народ: балагуры, будто не они каждый день рисковали жизнью, а кто-то другой, и о тех других рассказывали Сане увлекательные истории. Но странно, как только они говорили, сколько в том или ином бою уничтожили фашистов, Саня тревожился, брови его хмурились, и он расспрашивал партизан, а какие собой были те немцы. Каждый раз он с опаской думал, как бы не попался партизанам и тот, хороший немец.

Его расспросы удивляли партизан, и один из них как-то сказал:

— Да не все ли тебе равно, какие те фашисты — рыжие или черные, высокие или низкие?! Всех их надо давить, как мокриц!

И тогда Саня рассказал разведчикам о хорошем немец.

— Тот немец мне сказал «Ленин — хороший! Русский — хороший. Партизан — хороший!» Значит, он не фашист... Он сам послал меня к вам, даже заплакал, когда я уходил.

— Да, браток, война такая штука... — задумчиво промолвил один из собеседников.

— Верно, Санек, верно, — отозвался другой. — Не все они плохие, не все фашисты, только в бою выбирать, кто хороший, а кто плохой, никак нельзя. Вот и приходится крушить всех подряд...

Постепенно Саня привыкал к партизанской жизни, к ее суровым будням. Вскоре он был зачислен к разведчикам в то самое отделение, бойцы которого нашли его в лесу. Вместе с ними стал ходить на задания.

50 На фронте немцы несли большие потери. Красная Армия то тут, то там переходила в наступление, тесни-

ла оккупантов. Во вражеском тылу ширилось партизанское движение. Неслыханными злодеяниями фашисты рассчитывали устроить народ. Они стали проводить так называемые «акции». Все чаще в селах появлялись команды эсэсовцев в черных мундирах с черепами на фуражках и в петлицах. Они приезжали неожиданно, загоняли всех жителей независимо от возраста в огромные серые автобусы, будто бы для переселения в Германию. Но это были автобусы-душегубки. В пути отработанный газ выходил не в глушитель, а поступал в кузов. Люди гибли. Вот каким переселением занимались так называемые зондеркоманды СС.

Партизаны знали это, и когда разведка сообщила им, что оккупанты задумали «переселять» жителей ближайших населенных пунктов, командир отряда сразу принял решение.

Группа разведчиков вышла на задание. Недалеко от станции на хуторе жил старик железнодорожник. С виду был он невзрачным — маленького роста, худощавый, но очень подвижный. Как и до войны, он работал на станции стрелочником, работал исправно, им были довольны. Но и другие свои обязанности старик выполнял отлично. Обо всем, что происходило на станции, он сообщал навещавшим его партизанским разведчикам или связным.

Было уже за полночь, когда к нему пришли разведчики. Стрелочник сказал, что ожидается прибытие какого-то особого воинского состава с особой командой.

— Немцы говорят, будто здесь будут строить оборону и поэтому всех жителей куда-то переселят.

Разведчики переглянулись. Они догадались, о чем идет речь. А Саня вдруг вскочил.

— Переселят? — вскрикнул он. — Они их убьют!

— Тише, Санек, разберемся, — успокоил его командир разведки.

Стрелочник узнал об этом еще сутки назад, во время своего дежурства. Но прибыл ли уже этот особый эшелон на станцию или нет, он не знал и мог узнать, лишь вновь заступив на дежурство. И только ночью после дежурства он сможет сообщить разведчикам. За это время эшелон мог уже прибыть.

Чтобы этого не случилось, решили сделать так. Саня под видом внука пойдет со стариком на станцию. В случае чего старик скажет, что к доктору внука привел. А как узнают все, что нужно, Саня сейчас же отправится с донесением в условленное место.

Часа за два до рассвета «дед» и «внук» тронулись в путь. Неподалеку от будки стрелочника старик оставил Саню в укрытом от ветра местечке, а сам направился к сменщику, который копошился у одной из стрелок. Вместе они обошли и осмотрели все стрелки, и сменщик отправился домой. Выждав минуты две-три, старик привел Саню в будку и прежде всего сообщил:

— Состав тот покамест не прибыл, а прибыть должен сегодня. Тупик для него уже освободили... Придется тебе, милоч, подождать тут, чтобы зазря своих не баламутить.

Старик показал Сане, как подбрасывать торф в чугунную печурку, и мальчик охотно занялся этим делом. Глядя на огонь, он вспомнил родной дом, семью, и ему казалось, что вот прогонят фашистов и все опять будет по-старому. Но звонил висевший на стене в деревянном ящике телефон, стрелочник выходил встречать поезда, и грезы мальчика рассеивались.

Так прошло часа три. Наконец после очередного телефонного звонка стрелочник сказал, что с соседней станции вышел тот «особый» состав. Саня хотел было тотчас бежать к своим, но старик велел ему дожидаться прибытия эшелона.

— Пстой! Надо сперва узнать, куда эти бандиты пойдутся. Вот тогда-то и пойдешь. Не так ли, Александр Степанович?— хитро прищутив глаз, произнес железнодорожник.

В знак согласия Саня молча кивнул головой.

Минут через двадцать мимо будки проползли платформы с огромными автобусами мышиного цвета и несколько маленьких пассажирских вагонов, запорошенных снегом.

У Сани заколотилось сердце: автобусы были такие же, как и те, в которых «переселяли» его односельчан. Он их запомнил на всю жизнь. Увидел он и немцев: все они были в черных шинелях.

Старик напялил поглубже ушанку и, схватив метлу и лопатку, вышел из будки. Вернулся он несколько, сооб-

шил, что состав подали под разгрузку, и с досадой добавил:

— Горланят себе мерзавцы, в вагонах, пьянствуют, наважное...

Снова зазвонил телефон. Старик снял трубку.

— Стрелочник будки номер два слушает... Понятно, господин дежурный начальник: паровоз к колонке, потом на заправку и обратно к составу. Стало быть, скоро отбывает?.. Нет? Понятно, господин дежурный начальник.

Железнодорожник повесил трубку.

— Выгрузки нынче не будет. Состав остается у нас,— сказал он.— Придется тебе еще малость задержаться. Может, и разужнаю, куда они дальше подадутся. Посиди, милый, посиди еще маленько...

— А наши-то как там? Ждут меня, а я тут сижу. Еще подумают, случилось с нами что-нибудь...

— Ладно,— решительно ответил старик,— иди, Александр Степанович! Скажешь хлопцам: состав прибыл, подали его в тупик под разгрузку, но разгрузки нынче не будет. Может, завтра начнут, кто их знает... А вечером будто в санпропускник пойдут.

— Куда?— не понял Саня.

— В санпропускник, в баню, что на краю станции. Вот и все. Скажи — не разузнал старик, куда они направятся после разгрузки. Скоро я сменяюсь, так что пусть там наши поступают, как надумают. Пснля?

Саня быстро оделся, старик повязал ему голову платком, и они вышли из будки. У семафора расстались, и вскоре Саня скрылся из виду...

Юный разведчик точно передал все, что наказал ему старик. Этих сведений командиру отряда оказалось вполне достаточно, чтобы принять решение. Два батальона партизан получили приказ блокировать и полностью уничтожить немецкую особую команду в санпропускнике.

Уже совсем стемнело, когда батальоны подтянулись к станции и затаились в ожидании. Тем временем Саню вновь послали к стрелочнику. Но в будку он пришел не один. Его привел полицейский. С испугу старик поперхнулся печеной картошкой. «Попался, не дошел до своих»,— подумал он, натужно откашливаясь.

— Не вовремя закашлялся, старый хрыч. Твой хло-

пек? — недружелюбным тоном спросил полицейский, растирая побелевшее от мороза ухо.

«Ну, крышка!» — решил про себя стрелочник и твердо ответил:

— Мой. А что?

— Вот тебе и «а что?», — передразнил полицейский. — Привел внука до дохтура, а пустил одного шляться по путям. Знаешь, где его сцапали? У того состава, что утром прибыл! Ходит и ревет, что есть силы: «Деда потерял! Заблудился!»

У старика отлегло от сердца. Он и впрямь подумал, что Саня заблудился.

— У-у, баловень, — напустился старик на мальчика, — вот огрею кочергой, будешь знать, как самовольничать! Я стрелки чистил, — продолжал он, обращаясь к полицейскому, — ему наказал дожидаться, а вернулся в будку — его и след простыл...

Для пущей убедительности старик замахнулся на «внука» кочергой. Саня смекнул, как вести себя, и будто от страха уткнулся лицом в угол.

Полицейский ухмыльнулся, прихватил дедову печеную картошку и ушел.

Старик хмуро уставился на Саню, ожидая, что он скажет в свое оправдание. Саня все рассказал, но умолчал о том, что не случайно зашел в тупик. А заглянул он туда в надежде увидеть того высокого голубоглазого немца, который спас его от смерти. Сказать об этом стрелочнику Саня не решился и поскорее перевел разговор на главное, ради чего пришел вторично.

— Надо, дедушка, узнать время, когда команда пойдет мыться.

Старик развел руками.

— Да нешто немцы мне об этом докладывают? — заворчал он. — Как это я могу узнать? Соображают там, что приказывают? Разве только дожидаться того часа, посматривать? А иначе и не знаю, как поступить...

Решили посматривать. Старик часто выходил из будки, то чистить стрелки, то заливать керосин в лампы, то еще за чем-нибудь, но немцы по-прежнему сидели в вагонах. Наконец стрелочник вернулся с сообщением, что немцы выходят из вагонов и строятся в шеренги.

— Давай, Саня, мотай быстрее! Скажи хлопцам,

бандюги отправляются в баню. Запомни время: сейчас без десяти десять. Понял? Беги...

Саня мгновенно оделся и скрылся в темноте. Старик долго стоял у будки, прислушиваясь, не раздастся ли окрик полицейских, не прогремит ли выстрел? Но кругом было тихо. «Должно быть, благополучно ушел малец», — с облегчением подумал он и, хотя давно уже продрог, в будку не заходил, все прислушивался.

Прошло около часа, как ушел Саня, а тишину по-прежнему ничто не нарушало. Старик начал волноваться. «Могут не успеть! Помоются бандюги, тогда труднее будет с ними совладать», — размышлял он и так и не услышал, как к санпропускнику подкатили на санях партизанские роты.

Часовые-эсэсовцы не сразу сообразили, что за войско в столь поздний час появилось у бани. Лишь один часовой успел что-то крикнуть, но было уже поздно. К санпропускнику устремилась лавина вооруженных людей. В окна полетели гранаты.

Выскакивавших в одном белье эсэсовцев встречали очередями из пулеметов и автоматов.

Операция длилась не более четверти часа. «Зондеркоманда СС-267» была уничтожена полностью. Батальоны уже возвращались с задания, когда другие партизанские подразделения подорвали и зажгли особый состав, стоявший в тупике.

Вскоре после этой операции партизанская часть предприняла рейд по глубоким тылам оккупантов. Далеко позади остались места, с которыми у Сани было связано так много тяжелых воспоминаний. «Того немца здесь не может быть», — с облегчением подумал мальчик. И хотя он понимал, что, возможно, и среди других немцев есть такие же хорошие люди, все же теперь он не чувствовал себя скованным. Он вспомнил, как, лежа в овраге, рыдал, кусая до крови губы и руки, как душило его сознание бессилия, невозможности защитить мать, сестренку, братишку. Теперь он возмужал, был не одинок и чувствовал себя сильным, призванным спасать ни в чем не повинных детей, женщин, стариков от жестокой участи, постигшей самых дорогих ему людей.

Во многих смелых операциях участвовал Саня Яч-

менев. Он был в числе лучших партизан-комсомольцев, которых командование представило к высоким правительственным наградам и направило на Большую землю с почетной миссией — принять от имени партизанского соединения Боевое Красное знамя.

...Из Кремля вся группа партизан направилась к Мавзолею В. И. Ленина. Медленно прошли они вдоль Кремлевской стены, подолгу всматриваясь в таблички с именами выдающихся деятелей революции. Обойдя вокруг Мавзолея, Саня вновь вышел на площадь и увидел группу людей, подходивших со стороны Спасской башни. Он не сразу понял, почему один из этой группы привлек его внимание, почему вдруг так защемило и тревожно забилося сердце. Когда же наконец понял причину этого непонятного волнения, он бросился к человеку, который выделялся из всей группы своей прихрамывающей походкой. Радостный возглас раздался на площади:

— Папа-а!

...В эту первую минуту такой желанной и неожиданной встречи они не произнесли ни слова, но слезы горя и радости смягчили им боль разлуки.

ПРИЗНАНИЕ

Сквозь неплотно закрытые шторы в небольшой, скромно обставленный кабинет пробивалась струя солнечного света. К игравшим в ней пылинкам присоединялась голубоватая полоска дыма, лениво тянувшаяся из доверху наполненной окурками пластмассовой пепельницы.

Следователь, молодой шатен с аккуратным пробором, поднял брови и, поправив очки с толстыми стеклами в массивной оправе, потянулся к пачке папирос. Сидевший напротив него широкоплечий с посеребренными висками мужчина лет сорока пяти вдруг замолчал. Следователь отложил в сторону папиросу.

— Значит, вы хорошо помните этот случай? — спросил он с ноткой удовлетворения в голосе. Собеседник ответил не сразу и без особого желания:

— Да, конечно.

— Прекрасно, — сухо проговорил следователь, снял очки, неторопливо протер стекла носовым платком и, водрузив их обратно на суховатый нос, добавил:

— Так вот, значит, дело какое. Обвиняетесь в убийстве человека.

Слова эти были произнесены нарочито спокойным тоном, словно речь шла о пустяках, хотя пристальный взгляд следователя говорил об обратном. У него был свой метод до-

проса, выработался и определенный подход к каждой категории людей. Разговаривал он, как правило, тихо, сдержанно, порою выражал сочувствие, и неискuschenному человеку могло даже показаться, что этот молодой человек чрезмерно мягок и доверчив. Но так бывало преимущественно в начале допроса, а позднее, если не все шло гладко, он срывался. Уже не раз ему указывали на этот изъян, но часто он не мог до конца выдерживать роль. Да и «пациенты» бывали разные: иные среди белого дня до одурения утверждали, что стоит глубокая ночь. А этот странно, очень странно реагировал: едва заметно дернул левым плечом, на секунду опустил глаза. Следователь заметил это.

— Виновным себя признаете?— после короткой, но для обоих многозначительной паузы так же спокойно спросил следователь.

— В чем?— в свою очередь спросил обвиняемый, будто весь предшествовавший разговор его не касался.

— В убийстве.

Обвиняемый задумчиво посмотрел на следователя, вздохнул и ничего не ответил.

Воцарилась гнетущая тишина. Прокуренный воздух закупоренного кабинета, запах мастики от натертого до блеска паркета затрудняли дыхание. Обвиняемый был грузным человеком и при малейшем волнении страдал одышкой.

Как бы желая дать понять своему «пациенту» бесполезность запирательства, следователь взял отложенную в сторону папиросу, закурил и сочувственно промолвил:

— М-да... Случай, разумеется, малоприятный. Тем более, что всплыл он спустя двадцать лет. Мне тогда было двенадцать, да и вы были молоды... Понимаю. Но и вы поймите: сейчас играть в прятки бесполезно. Лучше сразу начистоту: вы совершили убийство?

— Да, но...

Еще минуту назад казавшийся флегматичным, ленивым, следователь вдруг преобразился. Жестким, требовательным тоном он перебил собеседника:

— Что «да»?

В глазах обвиняемого мелькнула настороженная лукавинка.

— А вы хотели бы, чтобы я сказал «нет»?

Следователю не нравилось поведение допрашиваемого, он хотел сказать ему что-то резкое, даже накричать, но сдержался:

— Вы сказали «да». Значит, вы признаете, что совершили убийство?

— Да, совершил потому, что считал своим долгом поступить именно так...

— Об этом мы еще успеем. А сейчас давайте уточним: итак, вы не отрицаете, что совершили убийство!

— Нет...

— Что «нет»?— резко оборвал следователь.— Давайте условимся договаривать.

— ... Повторяю: итак, вы не отрицаете, что убили человека?

Выждав немного, чтобы не дрогнул голос, обвиняемый решительно ответил:

— Нет. Не отрицаю. Но...

Следователь почувствовал, что нажим его увенчался успехом и, решив довести признание до конца, не дал обвиняемому договорить:

— Минутку! Вы признались в совершенном убийстве. Так? Значит, вы признаете себя виновным?

Обвиняемый молчал.

— Хм... Интересно...— усмехнулся следователь.— В совершении убийства признались, а виновным себя признать в совершенном деянии смелости не хватает?! М-да... Смею, однако, заверить, что так или иначе, а судить вас будут.

— За что?

— За что?!— со злой усмешкой повторил следователь и, не выдержав, стукнул кулаком по столу.— За убийство!

По лицу обвиняемого пробежала тень. Слегка вздохнув, он вытер со лба испарину.

— Зря кипятитесь,— равнодушно сказал он.— Ведь я у вас, так сказать, в руках. Вы меня вызвали сюда, вы допрашиваете, вы обвиняете в убийстве. Вы можете меня и арестовать... Чего же вам кричать да еще стучать по столу? Несерьезно. Не вам, а мне следовало бы волноваться, кричать...

Следователь не выдержал:

— А вы не читайте мне нотаций! За убийство вас будут судить по всей строгости закона!

— Пожалуйста,— пожал плечами обвиняемый.— Но в таком случае за убийство не одного, а двух человек...

Следователь привычным жестом хотел снять очки, но отдернул руку, словно обжегся.

— Как «двух»?!

Обвиняемый опустил голову, нахмурился и, глядя исподлобья на следователя, твердо произнес:

— В тот день я убил двоих. Да, двоих...

...Поздней февральской ночью 1943 года штабы партизанских отрядов и соединений облетела весть о прибытии в села по ту сторону реки Ипуть войск противника. В донесениях разведчиков подчеркивалось, что гитлеровцы расположились в крестьянских хатах и, судя по всему, надолго.

К исходу следующего дня аналогичные сведения поступили и с противоположной стороны партизанского края, охватившего огромную территорию Клетнянских лесов.

А еще день спустя народные мстители уже точно знали о намерении оккупантов блокировать партизанский край. И хотя блокада не предвещала ничего хорошего, для партизан этих мест она не была новостью: минувшей весной и на протяжении почти всего лета оккупанты не раз посылали карательные экспедиции, но все они кончались для них плачевно, а освобожденная территория еще более увеличивалась и к осени превратилась в огромный партизанский край. Сюда стекались на зимовку десятки отрядов, бригад, групп и соединений, здесь был оборудован аэродром, на который с Большой земли прилетали и совершали посадку двухмоторные транспортные самолеты. Они доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты и вывозили раненых.

Освобожденный район стал для оккупантов костью в горле. И вот гитлеровское командование вновь решило ликвидировать его. К этому, как видно, фашисты готовились давно. Они стянули много войск, боевой техники, особенно артиллерии, и окружили партизанский край плотным кольцом. К тому же была зима, глубокий снег затруднял передвижение, на нем оставались

следы, а оголенный лес просматривался далеко вглубь. Все это лишало партизан немаловажного преимущества — маневренности, скрытности передвижения.

Оккупанты учли свои промахи и на этот раз применили новую тактику: днем они наступали, сжимая кольцо окружения, а по ночам вели непрерывный артиллерийский обстрел леса. В это время их войска, занятые днем в операциях, отдыхали.

На четвертые сутки окружения партизаны были вынуждены покинуть теплые землянки. Днем они вели бои с наседавшим противником, ночью их донимали холод и артиллерийский обстрел. И хотя потери были незначительные, люди основательно измотались.

Шли седьмые сутки этой изнуряющей борьбы, когда на совещании партизанских командиров было решено одновременным ударом в разных местах прорвать кольцо блокады и на время покинуть район Клетнянских лесов.

Стояла лунная ночь. В морозной дымке искрился голубоватый снег. Было светло, настолько светло, что засевшие где-то впереди гитлеровцы не выбрасывали, как обычно, осветительные ракеты. В полночь лавина партизан на санях, на лыжах, с длинным обозом боеприпасов, продуктов питания и раненых ринулась на прорыв. Молча скользили они по снежному насту, готовые в любую минуту принять бой.

Оккупанты то ли прозевали головной дозор и большую часть колонны, то ли ступевались перед столь внушительной силой и открыли бешеный огонь с флангов тогда, когда к месту прорыва подошел арьергард. Батальон вынужден был развернуться и принять бой. Трассирующие пули скрещивались в воздухе, вокруг свистели и рвались снаряды и мины. Получив подкрепление, немцы перешли в наступление.

После часового боя батальон с частью обоза оказался окончательно отрезанным от ушедшей далеко вперед колонны и был вынужден отступить. Весь остаток ночи они углублялись в лес.

Утром появилась авиация противника и, напав на след батальона, сбросила большое количество противопехотных и фугасных бомб. Испуганные взрывами лошади рвали упряжь и металась по лесу с перевернутыми санями.

Вскоре на одной из застав, выставленных батальоном, появились фашистские лыжники. Завязался бой. Нагрянули гитлеровцы и на другую заставу. Партизаны отражали одну атаку за другой, не давая немцам приблизиться. Лишь к вечеру оккупанты откатились, так и не добившись успеха. Но как только стемнело, загворила вражеская артиллерия. Всю ночь пришлось маневрировать по глубокому снегу. Между тем многие партизаны в бою лишились лыж. Было невероятно трудно передвигаться. А днем снова налетели самолеты, снова бомбили.

На третьи сутки завязался особенно упорный бой. Потери партизан были невелики, но батальон разбился на мелкие группы. Большинство из них оказалось без запасов боепитания и продовольствия. Теперь каждый из командиров самостоятельно принимал решение: одни надеялись прорваться через кольцо окружения и догнать своих, ушедших с колонной в Белорусские леса; другие решили отсидеться в лесу в расчете на то, что гитлеровцы не станут долго блокировать опустевший лес.

В числе таких разрозненных групп был и взвод связи. Двенадцать шифровальщиков, радистов и их помощников возглавлял молодой лейтенант Игнат Ефимов. Этот всегда подтянутый, порывистый, но рассудительный парень, несмотря на исключительно трудное положение, в котором оказался его взвод, сохранял бодрость духа. И прежде он не раз попадал, казалось бы, в безвыходное положение, но всегда благополучно выходил из него.

Группа уже несколько дней бродила по лесу, шараясь то в одну, то в другую сторону, чтобы избежать столкновения с гитлеровцами. Их карательные отряды рыскали повсюду, прочесывали просеки.

Положение разрозненных групп становилось все более отчаянным. Каждый патрон был на учете, продукты иссякли, а усталость стала невыносимой. Стрельба же в лесу не прекращалась.

Ефимов и его товарищи находились в состоянии постоянного напряжения, ежеминутно прислушивались, часто меняли направление движения. Но, петляя, Ефимов все же вел группу на юго-запад, куда ушли главные силы колонны. Это решение он принял несмотря на

то, что именно с юго-запада больше всего доносилась стрельба и гитлеровцы именно оттуда особенно упорно наседали на партизан. Создавалось впечатление, будто в противоположной стороне блокада менее плотная и устойчивая. Но Ефимов подозревал, что немцы не случайно так упорно добиваются, чтобы партизаны отходили на север. Там могут быть засады, ловушки...

И тринадцать связистов, истощенных голодом, измотанных бесконечными переходами, шли и шли, утопая в снегу. Каждый из них нес тяжелый груз. Радисты помимо оружия не расставались и со своими рациями. Остальные несли запасные диски с патронами и гранатами, по шесть четырехсотграммовых шашек тола, всякого рода ключи и приспособления к минам замедленного действия, наконец, запас питания для радиостанций — анодные и большие батареи БАС-80 общей массой с добрый десяток килограммов. Лейтенант Ефимов и его помощник старший сержант Петр Изотов — парень богатырского сложения, попеременно несли динамомашину с ручным приводом.

Шли гуськом, с трудом переставляя ноги. Часто приходилось останавливаться, чтобы сменить идущего впереди. Головному приходилось особенно туго: ноги утопали в снегу выше колен. Это быстро утомляло. В движении разогревались до испарины, а на привалах мерзли, коченели руки и ноги. И опять подымались, опять шли и шли...

— Хоть бы кто из нас приустал, а то чертова дюжина к добру не приведет, — ворчал самый молодой в группе девятнадцатилетний партизан Игорь Гороховский.

Ефимов резко оборвал его:

— Брось молоть чепуху! Какую-то чертову дюжину придумал... Вас двенадцать, а тринадцатый — я. Успокоился?

— Все равно тринадцать, — уныло буркнул Гороховский, не глядя на лейтенанта.

Ефимов с досадой махнул рукой. Он еще раньше заметил что-то странное в поведении Гороховского: то он становился не в меру говорлив и весел, то вдруг сникал, удивленно озирался по сторонам, немигающими глазами смотрел на товарищей и будто не узнавал их.

Было хмурое морозное утро, когда группа, в который раз пересекала просеку. Неожиданно поодаль по-

казалась длинная цепочка людей, переходивших просеку в обратном направлении. И те и другие остановились, присмотрелись и, убедившись в том, что набрали на своих, пошли навстречу друг другу.

Оказалось, что это была сборная группа из партизан, отбившихся от своих отрядов. Было их двадцать два человека и среди них молодая женщина по имени Лора, жена погибшего недавно командира одного из отрядов. Ефимов знал ее и был рад встрече. Сборную группу вел старший лейтенант Васин. Собственно, никто его не назначал; сам проявил инициативу, возглавил людей, хотя партизанил он, по словам Лоры, не очень давно.

— Бежал из плена,— пояснила она.— У нас был командиром отделения. Говорит, будто старший лейтенант...

Подошел и сам Васин.

— Куда путь держите?— спросил Ефимов.

— А куда теперь идти? К линии фронта...— как само собой разумеющееся сказал Васин и добавил:— Главное вырваться из окружения, а там будет видно...

Доводы Ефимова о нецелесообразности и опасности избранного Васиним направления не убедили его. Он и слушать не хотел о маршруте в Белорусские леса. Лора молчала, но выражение ее лица говорило о скептическом отношении к плану старшего лейтенанта.

В разговор вмешался Изотов.

— А может, и в самом деле лучше двинуть на северо-восток?! Откуда мы знаем, что там засады? Только догадки...

— Хе-хе! В Белорусские леса ушла без малого вся наша орава, теперь туда и немцы пожелуют... Это уж как пить дать! Все отсюда перемахнут туда...— затараторил вдруг стряхнувший с себя уныние Гороховский.

— Ишь ты! К бабушке на печку захотел? А кто воевать с немцами будет?— разозлился Ефимов. Доводы Гороховского не поколебали его. Но группа Васина должна была вот-вот тронуться в путь, и Ефимов подумал: «В самом деле, ведь никто не знает, какое положение в северной части района. Быть может, там проще прорваться? Да и легче будет вместе, тем более, что у группы Васина есть станковый пулемет, правда, без станка, но с затвором, исправный...».

— Ладно,— сказал он примирительно.— Пусть будет по-вашему. Пошли вместе на север...

Васин, показавшийся Ефимову при первом знакомстве человеком черствым, неразговорчивым, как-то сразу преобразился. Он предложил Ефимову распределить рации, питание к ним и прочий груз между бойцами его подразделения и высказал искреннее сожаление, что ничем больше не может помочь.

Ефимов принял предложение с благодарностью, но приказал отдать только вещевые мешки со взрывчаткой, капсюлями, детонаторами и другими приспособлениями к минам и часть запасных комплектов питания.

— Радистам не положено расставаться со своими рациями,— ответил он на повторное предложение Васина распределить и рации.

Изотов нес теперь лишь динамошину, или, как обычно ее называли радисты, «крутилку», а Ефимов при себе оставил главную рацию — портативную — и полевую сумку с документами.

Тронулись в путь. Все почувствовали облегчение, но ненадолго: Васин отказался остановиться на дневку. Он, наоборот, предпочитал двигаться только днем.

— Сейчас видно, куда идешь и что делается вокруг. А что ночью? — парировал он доводы Ефимова.

Было тяжело после бессонной ночи, но Ефимов с товарищами решили не отставать. Так они и шли, подолгу отдыхая, однако и переходы совершались немалые. Васин шагал бодро, людей вел уверенно, отдавал четкие приказания, отчитывал отстающих, не терпел пререканий, хныканья.

К радости Ефимова и его товарищей, день прошел спокойно. Остановились на отдых, только когда стало темнеть. Ефимов очень удивился, узнав, что старший лейтенант разрешил разжигать костры. Он поделился своими опасениями с Изотовым.

— Не стоит вмешиваться,— заметил старший сержант.— Не он к нам, а мы к нему примкнули. Будем подчиняться...

От костров повеяло ароматом смолистой хвои. Шипели мерзлые сучья. Промерзшие, изголодавшиеся партизаны, плотно набив снегом котелки, обступили костры. Обжигаясь, жадно пили кипящую безвкусную воду. Согревали, как они говорили, душу...

Ефимов беспокоился. Самоуверенные действия старшего лейтенанта он считал рискованными. Правда, день прошел спокойно и ночью вражеская артиллерия уже не обстреливала весь лес квадрат за квадратом, как прежде, но ведь это могло быть потому, что теперь каратели углубились в лес.

Кое-кто во взводе стал осуждать чрезмерную осторожность Ефимова, приказавшего радистам быть подальше от костров. Огонь притягивал людей как магнит. Некоторые помощники радистов пошли варить куски ремня. Говорили, получится «суп».

К связистам подошли Лора и Васин. Обращаясь к Ефимову, старший лейтенант не без иронии заметил:

— Чего хоронитесь, к кострам не идете погреться? Никто не ответил.

— Что ж! Вольному — воля, спасенному — рай, — так и не дождавшись ответа, сказал Васин и медленно побрел обратно.

Ефимов помрачнел. Он уже жалел, что изменил свое решение, терзался, искал оправдания своему поступку. «Колонна ушла в противоположную сторону, лишена связи с Большой землей, а мы спасаем свою шкуру, так что ли?» — мысленно спрашивал он сам себя и отвечал: — Но ведь я обязан сохранить людей, рации и документы. На юго-запад путь, конечно, короче, но еще вопрос — проскочили бы там?»

Изотов уже давно воевал вместе с Ефимовым, делил с ним партизанские радости и горести. Он заметил подавленное настроение друга и решил подбодрить его:

— Погоди, Игнат Петрович, огорчаться... Может, часть нашего батальона тоже ушла на север? Почему знать? А если нет, так тоже не беда: дадим крюк, а к своим вернемся. Главное — сохранить рации и связь с Москвой...

Не успел Ефимов ответить, как внезапно совсем близко раздалась автоматная очередь и вслед за нею затрещало множество автоматов и пулеметов. Нити трассирующих пуль потянулись из глубины леса к кострам. Шквал огня был направлен на столпившихся у огней партизан. Лес гудел, эхо умножало шум и катилось куда-то вдаль.

Вскоре раздалась разрозненная ответные выстрелы,

послышалась длинная очередь станкового пулемета, но вдруг оборвалась...

Неравенство сил и невыгодность положения партизан были очевидны. Ефимов подал команду: «За мной» — и, упав в рыхлый снег, стал отползать в сторону. Позади вспыхивали осветительные ракеты, не прекращалась стрельба.

Долго выбирались из зоны огня. Ефимов чувствовал, что кроме Петра Изотова за ним ползут еще несколько человек, а когда наконец остановились, он насчитал всего восьмерых, среди них были Лора и старший лейтенант Васин, который, видимо, не успел отойти далеко от группы Ефимова, когда грянули залпы карателей. Выходит, вместо того, чтобы попытаться вывести своих бойцов из-под обстрела, он попросту сбежал. Так подумал Ефимов, но Васин изобразил дело иначе. И хотя его никто не спрашивал, он счел нужным объяснить свое появление.

— Вот дьяволыщина! Еле дополз до костров, а там пусто, разбежались... Ползу обратно — и вас нет на месте! — тоном упрека заключил он.

Такое объяснение не рассеяло подозрений Ефимова, но он не хотел говорить об этом в присутствии бойцов, да и не до того было.

Все настороженно прислушивались к одиночным выстрелам и коротким перестрелкам, раздававшимся с разных сторон, напряженно всматривались в тьму леса, освещаемого вспышками ракет, и безостановочно шагали, чтобы скорее и дальше уйти от злополучного места.

Из своего взвода Ефимов не досчитался шести человек, как раз помощников радистов, что ушли к кострам. Теперь было бессмысленно ждать их или разыскивать. У каждого из них при себе было оружие. Ефимов всегда внушал товарищам, что в тылу врага нельзя ни на минуту оставаться без оружия. «Неожиданности тут могут быть каждую минуту!» — говорил он. Вспоминая об этом, он не мог простить себе, что не запретил им в категорической форме уходить к кострам, как это сделал в отношении радистов. И вообще, ругал себя за то, что поддался уговорам и изменил первоначальный маршрут. Ведь сердце подсказывало ему, что на севере должны быть ловушки, и хотя сейчас поздно было об этом думать, он думал и терзался.

Одно обстоятельство в какой-то мере успокаивало его: все рации были целы, с ним остались оба радиста и два шифровальщика. Стало быть, связь с Москвой будет установлена, как только они выберутся из зоны блокады.

Не отстал от него и верный помощник Петя Изотов, который, чувствуя долю своей вины за случившееся, теперь старался во всем поддерживать Ефимова. Радовало и то, что, несмотря на переполох, Изотов успел захватить «крутилку», а помощник радиста Игорь Гороховский, казавшийся Ефимову нерасторопным да и вообще не вполне надежным, не только не оставил свою сумку с запасными батареями, но прихватил еще и чужую.

На месте была и пухлая полевая сумка с шифрами и документами. С ней Ефимов не расставался. Даже ложась спать, клал ее под голову не снимая. «Без этой «подушки», — говорил он, — голова мне ни к чему!»

К утру Ефимов остановил группу на дневку. Приказал всем тщательно замаскироваться в снегу и без его разрешения никому никуда не отлучаться в течение всего дня.

Нападение карателей многому его научило. Он стал суровым, даже злым. Тоном, не терпящим возражений, объявил, что вновь избрал маршрут на юго-запад, в Белорусские леса.

— Кого это не устраивает, может идти на все четыре стороны, — заключил он, имея в виду, конечно, только старшего лейтенанта Васина и Лору. Они были из отряда, которым командовал недавно погибший капитан Скандилов.

Никто из «чужаков» не произнес в ответ ни слова.

...Двое суток пробирались по глухому лесу девять партизан. Мороз, глубокий снег, тяжелая ноша и голод утомили всех до предела. На очередной дневке Ефимов и Изотов закопали запасные батареи для приемника, оставив лишь самое необходимое. Еще раньше все, включая Ефимова, побросали личные вещи, а теперь даже самый выносливый из них — Петя Изотов извлек из кармана и выбросил огрызок мыла и моток ниток с иголкой. Запасных патронов ни у кого уже не было, и вторые диски от автоматов болтались пустые. На них

нет-нет да и поглядывали: «Может, кинуть к чертовой бабушке?», но тут же спохватывались: «Все же диск. Еще может понадобится...» Один Гороховский остался без запасных обойм к немецкому автомату. Говорил, будто потерял их в суматохе.

День прошел спокойно. Солнце бросало из-за горизонта последние алые отблески на макушки деревьев, когда все проснулось.

Желудки, казалось, выворачивало наизнанку, но никто не шевельнулся, лежали плотно прижавшись друг к другу, пригрелись, и никому не хотелось нарушать этот «уют».

Ефимову, конечно, тоже не хотелось вставать, но команду «Подъем» он все же подал.

Однако все продолжали лежать.

Пришлось Ефимову первому подняться. Ноги отекали, ныли ребра и особенно плечи. Подымаясь, люди косились на мешки с грузом: казалось, надень их, и с места не сойдешь...

Перед тем как снова тронуться в путь, Ефимов бросил взгляд на торчавшие из голенищ валенок ложку и финку. Думалось, выброси их, сразу станет легче.

— Эх, будь, что будет. Найдем жратву, найдется и хлебалка... — сказал он и, достав ложку, швырнул ее в снег. Взглянул на правую ногу, потрогал финку и решительно задвинул ее глубже в голенище.

Остаток сил надо было собрать, чтобы выйти из окружения, сохранив рации с комплектом батарей и, конечно, «крутилку», без которой передатчик не мог работать.

— Это, Петенька, нам с тобой надо беречь как зеницу ока, — сказал Ефимов Изотову. — Без связи — конец! Не простят нам, если мы ее не сохраним. А будет связь, будет тебе белка, будет и свисток. Понятно?

Изотов выразил свое согласие, едва кивнув головой.

В начале пути то и дело оглядывались, пока не стало смеркаться. Еще не совсем стемнело, когда сквозь оголенный молодняк показалась открытая местность. Думали, что это поляна, но подошли ближе и увидели изгородь, копну сена, покрытую пышной снежной шапкой, а еще дальше неясные очертания хат. Это была небольшая деревня из пятнадцати — двадцати дворов.

Радостно и тревожно забились сердца партизан, словно они открыли нечто неведомое миру.

Старший лейтенант Васин, который все эти дни был угрюм и молчалив, первым изъявил желание пойти в разведку. Вызвался, как всегда, и Изотов. Молчали лишь радисты, заранее зная, что Ефимов им не разрешит.

— А не лучше, если я пойду?— предложила Лора.

Ефимов подумал: «А в самом деле, не послать ли ее? Женщина скорее расположит к себе людей».

В разведку отправились Лора и Изотов. Вскоре они вернулись и принесли хорошие вести: нет ни немцев, ни полицейских. Из «властей» только староста.

— Но люди на него не в обиде,— сказал Изотов.— По хатам, говорят, ходит, только когда немцы наезжают за податью.

— Это бывает по утрам,— пояснила Лора.— И живет он вон на том конце села...— указала она куда-то в темноту.

Девять человек вошли в ту самую хату, в которой уже побывали Изотов и Лора, и очень скоро разомлели. Одолевала слабость, хотелось, не раздеваясь, повалиться на пол и с наслаждением вдыхать теплый воздух, запахи человеческого жилья.

Бодрее всех была Лора. Эта с виду хрупкая молодая женщина в куцей шинелишке, повязанная жиденьким черным платочком поверх неуклюже нахлобученной ушанки, оказалась очень выносливой. Она нашла в себе силы подойти чуть ли не к каждому, помочь снять с плеч ношу, оружие, раздеться.

Хозяйка хаты — старушка, глядя на совсем обессиленных людей, на их изможденные, обросшие щетиной лица, сокрушенно качала головой, потом спохватилась, что-то шепнула дочери и парнишке лет восьми-девяти, и вскоре на столе появились большой круглый хлеб, горлач с топленным молоком да казанчик с еще неостывшей картошкой в мундире.

— Вы, мамаша, точно ждали нас,— удивился Ефимов, разрезая свежий хлеб с примесью картофеля и гречки.

— Да мы ж усегда ждем своих,— ответила старушка и, увидев, как все жадно набросились на еду, ласково предостерегла:— Ой, хлопчики, ешьте на здоровьи-

ко, але не много... не много, родные, ба помрете... Не бижайтесь, усё тут ваше.

Старушка вышла за чем-то из комнаты, а молодая, как бы оправдываясь, рассказала, что в соседнее село тоже ночью пришли двое из леса, накинулись на еду, а к утру померли.

— И хлопцев жалко, але и людей у том силе тож жалко...— говорила она.— А коли люди стали хоронить партизан, германы дознались, шо у силе ховались чужие. Так, змеи, спалили усе сило...

Партизаны вняли доброму совету. Сделать это было нелегко, но они уже сами ощущали, что дышать стало необычно тяжело, а пища будто застряла в груди... Более половины хлеба осталось нетронутым.

Ефимов отошел в сторону и, стараясь отдышаться, начал чистить свой автомат. Обращаясь к товарищам, он сказал:

— В тепле оно отпотело, а как выйдем на мороз, прихватит, может отказать... Обязательно каждый протрите свое оружие.

Лишь Гороховский не последовал примеру своего командира. Впрочем, он ничего не слышал, он спал, примостившись на полу у печи.

Ефимов расспрашивал хозяек о немцах. Оказалось, что до ближайшего села, откуда обычно они приезжают за податью, всего пять-шесть километров, что там крупный гарнизон, есть много и полицейских. Изотова интересовало, какие слухи ходят о боях гитлеровцев с партизанами. А Васин осведомился, часто ли здесь бывают полицейские и как они себя ведут.

Женщины охотно отвечали на вопросы, сетовали на тяжкую жизнь «под германом» и неизменно заключали свои речи одним и тем же пожеланием, чтобы скорее сюда пришла Красная Армия. Партизаны соскучились по людям и, выяснив все, что их интересовало, вели неторопливый задушевный разговор.

В хате было жарко. Хозяйки рассказали, что печку сложил муж дочери и что он ушел в Красную Армию «по першей билизации». Однако гостей все еще пробирала внутренняя дрожь. Они так намерзли за дни скитаний, что, казалось, и июльское солнце не способно отогреть их. Оттого каждый норовил плотнее прижаться к печке и, конечно, всем хотелось продлить эти бла-

женные минуты. Бревенчатые стены надежно ограждали их от пронизывающего ветра, трескучего мороза, глубоких сугробов; никому не хотелось думать о том, что вот-вот опять придется уйти в лес, навстречу новым тяжким испытаниям.

Но Ефимов был обязан думать об этом и дал понять товарищам, что пора готовиться в путь.

Когда Изотов стал будить задремавших, Гороховский забрюзжал: «Куда?.. Зачем?.. Чего спешить? Почему бы не остаться в селе на ночевку?» Никто его не поддерживал, напротив, стали попрекать и поругивать. Только Васин отмалчивался, хотя он первый должен был поддержать Ефимова.

Рассовав по карманам нарезанный хлеб и оставшиеся в казанчике картофелины, партизаны стали прощаться, благодарить за гостеприимство.

Женщины в свою очередь просили извинить их, если чем не угодили. Старушка достала еще буханку хлеба и сунула ее Лоре.

— Бери, доченька, бери. Проголодаетесь... Вас вон сколечко!..

— А может, хлопчики, остались бы туточка до утра?— обратилась она к Ефимову.— Погрейтесь ще малость да портяночки пообсушите. А там с богом себе и пойдете...

На мгновение Ефимов заколебался, но чувство ответственности за жизнь людей, за сохранность раций и особенно шифров придавало ему решимости.

— Спасибо, бабуся, спасибо! Нельзя, никак нельзя нам задерживаться,— ответил Ефимов старушке.— Да и вам худо будет, если немцы нас тут застанут.

Выходя из хаты, люди чувствовали себя сравнительно бодро, но странное дело — с каждым шагом идти становилось все труднее, никак не удавалось соразмерить дыхание с движением, ноги отяжелели, словно на них повесили гири. Такого состояния они не испытывали даже до прихода в село.

Ефимов подбадривал себя и товарищей, уверял, что, как только они втянутся в ходьбу и разомнутся хорошенько, это необычное состояние пройдет. Но оно не проходило, напротив, становилось все более тягостным.

Едва достигнув леса, Ефимов вынужден был остановиться, чтобы отдышаться, а заодно подождать, пока

подтянется вся не в меру растянувшаяся цепочка людей. Одним из последних подошел Гороховский и тотчас опустился на снег, его примеру последовали и другие. Ефимов сделал вид, будто с этой целью и остановил группу. Он по себе чувствовал, что далеко им не уйти, и принял решение вернуться в село, передохнуть там до утра. Гороховский, почувствовав себя «на коне», не удержался от ядовитой реплики:

— Вот уж действительно лучше поздно, чем никогда!

— А ты, видать, наперед знал, что свалишься?— одернул его Изотов.

Вернулся, когда хозяева хаты уже улеглись, но приняли они партизан так же радушно.

На ночевку в хате остались только Ефимов и Изотов. Остальных по просьбе Ефимова молодая хозяйка развела по надежным людям. В соседней хате разместились радисты и шифровальщики, в другой, что стояла поодаль через дорогу, — Васин, Лора и Гороховский, которого старший лейтенант прихватил по собственной инициативе.

Ефимов предупредил, что отдыхать будут до утра и что время выхода сообщит через молодую хозяйку, а на случай тревоги назначил место сбора.

Не снимая овчинных полушубков и снаряжения, лишь расстегнув воротники, Ефимов и Изотов легли на подостланную у самой печи и накрытую домотканым ковриком солому.

Уснули сразу, но то и дело вскакивали и недоумевающе озирались по сторонам. Свет коптилки на сдвинутом в угол столе, запахи кислых дрожжей и залежалого картофеля тотчас восстанавливали в памяти события минувших суток, и успокоенные, они вновь засыпали. Наконец сон поборол всякую настороженность.

— Петрович, а Петрович! Проспали мы, вставай!— тормошил Ефимова Изотов.— Знаешь, сколько сейчас времени?

Ефимов открыл глаза и, еще не понимая, где находится, схватился за автомат и полевую сумку. Изотов был тут, рядом лежала рация, но вот комната стала совсем не такая, как ночью. Теперь она казалась большой и светлой, и Ефимов еще несколько секунд подозрительно осматривал предметы, которые раньше в полу-

тьме не приметил. Наконец он успокоился, посмотрел на часы.

— Одиннадцать?!

— А ты думал! Дали храпака что надо!

— Не понимаю, почему же хозяйки нас не разбудили, как уговорились?

В комнату вошла молодая женщина. Она, очевидно, слышала их разговор.

— Да вы не тревожьтесь...— застенчиво улыбаясь, сказала она. — Змеи нынче не придут.

Поражаясь своей беспечности, Ефимов сделал резкое движение, чтобы встать, и тотчас опустился на место, крикнув от острой боли, пронзившей руки и ноги. Передохнув, он осторожно поднялся, но теперь ощущал жгучую боль в ступнях, точно стоял на раскаленных углях. Ему стало страшно: «Как же мы уйдем отсюда?» С трудом добрался до окна, держа автомат наготове, отыскал в нижнем углу залепленного снегом стекла чистый уголок и стал вглядываться: за окном бесновалась метель, на широкой улице громоздились снежные сугробы, едва видные сквозь густую сетку пурги. Кругом ни души. Он услышал вой бушевавшего ветра, и от души сразу отлегло...

Молодая хозяйка не сводила глаз с обросших парней, застывших с автоматами в руках, словно они готовились вступить в последний и решительный бой. Она поспешила успокоить:

— Да ничегошеньки... Дорогу усю замело, ни один герман до нас не доберется. Ни, ни! Отдыхайте спокойно...

Это была удача. Не будь метели, пришлось бы уходить. А как это сделать, если обмороженные руки и натруженные ноги будто сковали Ефимова, да, наверное, не один он в таком состоянии. Вот и Изотов признался:

— Мочи нет, как болят ноги...

Решили остаться и на дневку. Но надо было сообщить товарищам дальнейшие планы и узнать об их самочувствии. С трудом Ефимов достал из сумки тетрадь, карандаш, хотел известить товарищей о своем решении, но пальцы не слушались. Под его диктовку записку написал Изотов.

Вскоре хозяйка вернулась. Лора сообщала, что Васин требует остаться в селе еще на сутки или двое.

«Он говорит, что надо отдохнуть как следует, впереди будто нигде нет сел,— писала Лора.— Пусть даже так, но нам непременно надо уходить в ночь». Слово «непременно» было дважды подчеркнуто.

Ефимов нахмурился. Передавая записку Изотову, сказал:

— У них что-то неладно...

Изотов прочел записку, о чем-то задумался и тихо произнес:

— Странный этот Васин...

До сих пор Ефимов скрывал свое неприязненное отношение к Васину, которое возникло у него чуть ли не с первой минуты. Скрывал потому, что ему самому были неясны причины такой антипатии. Теперь же он откровенно поделился с Изотовым своими сомнениями и наблюдениями.

— Это ты верно говоришь. То командовал, покрикивал, а как растерял людей, сразу успокоился и вроде доволен тем, что освободился от забот. И беспечность его удивляет: то костры разжег, теперь вот настаивает остаться здесь...

— И смотрит все волком. Слова не скажет, чтобы поддержать нас. Ведь он все же старший лейтенант, и бойцы это знают...

— Словом, Петя, оставаться тут мы не будем,— прервал его Ефимов.— Решено. Но как быть с ногами и руками?

— Надо бабушку спросить. Небось, знает какое-нибудь средство.

— Кстати, что-то ни ее, ни мальчика не видно. Где они?

Как ни больно было ступать, Ефимов решил все же попробовать добраться до соседней хаты, навестить радистов и шифровальщиков. Он поднялся, сжав зубы, сделал несколько неуверенных шагов, остановился и снова пошел, держась за стену.

Во дворе крутила пурга, остервенело дул ветер, поднимая снег с сугробов. Идти здесь было еще труднее, но он шел, точно ребенок, делающий первые шаги. За углом дома дорогу ему преградил большой сугроб, он стал обходить его и откуда-то сверху услышал детский голос. Подняв голову, Ефимов увидел на чердаке ста-

рушку хозяйку и ее внука. Они сидели на сене, накрытые рядом.

— Змеи вже не приедуть нынча, але треба ще по-караулить?— спросила Ефимова старушка.

«Так вот где они! Вот это люди!» — подумал Ефимов и, обращаясь к старушке, сказал:

— Ах, бабуся, бабуся! Видать, нас пожалели, не разбудили, а сами мерзнете здесь? Спасибо вам, бабуся...

Когда Ефимов вернулся в хату, у печи стояло деревянное корыто, а на скамейке несколько разнокалиберных кувшинов и казанчиков с водой. Достав из печи еще один казан с кипятком, молодая хозяйка сказала:

— То вам попарить малость ноги... От поглядите, враз поможет!..

Друзья постепенно приходили в себя, ступать Ефимову становилось все легче и легче. Правда, кончики пальцев на руках еще побаливали, но это было терпимо.

На столе появилось множество мисок и тарелок со всякой неприхотливой снедью. Приглашая обоих к столу, молодая хозяйка застенчиво сказала:

— Кушайте на здоровычко, усе тут для вас, скушайте, що есть.. Толечко не торопитесь. Не бийайтесь, кушайте...

— Спасибо, хозяйюшка. Вы нас, как говорится, с того света вернули! Теперь уж мы не помрем, правда, Петя?— пошутил Ефимов.

Молодая хозяйка вышла, и вскоре в хату вошла старушка. На «посту» теперь ее сменила дочь. Узнав, что уже четвертый час, старушка махнула рукой:

— Теперича германы вже не придуть,— уверенно сказала она и, выйдя в сенцы, тотчас вернулась с маленькой аптекарской баночкой в руке.

— А то дочка наказывала салочко гусиное достать. От мороза самое что ни есть лучшее. Вот положьте на пальцы и пооблегчит. Да, да, то я знаю...

Когда старушка вышла из комнаты, Изотов задумчиво произнес:

— Досадно, Петрович! Такой у нас дружный народ, а немцев до самого сердца страны допустили. Думал я над этим много, но, признаться, никак не пойму, почему так случилось...

Ефимов посмотрел куда-то вдаль

— Видно, плохо подготовились. Так я понимаю. Но все равно им долго не хозяйничать у нас. Увидишь. Погонят, да так, что костей не соберут...

Дверь протяжно скрипнула. В комнату вошел запорошенный снегом парнишка, а следом за ним обе хозяйки.

— Что ж энто ваши-то собралися уезжать, але што?— удивленно спросила старушка.

— Как это уезжать? Кто собрался?

— Да вон у той хате, што через дорогу,— скороговоркой пояснил мальчонка, указывая рукой в окно.

— Иде ваши с дивчиной, што записку писала,— добавила молодая.

Друзья удивленно переглянулись.

— Парня послали хозяйского до старосты, щоб сани им запрягли... продолжала молодая.— Хлопец вже, кажис, пошел...

— Ага, пошел,— подхватил мальчик.

Оказывается, он узнал от своего старшего дружка, что партизаны послали его к старосте за саними, и во весь дух помчался домой.

— Ну-ка, Петя,— тоном приказа произнес Ефимов.— Быстро туда, узнай, что они там мудрят...

Отослав Изотова, Ефимов тотчас же стал собираться. «Пусть говорят, что староста не обижает местных, но с немцами он все же якшается...— размышлял Ефимов.— Придется немедленно уходить...».

Изотов вернулся невероятно злой.

— Верно сказано: услужливый дурак опаснее врага.

— О ком это ты?

— Конечно, о Васине! Инициативу проявил, видите ли, думал, что все будут довольны, даже рады...

— Лора писала, что он советует остаться еще на сутки?!

— Не знаю, почему он передумал, но к старосте послал он. И теперь, поди, уже вся деревня знает про нас. Так что, Петрович...

— Все ясно, Петя! Надо отчаливать и немедленно.

Молодую хозяйку послали предупредить товарищей, а сами стали прощаться со старушкой.

— Да я ж вам, родненькие, думала в ночь хлеба напеку у дорогу... Уже ж замесили! От напасть, а?— со-

крушалась старушка.— Так вы ж возьмите што есть. Возьмите, возьмите, што вы стесняетесь?

Ефимов и Изотов извинялись перед старушкой за беспокойство, благодарили и низко кланялись ей за доброту и сердечность.

Покидали белорусскую деревню и остальные партизаны, тепло, по-родственному прощаясь с гостеприимными хозяевами. Все были бодры, шагали легко, хотя ноша у каждого возросла: в мешках и карманах появились хлеб, картофель, сало...

— А знаешь, Петрович, все что ни делается — к лучшему. В тепле, говорить не приходится, хорошо. Но кто знает, чем все это могло кончиться. Как-никак фрицы частенько наезжали за податью. С утра нас выручила пурга, ну, а что, если бы они пожаловали попозже?

Ефимов понимал, что Изотов прав, он не мог понять одного: почему Васин послал за санями к старосте, и решил спросить об этом его самого.

Васин обиженно буркнул, что теперь говорить об этом не к чему. Он отвел взгляд и насупился.

Ефимов вскипел, схватил его за портупею, но, взглянув на худое, унылое лицо этого человека с глубоко сидящими маленькими глазками, почему-то пожалел его. «Сколько ему лет?— думал Ефимов.— Вероятно, под сорок.. В плену горя хлебнул, наверное, полную чашу...»

Группа шла строго на юго-запад, ориентируясь по компасу. В первую ночь одолели километров пятнадцать, во вторую — не более семи, а на четвертые сутки, когда скудные запасы пищи были уже израсходованы, и того меньше.

За спиной уже занималась заря, а группа, не пройдя и трех километров, расположилась на дневку. Гороховский набивал рот снегом и, захлебываясь, глотал его. Казалось, что он опять впал в состояние болезненной апатии, но вдруг оживился, заерзал на месте и выпалил:

— Вот и отдувайся теперь за «стратегию»! На санях давно бы укатили за Ипуть. Старосту побоялись обидеть!

— Не старосту, чучело ты гороховое,— взъерошился Изотов. — На все село осталась одна коняка! Это понятно тебе?

— Долго не повоюешь, если будешь все оглядываться да примеряться, кого можно, а кого нельзя обидеть,— процедил сквозь зубы Васин.

— Знаешь, старший лейтенант, так воюют только фашисты! А мы — партизаны... Вот так! — оборвал его Изотов.

Лицо Васина покрылось пятнами, исказилось от злобы, он хотел что-то сказать, но тут и Ефимов не выдержал:

— Не прикидывайся глупеньким, старший лейтенант! Не в обиде дело, а в том, что ты изволил известить старосту о нашем пребывании в селе. Кому это на руку — и младенцам ясно. А кому не ясно, пусть про себя подумает. Разговоры прекратить! Пора спать.

Проснулись, когда солнце уже клонилось к закату. Впервые после пурги день был ясный, морозный. В оголенном, застывшем в холодном оцепенении лесу стояла гнетущая тишина, нарушаемая лишь дятлами, которые в разных сторонах, будто перекликаясь, долбили кору деревьев.

Сон не дал людям бодрости. Пробуждение только усилило ощущение голода. Снег уже надоел. У одних потрескались губы, у других кровоточили десны и у всех округлились лица. Начали пухнуть. Люди лежали, прижавшись друг к другу. Так было теплее.

В путь тронулись, не дожидаясь, как прежде, захода солнца. Боялись замерзнуть. Шли, едва переставляя ноги, спотыкались, падали, кряхтя, подымались и, не отряхнувшись, снова шли. Кто сознательно, а кто инстинктивно удерживался от каждого лишнего движения.

Высокий белобрысый радист, шедший впереди, споткнулся, упал, попытался подняться и не смог. Цепочка остановилась и, выждав несколько секунд, залегла. Здесь казалось уютнее, теплее: было много сугробов, а между ними не так ощущался ветер. Лежали молча, нехотя лизали снег.

Ефимов лег на спину, привычно подложил под голову полевую сумку и наблюдал, как по макушкам деревьев, пригибая их, прогуливается ветер. С грустью подумал: «Вот и нас клонит к земле ветер войны. Не будь голода, конечно, устояли бы, но... если бы да кабы...»

Вдруг высокий белобрысый радист испуганно вскочил и, оглядываясь на место, где лежал, шархнул

в сторону. Потеряв равновесие, он упал в другой сугроб и опять вскочил в страшном смятении. Из-под снега, который он невольно разгреб, виднелись трупы.

Все поднялись. Ни один не решился посмотреть, кто это — немцы или партизаны! Пошли, не глядя по сторонам. Шли быстрее обычного и вскоре оказались на большой поляне. На противоположной ее стороне в разных местах из-под снега торчали оглобли и полозья перевернутых и разбитых саней, а на краю просеки, пересекающей поляну, уткнувшись в столетние сосны, замер не то бронетранспортер, не то тягач с черным крестом на выбеленном известью борту.

Васин вышел вперед, за ним потянулись остальные. По мере движения открывались новые и новые следы недавнего побойща. Изредка раздавалось карканье ворон, внезапно оно перешло в невероятный галдеж.

Гороховский тотчас свернул с проложенной дорожки и, увязая в снегу, побрел к тому месту, над которым кружились и кричали встревоженные птицы. Вот он остановился, опустился на колени и руками стал подносить что-то ко рту.

— Лопают! — крикнул кто-то громко и радостно.

Все потянулись к Гороховскому. Стоя на коленях, он загребал серовато-белые отруби из распоротого мешка и, глядя в одну точку, не замечая, что к нему подошли, жевал. Отруби были грубые, крупного помола, жесткие.

Лора грустно заметила:

— Была б кастрюля или котелок — сварили бы баланду!

Люди с надеждой посмотрели друг на друга, а вдруг кто-нибудь скажет: «У меня есть!» Но все молчали. Ефимов приказал наполнить карманы отрубями и беречь их при любых обстоятельствах.

— Расходовать только по моей команде раз в сутки. Надо, чтобы хватило не только на дорогу до Ипути, но и на баланду, когда перейдем эту реку и раздобудем посудину...

Невелик вес набитых в карманы отрубей, но и он в тягость, если от усталости, голода едва держишься на ногах. Эту незначительную прибавку ноши люди сразу ощутили. Да и неудобно было шагать с туго набитыми, раздутыми карманами.

Движение замедлилось. Солнце скрылось, а привалы

следовали все чаще и без всякой команды. Стоило одному свалиться, как остальные немедленно опускались на снег.

К утру окончательно выбились из сил. Люди уже засыпали на ходу, но вдруг откуда-то издалека до них донеслись едва различимые отзвуки канонады. Стали гадать: одни уверяли, что это фронт, другие — что немцы обстреливают Белорусские леса...

— А вдруг фронт обошел нас стороной? Вот бы здорово оказаться сейчас в тылу Красной Армии! — размечтался кто-то.

— Я бы, знаешь, с чего начал? — слышался голос другого. — С баньки...

Остальные только вздыхали, беспокойно ворочались.

— Красная Армия! Ура-а! — неожиданно громко закричал белобрысый радист, нарушив воцарившуюся тишину.

— Ты что? Очумел? — испуганно огрызнулся Васин. Он вскочил, но сразу спохватился и снова лег. На его лице застыл испуг.

Ефимов заметил это, и Васин, смущенно опустив глаза, повернулся на другой бок. А радист опять закричал:

— Наши, наши! Ура-а!

Ефимов и Лора стали успокаивать парня. Его трясло как в лихорадке, глаза с расширенными зрачками блестели.

Лора принялась растирать ему лоб, виски, руки. Парень успокоился, впал в забытие.

Ефимова этот случай очень огорчил, он не предвещал ничего хорошего. «Вот и Гороховский порою становится каким-то странным, — подумал он. — Дойдем ли до заветной Ипути и удастся ли перейти ее без помех?» Вопреки обыкновению спал он тревожно, часто просыпался и, однажды проснувшись, увидел перед собой Лору. Она плакала. Высокий белобрысый радист умер, не приходя в себя...

Позади остался свежий бугорок из кое-как накиданного снега. Не сговариваясь, ушли с этого места еще днем, а под вечер изнемогли, остановились на длительный привал.

За все время пути до привала никто не сказал ни слова. Молчание нарушил Гороховский:

— Вот так и подохнем поодиночке...

Никто не ответил. Устали, да и что отвечать? Все и так понимали, что карканьем не поможешь ни себе, ни другим.

Часа через два Ефимов стал поднимать товарищей. Удалось это с большим трудом. С еще большим трудом поднимались после коротких остановок. На последнем привале Ефимов разрешил каждому съесть по одной горсти отрубей, но по себе чувствовал, что это не облегчило положение людей. Когда до него доходила очередь нести «крутилку», то от одного вида этого мешка начинало мутить, кружилась голова... Теперь «крутилку» несли по очереди все, включая Лору. Она сама настояла на этом.

— Эта река, будь она неладна, должна быть близко,— ободрял товарищей Ефимов перед очередным переходом.— Еще, братцы, немного осталось потерпеть. А там для начала мы горячей баландой обеспечены...

— Обеспечены!— слышался в темноте проницательный возглас.— Из чего ее делать, баланду-то?

Ефимов узнал голос старшего шифровальщика.

— А что, у тебя карманы что ли прохудились?

— За меня не беспокойтесь, товарищ лейтенант. У меня как были полны, так и есть, а вот у других пусто.

— Это у кого пусто?

— Да вот хотя бы у главного говоруна...

Ефимов понял, что речь идет о Гороховском, и побрел к нему. На вопросы Гороховский отвечал бессвязной болтовней. Ефимов ощупал его карманы. Они действительно были пусты.

— Ты что, сожрал отруби?

— Выбросил!— вдруг обозленно крикнул Гороховский.

— Как «выбросил»?— вскипел Ефимов.— Да ты понимаешь, скотина, что сделал?

— Что сделал! Что начальство, то и я... И чего привязались?

— Какое начальство?

Но Гороховский опять впал в состояние отрешенности, от него нельзя было больше ничего добиться. «Если это не бред,— подумал Ефимов,— то на какое

начальство он сослался? Неужели Васин?» Ефимов отыскал его среди лежавших в снегу, растормошил.

— Где у вас отруби, старший лейтенант?

— А тебе что?— недружелюбно ответил Васин.

— Как что?— возмутился подошедший Изотов.— Мы за вас, дармоедов, таскать что ли будем?

— Да пошли вы...— выругался Васин и повернулся на другой бок.

Тогда Ефимов из последних сил схватил его за шиворот, встряхнул и... прозвучала пощечина.

Васин не произнес ни слова. Не ответил он и на реплики соседей.

— Правильно!

— Дурачков нашли таскать за них!

— Надо бы добавить за костры...

— И за сани...

Переход, привал, снова переход... Миновали обширное пространство, поросшее мелколесьем и кустарником, и увидели впереди слабые отблески вспыхнувшего зарева. На их фоне отчетливо вырисовывалась черная стена лесного массива и через мгновение растаяла вместе с угасшим заревом. За первой вспышкой последовали вторая, третья...

— Должно быть, немцы ракеты пускают,— сказал Изотов.— Значит, недалеко село...

— Подходим к Ипути, товарищи,— радостно подхватил старший шифровальщик.

— ...и Красная Армия наступает!— насмешливо подхватил Гороховский.

— Помалкивай,— одернул его все время молчавший Васин.

Эти вспышки вселили надежду на скорое избавление от тяжелых испытаний, люди почувствовали прилив бодрости, зашагали увереннее.

Но бодрости хватило ненадолго. Надежда осталась, а силы покидали людей. Шедший впереди Ефимов безуспешно боролся с одолевавшим его сном. Все чаще ему казалось, что он проваливается в бездну; он вздрагивал, испуганно таращил глаза и, успокоившись, опять засыпал. Наконец, потеряв равновесие, упал и даже не пытался встать.

Подсознательно отметив, что люди подходят и тоже ложатся, Ефимов моментально уснул. Он не слышал,

как Изотов, на обязанности которого лежало следить за тем, чтобы своевременно передавали мешок с «крутилкой», уже трижды спросил:

— У кого «крутилка»?

Встревоженный молчанием, он, шатаясь, подошел к Ефимову, с трудом разбудил его.

— Слушай, Петрович! Я что-то «крутилку» не нахожу. Не ты ее нес сейчас?

Ефимов почувствовал, как у него перехватило дыхание. Не в силах крикнуть, он вскочил на ноги. Сна и усталости как не бывало. Изотов едва успевал за ним. Стали выяснять. Оказалось, что последней несла ее Лора и передала Гороховскому, а от Гороховского невозможно добиться толка — на все вопросы он бессмысленно бормотал одно и то же:

— Чего пристаєте? Говорил — чертова дюжина... Подохнем поодиночке...

Было очевидно, что до него не доходит смысл вопросов.

Его оставили в покое. И так ясно, что мешок с «крутилкой» брошен им где-то на последнем этапе перехода; Лора вспомнила, что передала его Гороховскому много позже того, как они увидели вспышки зарева.

При мысли, что пропала «крутилка», что нельзя будет передать на Большую землю очень ценные сведения, Ефимова бросило в жар. «Что делать, как быть?» — сверлил мозг вопрос, на который он не находил ответа. Он отчетливо сознавал, что усталость подчиненных ему людей достигла такой фазы, при которой воля пропадает, все становится безразличным. Нет, не мог он рассчитывать на то, что кто-нибудь, даже Петя Изотов, способен пойти на поиски с твердым намерением отыскать «крутилку» во что бы то ни стало. «Выход один, — заключил он. — Пойду сам». Он снял с себя рацию, сумку с рабочим питанием, ремень с запасными дисками, все это сунул Лоре и сказал:

— Отвечаете за сохранность головой!

При нем осталась лишь полевая сумка с шифрами и документами. Уже на ходу он обернулся и громко, так чтобы все слышали, крикнул:

— Командование группой до моего возвращения возлагаю на старшего сержанта Изотова! Всем подчиняться ему беспрекословно!

Он шел по едва различимому в темноте следу, сворачивал в сторону, когда чудилось, будто видит что-то похожее на занесенный снегом мешок, разочарованный возвращался и шел все дальше и дальше. «Ведь этот безумец, наверно, не на глазах у всех бросил мешок, а ушел далеко в сторону», — думал он, и его охватило отчаяние. Несколько раз Ефимов сбивался со следа, возвращался обратно, шарил ногами, ощупывал руками. Наконец изнемог и остановился, чтобы отдышаться. Потянуло прилечь всего на пять минут, но он устоял против соблазна, боялся, что не поднимется. И снова побрел. Ему показалось, будто стало светлее. Посмотрел на часы и ужаснулся: было около шести утра! «Все равно, — решил он, дойду до того места, откуда увидели вспышки. На обратном пути будет виднее. А не найду — расстреляю мерзавца, хоть он и полоумный!» Он сделал еще несколько шагов и замер. Чуть в стороне, у дерева, топорщился необычной формы снежный бугорок. Не рассчитав сил, Ефимов рванулся к бугорку и упал, вытянувшись всем телом вперед. Сердце колотилось так, что он не решился тотчас же подняться, медленно, крадучись, прополз шага два, дотянулся руками до бугорка, нащупал что-то твердое. «Она!» — вскрикнул он. Спазмы сдавили горло, из глаз покатались слезы. Словно ребенка, обхватил он тяжелый брезентовый мешок с кожаными лямками, бережно стряхнул с него снег и стал целовать и шептать самые нежные слова...

Так в обнимку с мешком он пролежал несколько минут, пока не успокоился, потом поднялся и пошел к своим, тихонько бормоча: «Нет, милая, больше я тебя из рук не выпущу, нет, нет...»

Навстречу шла Лора. Одна. С его рацией, ремнями и дисками.

— Боялась, собьетесь с пути и нас не найдете, — сказала она.

Сделав несколько шагов, они увидели человеческий силуэт. Это был Изотов. И он вышел навстречу, так и не отдохнув как следует.

— Давай, Петрович, поднесу, — предложил он, но вместо ответа Ефимов повалился в снег и, только отдышавшись, ответил:

— Нет, Петя! Возьми у Лоры сумку с батареями, а «крутилку» сам потащу, сам...

Когда добрались до своих, Ефимов на ходу приказал подыматься и, не останавливаясь, пошел вперед. Он чувствовал, что если приляжет, то не сможет подняться, а Ипуть должна быть уже недалеко. В такт шагам он бормотал: «И... путь... И... путь» — и не заметил, как поредел лес, как потянулся густой кустарник и, миновав его, они вышли к крутому обрыву.

В низине угадывалась скованная льдом река.

— Ипуть! Товарищи, это Ипуть! — вскрикнул Ефимов.

В ответ послышались возбужденные голоса:

— Никак дошли, братцы?

— Дотопали!

— Даешь баланду!

На этот раз никто самовольно не опустился на снег. Ожидали команды Ефимова.

— Короткий, самый короткий привал, — распорядился он, но продолжал стоять, разглядывая местность.

На противоположной стороне сквозь пелену лениво падавших снежинок в предрассветном мраке проступали очертания леса, левее его едва можно было различить контуры нескольких хат. При виде их Ефимов обрадовался, но тотчас спохватился: «Отсюда, вероятно, и взлетали ракеты!» Он решил, не теряя ни секунды, переходить на ту сторону, чтобы к рассвету успеть углубиться в лес, а ночью выслать разведку и узнать, есть ли в селе немцы.

Поднялись дружно, без обычной раскачки, но по всему было видно, что люди напрягают последние силы. Только Васин и Гороховский поднялись последними и оказались в хвосте цепочки. Друг за другом по склону обрыва начали спускаться вниз, к реке. Снег здесь был по пояс. Преодолеть его казалось немыслимо трудно. Головные менялись чуть ли не через каждые пять шагов, иной раз продвигались ползком, поминутно приподнимаясь на руках, чтобы оглядеться по сторонам. Ведь именно тут проходила линия немецкого кольца, окружавшего партизанский край.

Противоположный берег был более пологим. Первым по склону вскарабкался Изотов, за ним радист и оба шифровальщика. Ефимов отстал и взобрался на склон вконец измученный. Все распластались на снегу тут же,

за первым рядом молодого ельника, что тянулся в полусотне метров от векового массива.

Стало уже совсем светло, но Ефимов не мог подняться, чтобы осмотреться кругом, проверить, все ли собрались. Он, как и другие, лежал на снегу, откинувшись навзничь, раскинув руки и ноги, и учащенно дышал широко раскрытым ртом. Перед глазами плыли разноцветные круги, к горлу подступала тошнота. Было так плохо, что он с ужасом подумал: «Ведь вырвались и... неужели это конец?» Тянуло сесть, казалось, что только в этом теперь спасение. Медленно повернулся он на бок, стал приподыматься и тут впервые недобрым словом помянул тянувшую его к земле «крутилку». После долгих усилий ему удалось сесть. В первое мгновение все поплыло перед глазами, он зажмурился, потом открыл глаза и опять зажмурился... С каждым разом окружающие предметы проступали все отчетливее, и наконец, когда все встало на свои места, он увидел, как посреди реки, то вставая, то падая, передвигались два человека. Немного впереди их шел третий. Ефимов узнал в нем Васи́на. Стало быть, те двое — Гороховский и Лора. После смерти радиста она не отходила от Гороховского, опасаясь, что и с ним может случиться непоправимое.

За минувшую ночь Ефимов особенно ослаб. Его не покидали дурные мысли. Теперь немцы рядом, а он не способен даже держать автомат в руках, да и что толку в автомате, если патронов осталось раз, два и обчелся. Но в груди еще тлел огонек надежды, порою он разгорался сильнее, и мрачные мысли отступали. Так хотелось снова почувствовать себя сильным, здоровым, способным бороться.

Подошла наконец и Лора. Ее миловидное румяное лицо стало неузнаваемо — осунулось, побледнело, изпод съехавшей набок ушанки свисали растрепанные волосы. Она взглянула на Ефимова глубоко запавшими, усталыми глазами и, проходя мимо, сказала:

— Сил нет таскать Гороховского. Оставила его внизу с Васиным. Больше не могу...

Было тихо, кружились снежинки. Над хатами вился сероватый думок — село просыпалось. Становилось светлее, Ефимов уже различал изгороди. Беспокоило, что Васин и Гороховский все еще где-то внизу, на открытом месте, что их могут заметить. Наконец и они вскарабка-

лись на склон. Ефимов молча пропустил их мимо себя, поднялся и только теперь сообразил, что пришедшие раньше могли уснуть. Так оно и оказалось. Он стал тормозить одного, другого, но безрезультатно. Лишь Изотов, чуть приоткрыв один глаз, раздраженно спросил:

— Ну, что?

— Петь, а Петь! Надо углубиться хотя бы на сотню метров, будет безопаснее... Здесь могут обнаружить. След-то виден!

— И черт с ним...— выдавил Изотов сквозь зубы.— Запорошит.

Начавшийся еще с ночи снегопад не прекращался, и Ефимов подумал, что Изотов, пожалуй, прав.

Усталость взяла верх над осторожностью. Запахнув плотно полушубок, он втянул голову в поднятый воротник и, согреваясь собственным дыханием, погрузился в тревожный сон. Засыпая, Ефимов не переставал думать о том, что надо бы уйти в лес, подальше от села, в котором могут быть немцы, выставить пост. И ему казалось, что он кого-то тормозит, уговаривает, но тщетно... Потом почудилось, что кто-то осторожно дотрагивается до него, он хотел приподняться, оглянуться, но ощущение быстро угасло, и он снова погрузился в тревожный сон.

Его разбудил едва слышный рокот моторов. За время долгих блужданий по лесу ухо впервые уловило знакомые каждому партизану настораживающие звуки. Ефимов приподнялся, отвернул воротник, сдвинул ушанку. «Да, точно! Тарахтят моторы... Значит, тут немцы...». Он стал вглядываться в просветы между молодыми, причудливо заснеженными елями, перевел взгляд на то место, где лежали товарищи, и... никого не увидел. Он вскочил на ноги и только тогда сообразил, что их завалило снегом.

Сугробы, прикрывавшие спящих, напомнили привал в лесу на снежных могилах безвестных людей. Машинально он пересчитал сугробы и удивился. Пересчитал еще раз:

— Один, два, три, четыре, пять... Я — шестой. Где же остальные?

Быстро прошел вдоль ряда спящих, варежкой смахивал с них снег, еще раз пересчитал: не было Васина

и Гороховского. И место, где они лежали, уже замело пушистым снегом. «Куда их понесло?» — недоумевал Ефимов. Оглядевшись, он увидел едва заметные следы. Они привели его к проторенной группой дорожке, которая вилась по склону. «Зачем? Неужели?...» Мелькнула догадка. Он взглянул в сторону низины и ужаснулся. Метрах в двухстах по пояс в снегу с трудом пробирались два человека. Они шли к тому самому селу, из которого недавно доносилось урчание моторов.

— Так и есть!— с досадой произнес Ефимов.— Вы бросили отруби и теперь с голодухи лезут в самое пекло! Идиоты!

«Догнать, во что бы то ни стало, догнать и вернуть»,— твердил Ефимов, расстегивая ремни и сбрасывая с плеч задубевший от мороза полушубок. Забыв об усталости, в одной гимнастерке, он кинулся вдогонку за ушедшими. По проложенной ими снежной траншее Ефимову было легче двигаться. От шедших впереди его отделяло уже не более двадцати шагов. Он хотел тихо окликнуть их, но в этот момент Гороховский упал. Подымаясь, он увидел Ефимова, что-то сказал Васину, и тот мгновенно обернулся, держа наготове автомат. Стараюсь не кричать и едва переводя дыхание, Ефимов со злостью выпалил:

— Вы, кретины, вашу... понимаете, что делаете? Там же немцы! Сейчас же обратно!

Васин выждал, пока Ефимов приблизился и, с ненавистью глядя на него, прошипел:

— Обратно? Нет, гад, и ты пойдешь с нами!..

Ефимова будто обухом по голове ударило. Он еще не понял, в чем дело, но сердцем почувал неладное.

— Иди, говорят, вперед! Быстро! — угрожая автоматом, шипел Васин.

Ефимов растерянно бросил вопросительный взгляд на Гороховского: «В моем ли уме Васин?» Но Гороховский старался не смотреть в глаза Ефимову.

— Пошли, пошли...— сказал он.

— Да что вы, с ума спятили? Вас же там повесят!

— Не пугай! Не с пустыми руками идем. Вот она, секретная заветная!— издевательски ответил Васин, показывая на висевшую через плечо полевую сумку Ефимова.— Топай вперед, большевистская собака, прокладывая дорогу!..

Только теперь Ефимов заметил свою полевую сумку. Сердце словно оборвалось, кровь прилила к лицу. Он, словно окаменел. В мозгу проносились, казалось бы, беспорядочные мысли, в действительности они были звеньями одной цепи: «...во сне показалось, что меня тормозят. Это он срезал ремень от сумки... так вот он кто! Костры разжег, сани заказал — все для того, чтобы навести на нас карателей... Что я натворил? Прибежал один, безоружный. Бесславный конец? Нет, нет! Пусть смерть, но только не плен!»

В груди кипела ненависть к предателю, решимость руками, зубами вцепиться в него, задушить, растерзать...

Вдруг он вспомнил: «Финка! Ведь она со мной!» — и его осенила мысль: «Обмануть врага, молить о пощаде, унижаться, лишь бы приблизиться к нему...» Ефимов постарался принять жалкий, поникший вид.

— Братцы, за что вы... — начал было он заискивающе, но Васин оборвал:

— Иди, говорю, гадина! Руки вверх, слышь?!

С поднятыми руками Ефимов стал приближаться к Васину, чтобы обогнать его и потом уже первым идти под наставленным в спину автоматом. «Идти сдаваться? Нет, этому не бывать!» Неудержимая дрожь одолевала его, челюсти непроизвольно отстукивали мелкую дробь, но он и не пытался сдерживаться. «Пусть думают, что я окончательно обмяк...». В нескольких шагах от Васина он опять заговорил дрожащим голосом, умоляюще глядя в свирепые, налитые кровью глаза Васина:

— Старший лейтенант, дорогой, да вы не сердитесь на меня, старший лейтенант, за то... Простите, прошу вас...

— Там будешь извиняться! Шагай, шагай!

Гороховский тупо, безразлично поглядывал то на Ефимова, то на Васина, руки его были безвольно опущены, трофейный автомат свободно свисал с плеча. По всему было видно, что он не сознает ни своей роли в происходящем, ни того, что происходит, ни того, что ожидает его там, в селе. Мельком взглянув на него, Ефимов с облегчением отметил, что Гороховский окончательно впал в прострацию и вряд ли способен помешать ему расправиться с Васиным. Подвигаясь вперед мелкими шажками, он не переставал слезно умолять:

— Старший лейтенант, дорогой мой, простите, что ударил вас тогда... Ну, ударьте, прошу, ударьте меня. Я виноват перед вами, братцы, простите, прошу... — и, зарывав, Ефимов упал на колени.

— Вставай, собака, не то стрелять буду! — Разъяренный Васин направил на Ефимова автомат. — Овечкой прикидываешься, гад!

— Встаю, встаю, только не убивайте... Я пригожусь вам, старший лейтенант, не убивайте меня, — причитал Ефимов.

Он поднялся, сделал еще два-три шажка и, поравнявшись с Васиным, упал, стараясь как можно глубже утопить правую ногу в снегу. Васин не переставал сыпать ругательствами, угрожать, понукал Ефимова быстрее встать и идти вперед, а он, барахтаясь в снегу, запустил руку в правый валенок, нащупал рукоятку финки, судорожно сжал ее и, плаксиво приговаривая: «Встаю, встаю, старший лейтенант, встаю», вдруг рывком разогнулся, резким движением левой руки отвел от себя автомат Васина и нанес ему смертельный удар.

Эта сцена вывела Гороховского из оцепенения. Он судорожно схватил автомат и, когда Ефимов уже повернулся лицом к нему, оттянул затвор, нажал на курок... Выстрела не последовало — затвор замерз и, не дойдя до конца, остановился.

— Игорь!.. Опомнись!.. Не стреляй! — приближаясь к нему, отрывисто выкрикивал Ефимов. Но расстроенный рассудок Гороховского диктовал другое. Дергая затвор взад и вперед, он успел еще раз безрезультатно нажать на курок и, прежде чем Ефимов приблизился вплотную, протяжно завопил истошным голосом.

Ефимов, вероятно, мог бы обезоружить обезумевшего парня, но дикий вопль, раскатившийся многоголосым эхом по окрестностям, лишил его власти над собой. Гороховского постигла та же участь...

Много месяцев продолжалось следствие. Когда же оно было закончено и дело прекращено ввиду отсутствия состава преступления, Игнат Петрович Ефимов мог задать вопрос, который не давал ему покоя на протяжении долгого времени.

— Теперь, товарищ следователь, если не секрет, скажите, как случилось, что эта печальная история всплыла через двадцать лет?

— Что ж, пожалуй, теперь это не секрет,— подумав, ответил следователь.— Случилось это так. Много лет спустя после окончания войны судьба свела родных Гороховского с одним человеком — фамилию называть не стану, — которому случайно довелось узнать об этой истории. Ему рассказал ее кто-то из ваших товарищей. Человек этот не скрыл, что Игорь погиб не в бою, но, как теперь стало ясно, намеренно не сказал родным всей правды. Он изобразил дело так, будто Игорь поплатился жизнью за то, что вопреки приказанию не сохранил отруби и, изнемогая от усталости, самовольно бросил какой-то груз... В качестве командира группы был назван старший лейтенант Васин. Но проверкой установлено, что в тот отрезок времени в районе, где произошло это событие, никакого старшего лейтенанта Васина не существовало. Вместе с тем было установлено, что командиром взвода связи, в котором служил Гороховский, являлись вы — лейтенант Ефимов. Вот как возникло это дело и вот почему вам было предъявлено обвинение в убийстве одного, а не двух человек.

Игнат Петрович слушал следователя, понурив голову. Он глубоко сочувствовал родным Гороховского. Гибель Игоря они пережили трижды, и каждый раз все более тягостными становились выяснявшиеся обстоятельства его смерти. «Пропал без вести» — сколько страшных картин рисовалось им за этими стандартными словами, но все же не угасала надежда, что, быть может, он еще жив, вернется... Потом и вера в то, что он погиб, как подобает советскому солдату, и надежда на его возвращение были жестоко растоптаны дошедшей до них версией о самосуде, учиненном над Игорем. «И, наконец, теперь, — думал Ефимов, — каково им сознавать, что Игорь погиб от руки своего, советского человека, погиб, лишившись здравого рассудка и только потому став пособником предателя...».

— Вы говорите одного, а не двух человек, — сказал Ефимов. — Давайте скажем точнее: погиб действительно один человек — Гороховский. Убит тоже один, но это не человек. Убит предатель...

ДОКТОР

На малочисленный гарнизон полиции в селе, где комендантом был долговязый немецкий вахмистр, оккупанты возложили сбор продуктов для эсэсовских охранников расположенного поблизости крупного аэродрома.

Об этом гарнизоне по всей округе шла худая слава. За угон молодых парней и девушек в Германию на рабский труд, за расправы с беззащитными стариками, сыновья которых ушли в Красную Армию, за казни ни в чем неповинных людей ставленник «нового порядка тысячелетнего царства» — фашистский вахмистр снискал себе жгучую ненависть советских людей.

Ненавидел его и Гриша Бугримович — восемнадцатилетний веснушчатый парень со свисающей набок прядью рыжих вьющихся волос. Он замыслил покончить с гитлеровским комендантом, но о своем намерении никому из членов подпольной комсомольской организации не рассказал. «Чего буду заранее болтать, — думал он. — А вдруг не получится, тогда опять скажут, что Гришка нахвастал!» Гриша и в самом деле любил похвастать. Знал он, что многие считают его первым на селе пустозвоном. И он не понимал, как это у него получалось: ведь он сознавал свой недостаток, злился на себя, пытался исправить, но всякий раз увлекался и снова хвастал.

Однажды молодые подпольщики крепко отчитали его, к тому же в присутствии Катюши Приходько — миловидной, хрупкой девушки, в которой Гриша души не чаял. Помня об этом, парень и решил исполнить заданное, наперед не сказав никому ни слова.

Война была в разгаре.

Вблизи села, где действовала молодежная подпольная организация, в гуще леса обосновалась разведывательная группа, присланная в эти края командованием одной партизанской бригады для наблюдения за немецким аэродромом. Вскоре партизанам удалось установить связь с сельской подпольной организацией. Не прошло и несколько дней, как в распоряжение партизан пришли связная от подпольщиков Катя Приходько и старик колхозник дед Игнат. Едва переводя дыхание, девушка сообщила:

— Гришка Бугримович убится!

— Начисто! Как не бывало! — подтвердил старик и сокрушенно покачал головой.

...Над селом сгущались сумерки. Черные облака обложили окрестность: весенний дождь был теплым и затяжным.

По пустырю, мимо полуразвалившегося домика, где до войны размещалось сельпо, хлюпая сапогами по раскисшей глине, скользя и шатаясь, шел немецкий комендант. Нахлобучив на голову остроконечный колпак серо-зеленого дождевика, он что-то бормотал, жестикулируя руками.

Внезапно вынырнув из-за домика сельпо, Гриша Бугримович столкнулся с ним лицом к лицу. Опешив от неожиданности, он отпрянул в сторону и угодил в лужу, да так, что брызги липкой грязи обдали коменданта. Но гитлеровец лишь бросил на встречного свирепый взгляд, пробурчал какое-то ругательство и побрел дальше.

«Нализался, фашистский гад!» — со злостью прошептал Гриша. Несколько мгновений он стоял в нерешительности: «Идти своим путем или... Нет! Такой случай нельзя упускать...» Парень оглянулся: кругом ни души. Даже ближайшие строения едва видны сквозь дождевую завесу, окутавшую пустырь. Нашупав в промокшем на-

сквозь кармане свое единственное оружие — гранату «лимонку», Гриша бросился вдогонку за комендантом. Приблизившись к нему на расстояние броска, он вновь осмотрелся по сторонам, сорвал с гранаты чеку и, пробежав вперед еще несколько шагов, швырнул ее под ноги фашисту.

Сверкнула молния, и, словно раскаты грома, прокатилось по пустырю оглушительное эхо...

Вскоре Гриша вернулся домой, переоделся. Конечно, был он весьма возбужден, но ни мать, ни сестренки ничего не заметили.

В тот же вечер по селу пошли слухи. Одни говорили, будто немецкого коменданта убили наповал, другие — что его подобрали и увезли на телеге в район.

На следующий день в село нагрянули машины с немецкими солдатами. Вместе с местными полицейскими они рыскали по хатам, избивали людей, требуя выдать человека, бросившего гранату. Но все было тщетно. Тогда они отобрали двадцать шесть заложников и объявили, что если не будет выдан покушавшийся на коменданта, то все они будут казнены. Среди арестованных были Катя Приходько и еще два парня.

Гриша ходил сам не свой: заложники — невинные люди, а он — на воле... Катю он уже однажды спас. Полиция хотела отправить ее в Германию. Гриша получил задание от подпольной организации спасти Катю. В то время местный начальник полиции вербовал молодежь, и Гриша сказал ему, что хочет жениться на Катюше, а потом поступить на службу в полицию. Иного выхода не было. Катю отпустили. Она была очень благодарна парню, но выходить замуж за него и не думала. Разумеется, Гриша не пошел на службу к немцам. Забыл об этом и начальник полиции.

Однако Гриша будто впервые заметил пушистые каштановые волосы, ясные голубые глаза Катюши и неожиданно почувствовал, что уже давно любит ее. И вот теперь из-за него ей грозит гибель. Эта мысль не давала ему покоя, он искал и не находил выхода из положения.

А время шло. Со дня на день гитлеровцы могли привести в исполнение свою угрозу: казнить заложников.

Гриша решил было признаться оставшимся на воле подпольщикам и подумать вместе с ними, как спа-

сти заложников, но тут он встретил человека, от которого в самом начале создания подпольной организации «на всякий случай» получил гранату «лимонку».

Человек этот был Кирилл Агеевич, как его звали в селе — бывший танкист. Еще прошлой осенью, когда в этих местах шли бои, его подобрали раненого, выходили. Больше о бывшем солдате ничего не знали.

Ходил Кирилл Агеевич по хатам, помогал людям по хозяйству. За это его кормили. Он сильно хромал, отрастил бородку и длинные усы, не в меру сутулился, но люди все же догадывались, что не так он стар, как с виду кажется. Частенько беседовал он с молодыми парнями и девушками, крепил в них веру в неперемную победу Красной Армии, а когда молодежь решилась начать действовать, Кирилл Агеевич стал обучать ее владеть оружием, пользоваться взрывчаткой.

Теперь же, когда в ожидании казни заложников все жители села испытывали великое горе, Кирилл Агеевич будто невзначай вечерком заглянул к Бугримовичам. Он догадывался, что покушался на коменданта Гриша, но пришел к нему не для того, чтобы убедиться в правильности своей догадки.

Долго сидели они вдвоем на заднем дворе у копны сена, потягивая сигарку за сигаркой. Оба искали и не находили ответа на вопрос: что делать? Как спасти ни в чем неповинных людей? Будто потеряв надежду, что-либо придумать, Кирилл Агеевич стал рассказывать Грише об одном случае, запомнившемся ему еще с детства.

— Было это, значит, в наших краях, — начал он, как всегда издали. — Речка там протекает. Не сказать, чтоб дюже глубокая, аи студеная даже в жаркое лето. А в прибрежной местности аисты водились. На лето из теплых стран прилетали.

— Как-то парочка одна на крыше нашей хаты гнездо свила. Кавалер, значит, с возлюбленной. В один день, аи, глядит батя мой, аистиха барахтается на земле. Взлететь не может. Поймал он птицу, бедняжка крыло надломил. Что ж делать? Взяли ее в хату. Примочки делали, мазали чем-то, потом перевязали крыло. Аистиха помаленьку привыкать стала к нам, но как, бывало, почует, что дружок ее кружит, так и заладит стонать. А уж он-то, как часовой над хатой! Ей-ей! Ну

как быть? Стали мы выносить ему подружку. Так он враз спустится к ней, походит рядышком, полелеет... А она лететь-то ни-ни. Трагедия! Тут, гляди, и осень стучится. Птицы все — гира! А ее дружок все маячит, все поджидает подружку. Видал? По утрам холодать стало. Мы уж и не знали, что делать. Решил, значит, батя поймать и дружка, чтоб вместе они зимовали у нас.

— Поймали? — спросил Гриша.

— Ну да! Как холодок чуть прикрутил, глядим мы с батей — аиста нема. День, другой — все нема. Ходу дал. И так, знаешь, всю зиму. А подружка его тоскует, бедная, сил нет на нее глядеть. Крыло уже зажило, размахивает им так, будто ничего и не стряслось! Весной, как птицы стали возвращаться, батя выпустил аистиху на волю. Походила она, помахала крыльями и взлетела. Ожила! Батя мой аж слезу пустил. Ага, Гришка... Впечатлительный был он человек. Страсть!

— Так и улетела? — поинтересовался Гриша.

— Нет, почему... Осталась в своем гнезде. Да не в том интерес, Гриша. Сколько дней прошло — не знаю, только глядим мы, в гнезде-то она не одна... Вот как! Аист какой-то к ней пристроился. И живут себе, значит, опять вдвоем. Но не тот это был, что осенью поджидал ее до самых холодов. Не-е! Другой, видать, нахальный.

— Почему ж нахальный?

— А вот слушай. Вскорости на крыше нашей еще аист появился. Третий. Пригляделись, значит, и узнали: тот самый, что осенью смотался. Вернулся-таки к возлюбленной! Но... опоздал. Она на него ноль внимания! Видал, какое дело? А он караулит: покружит-покружит, да опустится, только вот новый-то дружок аистихи никак его к ней не подпускает. Совсем закрутил наш аист. Вконец иссохся, даже летать почти не стал... Веришь ли, Гришка, все мы измаялись, гляючи на них! Все равно, что люди. Никак не вызволит он свою подружку от того захватчика...

— Неужто так и отступился от нее? — думая о чем-то своем, спросил Гриша.

— Не-ет! Не отступился... Маялся он так-то неделю или полторы, а потом, глядим, взлетел наш аист высоко-о-высоко и пошел кружить над гнездом, где сидела его подружка с новым возлюбленным. Видать, хотел он

таким способом выманить своего соперника из гнезда, а тот нахалюга хоть бы хны... Тогда наш-то аист, что кружил, вдруг сложил крылья и камнем пошел вниз, прямо как пикирующий бомбардировщик! Сурьезно! Мы аж замерли! Что это он надумал?! И знаешь, Гришка, как шел он с высоты, так со всего размаху бабахнулся в своего соперника! И его, и сам — в лепешку! Во как, Гриша! А ежели подумать хорошенько, да посмотреть кругом, то ведь и в нашей жизни так-то бывает... К примеру, летчики наши в таких случаях тоже идут на таран! Слышал, небось?

Кирилл Агеевич замолчал, неторопливо скрутил цигарку, чиркнул о кремень какой-то железкой, раздул едва затлевший шнурок самодельного фитиля и стал прикуривать.

Гриша молчал. Он давно уже понял, что неспроста бывший танкист ему рассказывал эту быль или небылицу. Но не эта мысль занимала его теперь. «Кабы можно и мне вот так-то с воздуха! — думал он. — А с земли-то как их, гадов, таранишь?!»

— Того аиста, Гриша, что пошел на гибель, мы с батей схоронили с почестями, — сказал на прощание Кирилл Агеевич. — Как положено героям!

Гриша едва слышно скрипнул зубами, со злостью растер недокуренную цигарку и, продолжая думать о своем, невпопад ответил:

— Ничего! Я еще додумаюсь...

Волнуясь, Катя Приходько рассказала обступившим ее партизанам о трагических событиях, происшедших в селе в последние дни.

— Полицаи увезли тогда коменданта в район. Там госпиталь. Изверг, оказывается, еще жив был... Говорят, какой-то очень хороший врач — не то мадьяр, не то бельгиец — лечил его. И надо же! Через несколько дней фашист пришел в себя. А на прошлой неделе и вовсе выписался из госпиталя. Слух такой ходит, будто его от верной гибели спас тот доктор...

И вот позавчера комендант опять заявился в село. На пустыре, где в него была брошена граната, полицейские установили шесть виселиц. Всем объявили, что заложников будут вешать на следующий день.

— Один наш мужик, тоже из заложников, разбуше-

вался — плюнул коменданту в лицо. Фашист ухмыльнулся, вытерся платком и приказал четверем заложникам вырыть яму. Затолкали в нее нашего мужика и засыпали по самый подбородок. Одна голова на поверхности. Тогда комендант заставил всех нас плевать односельчанину в лицо и...

Катя запнулась, закрыла лицо руками. Дед Игнат продолжил:

— Страх и срамота, как ироды поглумились над нашим человеком. Палками заставили заложников оправляться ему на голову. Замучили его до смерти...

Замолчал дед Игнат, опустил голову на грудь. До боли стиснув зубы и сжав кулаки, молчали и партизаны, прислушиваясь к всхлипываниям девушки.

— А когда срок на выдачу «партизана» прошел, нас повели на пустырь вешать, — глотая слезы, возобновила рассказ Катя. — Народу там было — ужас сколько! С утра еще согнали. Староста опять объявил, что тому, кто укажет «партизана», дадут большую награду, а заложников отпустят по домам. Никто не шелохнулся. Тогда полицаи подвели первых шесть заложников к виселицам. Стали уже веревки прилаживать. Страшно было! И тут вдруг из толпы вышел Гриша Бугримович. Нарядился в новый костюм, как в праздник на танцы... Смотрим, полицаи его остановили, потом подошел к нему староста. Сколько людей было на пустыре — все шумели, плакали, причитали, а тут в миг смолкли. Тихо стало, будто и нет никого. Староста подвел Гришу к коменданту. Они о чем-то переговорили, потом Гриша закричал:

«Я знаю кто кинул гранату в господина коменданта! Человек этот тут. Пусть отпустят заложников — я выдам его, а не отпустят — смерть приму, но не скажу!»

— Коменданту, конечно, нечего было опасаться обмана. Этих ли, других ли заложников он всегда сможет переловить. А обманщику тогда конец! Нас отпустили. Бросились мы бежать к своим, втиснулись в толпу, а Гриша опять кричит во весь голос:

— Товарищи, прощайте! Это я кинул гранату в фашиста!

— Только я успела обернуться и взглянуть на него, — продолжала Катя, — как на том месте, где он стоял рядом с комендантом, старостой и полицаями, вспыхнуло

пламя. Поднялась целая гора огня и земли! Такой взрыв раздался, что мы еле на ногах устояли, а потом побежали кто куда... Суматоха такая поднялась — ужас!

— Коменданта — наповал. Старосту и еще какого-то немца убило на месте. Только начальника полиции чуть живого увезли в госпиталь. Должно быть, к тому врачу. А от Гриши нашего и следа не осталось. Говорят, он опоясался взрывчаткой...

— Поди знай! Мы-то считали его шепутным, а на деле он вон какой отчаянный оказался! — восхищенно отозвался дед Игнат. — Его мать сказывала, что накануне заходил к ним Кирилл Агеевич и долго о чем-то говорил с Гришей. Шукал я танкиста у всем силе, да нема его. Должно быть, знал солдат, что Григорий собирается сделать. Оттого, видать, теперь и скрылся...

— Может, и так, — замстил Ларионов, высоченный партизан-здоровяк в немецком кителе. — А парень-то был орел настоящий!

— Да! Такое на века запомнят люди, — поддержал другой партизан.

— Это верно, товарищи, — заключил молчавший до сих пор командир разведчиков старший лейтенант Антонов. — Но сейчас надо подумать вот о чем: боюсь, что фашисты в отместку спалят село и уничтожат всех жителей...

— И мы так-то думаем, — перебил его дед Игнат. — Но то будет ли, нет ли — еще неизвестно, а вот Бугримовичам беды не миновать, ежели начальник полицаев смерти избежит. Катьке тогда тоже не сдобровать. Это уж точно! Ведь он, поди, не запамятовал, что Григорий Бугримович зимой молил его не отправлять Катьку в Германию, обещал жениться на ней... Это уж сволота такая, что может все припомнить!

— А не пустить ли в расход того полицейского начальника вместе с врачом — мадьяром или, кто он там, черт его батьку знает?! — заметил Ларионов.

— Верно! — отозвался один из разведчиков. — Чего чикаться с ними!

Антонов испытующе посмотрел Кате в глаза. Девушка почувствовала, что партизаны чего-то ждут от нее, возлагают на нее какие-то надежды. Она неопределенно пожала плечами, застенчиво смахнула со щеки сле-

зинку и неторопливо, но твердо сказала, что готова выполнить любое поручение.

— Задание, которое дадим вам, Катюша, нелегкое, — сказал Антонов, продолжая пристально разглядывать девушку. — В районный центр сходите?

— Почему же нет? Конечно, схожу.

Взвешивая каждое слово, стараясь предусмотреть все обстоятельства, Антонов изложил задачу. Договорились, что на предварительную разведку в районный центр, где находится госпиталь, пойдет Катя, а связным на это время будет дед Игнат.

Уже через несколько дней старик пришел к партизанам с первым донесением. В нем Катюша сообщала, что лечащий врач пообещал «в скором времени поставить на ноги начальника полиции», а тот грозит после выздоровления «не оставить в селе ни одной живой души».

Теперь партизаны уже не сомневались в том, что в селе вот-вот будет учинена кровавая расправа.

Партизан Ларионов вновь заговорил о том, что надо поскорее убрать начальника полиции, а заодно и врача.

— Точно! — поддержали его разведчики. — Не то будет поздно...

Через несколько дней связной пришел с новым донесением. Катя передавала, что какой-то подвыпивший раненый эсэсовец учинил в госпитале скандал по поводу того, что местные полицейские приносят своему начальнику фрукты и прочее: а ему, «чистокровному арийцу», не оказывают никакого внимания. Кончилось тем, что разгневанный гитлеровец нанес начальнику полиции несколько ударов табуреткой по голове и тот, не приходя в сознание, умер. «Так что в отношении начальника полиции, — писала Катя, — все в порядке».

Партизаны рассмеялись. Но дед Игнат почему-то оставался сумрачным.

— Почитайте, почитайте далее, — многозначительно кивнул он на бумагу.

Веселое настроение разведчиков сменилось недоумением и возмущением, когда из донесения Катюши стало известно, что доктор, лечивший фашистского коменданта и начальника полиции, вовсе не мадьяр и не бельгеец, а русский военный врач Евгений Мдрозов.

— Что ж получается, братцы?— негодовал Ларионов.— Мы бьем фашистских гадов, а если не удастся сразу прикончить, так этих бандитов возвращает в строй наш «аполитичный» сукин сын?!

Из донесения и рассказа связного было ясно, что немцы полностью расконвоировали русского доктора, оказывают ему большое доверие.

Между прочим Катя Приходько еще сообщала, что Морозов иногда оказывает медицинскую помощь местным жителям и, как врача, его очень хвалят.

— Это же не какой-то темный лапотник, а человек грамотный! Значит, сознательно пошел на службу к фашистам!— с возмущением говорил один партизан.

— Шкурник! Небось, мечтает о собственном кабинете с частной клиентурой...— поддержал другой.

Прощаясь со связным, командир разведывательной группы старший лейтенант Антонов просил передать Катюше и подпольщикам, с которыми она установила контакт в райцентре, что предателя Морозова надо убрать и что если для этого нужна помощь партизан, то они ее окажут.

Через несколько дней в расположение партизан неожиданно пришла Катюша. Она сообщила, что Морозова можно захватить живым. Он, оказывается, собирается жениться на лаборантке госпиталя и вместе с ней каждую субботу ездит к ее родителям в село, расположенное в двадцати километрах от районного центра.

— Там у нее отец и мать,— рассказывала Катюша.— Отец — мельник. У них Морозов ночует, а в понедельник рано утром мельник отвозит их обратно в госпиталь. Для этой цели местный староста по указанию немцев каждый раз снаряжает возок.

— Пристроился, мерзавец, неплохо! — зло заметил Ларионов.

— Да! За «спасибо» таких благодетелей от гитлеровцев не дожدهшься! — добавил Антонов — Что ж! Придется заняться этим прихвостнем...

Старший лейтенант решил захватить Морозова. Помимо желания воздать ему должное за предательство он рассчитывал получить от него ценные сведения о противнике, в частности, об аэродроме...

В ночь под воскресенье девять партизан-разведчиков на трех подводах подкатили к опушке леса, в километре от которого темнели постройки села. К селу направились пешком, оставив подводы на опушке. По мере приближения к селу пряный аромат трав постепенно сменялся запахами сена и навоза. Лишь щелканье кузнечиков нарушало тишину, оно сопровождало шедших гуськом партизан вплоть до изгороди, неожиданно выплывшей из темноты.

Убедившись, что вышли к крайнему дому, разведчики направились задворками к центру села, отсчитывая одну за другой крестьянские усадьбы. Четырнадцатая от края, как объяснила Катюша, и будет усадьба мельника. Недалеко от нее в большом деревянном здании бывшей школы помещалась немецкая комендатура, а напротив — штаб местной полиции. Разведчики продвигались к выглядывавшему из темноты дому с высоко приподнятой крышей.

Бесшумно разведчики проникли в огород, пробрались во двор. Теперь надо было действовать быстро и, главное, без малейшего шума. Катя предупредила, что улица здесь патрулируется полицейскими, а ближе к центру села — немцами.

Не теряя ни минуты, партизаны приблизились к дому, прислушались, заглянули в щели ставней. Внутри тихо и темно. Входная дверь заперта.

— На засов,— прошептал разведчик, копошившийся у двери.

Но пока Антонов выставлял наблюдателя за улицей и устанавливал пулеметный расчет на случай, если придется отходить с боем, разведчики мастерски, почти без скрипа открыли дверь. Из сеней пахло запахом квашеной капусты и ароматом свежеспеченного хлеба. «Еще бы!— подумал Антонов.— Хозяин — мельник. Как же не встретить будущего зятя свежим хлебом!»

Едва разведчики приоткрыли дверь из сеней в комнату, как раздался испуганный голос хозяйки:

— Кто тут?

— Свои, тихо!— шепотом поспешил ответить Антонов и, включив электрический фонарик, скользнул лучом света по комнате.

— Не шуметь! — басовитым шепотом повторил Ларионов, приблизившись с включенным фонариком к лежащему с открытыми глазами человеку.

По описанию Катюши — Морозов молодой блондин с властным лицом, а этот пожилой, черноволосый с проседью на висках. «Вероятно, он и есть мельник», — подумал Антонов. Проснулась и его дочь. В ее постели оказалась девочка лет восьми-девяти, о существовании которой в донесениях Кати Приходько не упоминалось.

Разведчики обыскали хату, но... увы! Никого больше не нашли.

— Где врач? — спросил Антонов сидевшую на постели дочь мельника.

— Какой еще врач? — раздраженно ответила та вопросом на вопрос.

— Не прикидывайтесь! «Какой?!». Тот, что в госпитале работает...

— Жених! — пробасил Ларионов.

— Нет здесь ни врачей, ни женихов... Ищите, если не верите, — со злой решимостью ответила дивчина, метнув недружелюбный взгляд на здоровяка в немецком кителе.

— Скрываешь! — вспылил Антонов. — Пеняй на себя... А ну, братва! Не иглока же этот доктор. Пошарьте хорошенько, загляните в подпол, на чердак, во все уголки!

В хате воцарилась тишина. Слышны были лишь мерное тиканье ходиков, шорохи в подполе и в сених да порывистое дыхание девочки. Антонов подошел к постели, осветил фонариком девочку. Она дрожала, как в лихорадке, таращила испуганные черные глаза, точно ожидала, что сейчас ее схватят, ударят.

— Не бойся, девочка! — попытался Антонов успокоить ребенка. — Мы никого не тронем. Спи!

Но девочка не успокоилась, ее затрясло еще сильнее. Антонову показалось, что вот-вот она закричит. Он быстро отошел от кровати.

В комнату вернулся партизан, прозванный за малый рост и большую подвижность Шустрым. Он принес ручной чемоданчик, заполненный какими-то медикаментами, перевязочными материалами и набором хирургических инструментов.

Антонов навел луч фонарика на дочь мельника, сидевшую на кровати рядом с девочкой. Увидев чемоданчик, она побледнела и, стараясь не выдать своего волнения, плотно скрестила руки на груди. На вопрос: «Кому принадлежит этот чемоданчик?» — она надменно произнесла:

— Мне принадлежит!

— Дудки! — возразил ей Шустрый. — Не таковские тут, мамзель или фройлен, как вас там величают, чтоб не понимать, что к чему! Инструментики эти лаборантке все одно, что корове седло! Да-с...

Дивчина не ответила и пренебрежительно отвернулась.

Было очевидно, что чемоданчик принадлежит доктору Морозову, но и при повторном осмотре дома партизаны его не нашли. Правда, на чердаке они обнаружили тщательно замаскированный домашним скарбом уголок, в котором кто-то совсем недавно находился. Там стоит продолговатый ящик, на нем уложена перина, застланная простыней и одеялом, а рядом покрытая скатеркой табуретка, на ней кусок хлеба и глиняный кувшин с остатками молока.

— Молоко мы попробовали. Ничуть не скисло, — доложил Шустрый. — И хлеб совсем свежий!

— Кого на чердаке приютили? — обратился к старикам Антонов.

— Так то ж племянница до нас недавно приехала, — ответила старуха дрожащим голосом. — Соседские ребята ходят до нее и там все играют...

— В войну играют, — добавил мельник. — Крепость какую-то все строят, вот и натаскали туда всякого барахла...

— Так оно, видно, и есть, — шепнул Антонову один из разведчиков. — Взрослый на той постельке никак не уместится. Это точно!

«Так это или не так, — рассуждал Антонов, — но к доктору тайник на чердаке, по всей вероятности, не имеет отношения. Одно ясно: Морозова здесь нет, хозяева делают вид, будто и понятия о нем не имеют, а время истекло. Пора уходить...».

Предупредив хозяев, чтобы никто не вздумал выходить из дома до наступления полного рассвета, партизаны собрались уходить. Вдруг хозяйка дома засуетилась.

Видимо, пораженная тем, что ночные гости не только никого не тронули, но и ничего не взяли, она достала большую буханку белого хлеба и протянула ее одному из разведчиков. Но парень отказался:

— Нет, нет. Благодарствуем...

— Да возьмите ж! Возьмите! — настаивала старуха.

— Вы ж путаетесь с фашистами, — не выдержал партизан. — Хлеб-то этот оплакан слезами наших людей! Не для нас он приготовлен...

Старуха как держала буханку на вытянутых руках, так и замерла, потеряв дар речи.

Партизаны вышли и, убедившись, что мельник задвинул дверной засов, как было ему указано, направились к огороду. Шустрый последним перелез через плетень, отгораживавший усадьбу мельника от уходившего вдаль поля, и вдруг заметил в углу соседнего двора, будто кто-то высунулся из зарослей сорняка и опять скрылся в них. Не раздумывая, разведчик тут же подбежал к тому месту и, наставив автомат, негромко, но властно окликнул:

— Кто тут? Выходи! Стрелять буду...

— То ж я... Свой, — едва слышно гнусавым голосом ответил словно из земли выросший человек небольшого роста.

— Ты что тут делаешь?

— Хто, я?

— Конечно, ты, а кто ж еще?!

— Я тутошний...

— А чего ты бродишь по ночам? — обратился к человеку Антонов, подошедший вместе с остальными партизанами.

— Да так... Чую хто-сь ходит. Думаю, дай погляжу... Maybe, думаю, дофтура шукают, або шо.

Разведчики насторожились. Антонов спросил:

— А где он, доктор-то?

— Известно где: у хате мельника. Де ж ему быть?!

— Нет его там.

— Нема?! Хм! З вичера бул...

— А ты следишь, что ли, за ним?

— Да не-е... Сосиди мы. Вон моя хата.

— Куда ж мог пропасть твой сосед?

— Говори толком: где врач? — нетерпеливо произнес Ларионов, надвигаясь своей мощной фигурой вплотную на человека.

— Да вот я и думаю... Весной дофтур ходил почевать на сеновал. Але зарас вже трохи студено...

Антонов его прервал:

— Где у мельника сеновал?

— Мельник своего немає. Треба вам зарас, бачте во-он то, шо темние? — указал человек на едва видневшееся в стороне строение. — То клуня... Сосида, там сино...

Несколько разведчиков стремглав помчались к указанному строению. Вскоре они показались с человеком в одном белье. Это и был доктор Морозов. Он, видимо, еще не уяснил: кто эти люди и зачем он им понадобился. Тонком приказа он твердил:

— Я тгебую вегнуться! Не могу же я идти в таком виде?! Чегт знает что! Самоупгавство...

Во избежание излишнего шума разведчики засунули в рот Морозову кляп и вынули его только тогда, когда приблизились к лесу.

По прибытии в лагерь Морозова поместили в карательную землянку. Антонов приказал не спускать с него глаз и ушел отдыхать. Улеглись к тому времени и разведчики. Однако, несмотря на изрядную усталость, Шустрый не мог уснуть. Лежавший рядом его дружок Борька-пулеметчик тоже ворочался с боку на бок.

— Чего не спишь? — спросил его Шустрый.

— Да все про того доктора думаю. С характером он, видать! Ерепенился: «Я требую», «Как смеете?» и всякое прочее... Думаешь, кокнул его?

— Нет, чикаться будут с таким стервецом!

— М-да! Уж очень он ершистый, будто и в самом деле, как говорят, «ни сном, ни духом» не ведает, за что мы его так-то «обласкали»...

Шустрый не ответил, и Борька-пулеметчик замолчал, хотя ни тот, ни другой еще долго не спали.

Не спал и Антонов. До встречи с Морозовым он приговорил его к самой суровой каре, а теперь им овладели сомнения. Он пытался докопаться до их причины, спорил сам с собой и, окончательно запутавшись в доводах «за» и «против», вернулся к тому, что доктора Морозова следует судить за предательство.

Лагерь затих. Лишь дозорные в секретах прислушивались к каждому шороху, да в караульной землянке не дремал часовой. Он презрительно смотрел на Морозова, который отказался лечь на ни чем не покрытую солому.

Едва успел Антонов уснуть, как его разбудили. Группа партизан, возвращавшаяся после выполнения задания в главный лагерь бригады, завернула к разведчикам. Ее возглавлял комиссар бригады. Он решил погостить у Антонова несколько дней, ознакомиться с тем, что удалось сделать разведчикам, а заодно дать отдых партизанам своей группы.

Среди прибывших был большой друг Антонова — врач бригады Александр Алексеевич Медяков. Вместе они переходили линию фронта и уже более года делили радости и горести партизанской жизни. Им было о чем поговорить, и лишь на рассвете, уставшие после долгой беседы, они разошлись на отдых. Медяков ушел в землянку, отведенную ему и комиссару, Антонов остался в своей, штабной.

В лагере еще спали, когда сквозь сон Антонов услышал возбужденные голоса своего ординарца, прозванного «адыютантом», и Медякова.

— Вот как хошь, товарищ военврач, обижайся не обижайся, а не пушу. Устал он...

— Нужен он мне, понимаешь?

— Ну что ты за человек, товарищ военврач, ей богу?

Не в силах открыть глаза Антонов все же откинул с головы плащ-палатку, крикнул:

— Саша! Это ты?

— Я, Петрович!

— Что там? Заходи!

Медяков вошел с сияющим лицом.

— Слушай, Петрович, дорогой! Знаешь, кого вы тут захватили?

Антонов чуть приоткрыл сонные глаза.

— Это ты о Морозове?

— Ну да! — радостно ответил Медяков.

Антонов молчал. В его памяти неожиданно возникла картина недавнего прошлого. Он вспомнил, как Медяков тепло рассказывал ему о своем двоюродном брате, с которым вместе рос, воспитывался, одновременно по-

ступил и окончил медицинский институт. Получив дипломы, братья решили и дальше работать вместе, но война разлучила их. Брата мобилизовали в армию, а Медякова по его просьбе отправили к партизанам. И часто, очень часто Медяков в задушевных беседах с Антоновым вспоминал брата, беспокоился о его судьбе, сожалел, что не довелось им быть вместе в годину трудных испытаний...

И вот однажды партизанская бригада оказалась во вражеском кольце, долго не могла вырваться из него, несла тяжелые потери не только в непрерывных боях, но и из-за голода и острого недостатка медикаментов. Чудовищные зверства чинили фашистские головорезы в тех селах, которые партизаны были вынуждены оставить под натиском врага. Особенно свирепствовали гитлеровские наемники-власовцы и полицаи, согнанные сюда со всех окружающих районов. Когда Медякову рассказали о том, как эти выродки надругались над женщинами, как на глазах у матерей убивали младенцев, он горячо воскликнул:

— Знаешь, Петрович, ни отца родного, ни брата не пощадишь бы, окажись они в этой своре предателей... Я бы и не попытался у них, как это случилось. Клянусь! Рука не дрогнула бы...

И вот теперь радостная улыбка, не сходявшая с лица Медякова, восторженный тон произнесенной им фразы по какой-то неуловимой ассоциации живо напомнили Антонову, с какой любовью Медяков всегда говорил о своем братишке. «Уж не брат ли его этот доктор Морозов?» — вдруг подумал Антонов.

— Так ты знаешь, кого вы тут захватили? — с еще более радостной интонацией повторил Медяков, и это окончательно убедило Антонова в том, что он не ошибся. — Это же...

Антонов его оборвал:

— А помнишь, Саша, что ты говорил в дни блокады, когда наши друзья один за другим гибли от рук вот этой нечисти? Помнишь, как говорил, что окажись среди этих предателей любимый брательник, ты, не колеблясь, воздал бы ему должное? Так, кажется? А теперь что? Запел другую песенку?

— погоди, Петрович, о чем ты? — остановил друга Медяков. — Думаешь, Морозов и есть мой братишка?

Да ты с ума спятил?! Это же Женька Морозов! Понимаешь? Женька Мо-ро-зов! Мой однокашник!

Антонов почувствовал некоторое облегчение, но уже не мог сдержаться, говорить без раздражения. Да и оснований к этому не видел. Его возмущало, что Медяков говорит о Морозове так, будто Антонов по какому-то недоразумению считает его предателем.

— И что с того, что он твой однокашник? Такой же сукин сын и мерзавец, как все прочие предатели!

— Да ты погоди горячиться, Петрович! Это же чудесный парень! Он...

— Ты скажи мне прямо: пришел за него просить? Так я тебя понял?

— Да. За него,— твердо ответил Медяков.— Ты послушай...

— И слушать не хочу, Саша! Во-первых, этот твой однокашник и «чудесный парень» поднял лапки перед врагом. Словом, зря просишь...

— Я терпеливо слушал тебя,— стараясь быть спокойным, сказал Медяков.— Выслушай и ты меня... Женька Морозов — это же, как тебе объяснить... Ну, понимаешь, душа человек. На свете нет такого...

— И не надо нам таких,— прервал его Антонов.— Лучше бы ему не родиться, чем поднимать руку на Родину. И вообще, Саша, прошу тебя, дай мне поспать и сам отдохай...

Антонов повернулся лицом к стенке и накиннул на голову плащ-палатку. Рассерженный и сконфуженный Медяков вышел из землянки, сопровождаемый насмешливым взглядом «адъютанта» Антонова, широкоплечего, атлетического сложения Сеньки Кузнецова.

Проводив Медякова недобрим взглядом, Кузнецов отошел к землянке и, присев на пень, принялся скручивать козью ножку. Попыхивая ароматным дымком самосада, он мысленно продолжал полемику с врачом.

— Сеня,— окликнул его из землянки Антонов.— Будь добр, зачерпни кружичку холодной воды!

Разговор с Медяковым вывел Антонова из равновесия. Он долго ворочался с боку на бок, тщетно пытался уснуть.

Подавая кружку воды, Кузнецов заодно сообщил:

— Вон уж ходит с комиссаром. Небось, ябедничает...

110 Не люблю таких...

— О ком ты?

— Да врач... Вон как обхаживает комиссара: и так, и эдак, и в лицо ему заглядывает, и руками размахивает. Адвокат какой нашелся...

Рывком Антонов вскочил, оделся и, затягивая на ходу ремень с оружием, вышел из землянки.

Медяков замолчал, как только увидел приближавшегося Антонова. Комиссар, однако, продолжал начатый разговор. Речь шла о докторе Морозове. С первых же слов Антонов заключил, что Медякову удалось в какой-то мере повлиять на комиссара. Ночью, когда Антонов докладывал о прислужнике немцев докторе Морозове, комиссар был настроен весьма решительно, а теперь он говорил о том, что не следует рубить с плеча, что надо спокойно разобраться до конца...

— Нам с вами, старший лейтенант, доверено подчас распоряжаться судьбами людей,— сказал он, обращаясь к Антонову.— А жизнь человека — это самое драгоценное. Злоупотреблять властью никому и ни при каких обстоятельствах не позволено. И никому не позволено устраивать самосуда, заниматься рукоприкладством.

Антонов понял, что пока он ходил по лагерю, отдавая различные распоряжения и проверяя посты, комиссар побывал в караульной землянке.

— Если надо — будем судить,— сдержанно продолжал комиссар.— Надо будет расстрелять — сделаем и это... Но самовольничать никому не позволено!

Антонов молчал, хотя внутри у него все клокотало.

— А вам, Антонов, давно следовало зайти к доктору и посмотреть, как он выглядит,— сказал комиссар.— Так что идите. Да и поговорить с ним вам тоже не мешает. Ведь все, что вы знаете о нем, нуждается в тщательной проверке... И тогда его вина может оказаться не столь уж большой. Я разговаривал с ним. Мировоззрение у него, конечно, не без изъянов. Говорить не приходится. Но дела, о которых он рассказывал, придется принять во внимание... Разумеется, все, что он вам расскажет, надо здесь же проверить и в зависимости от результатов проверки решить вопрос о дальнейшей судьбе доктора. Но повторяю, прежде всего надо с ним поговорить, причем спокойно, без дерганий... Вы поняли меня, Антонов?

111

— Понял, товарищ комиссар! — четко ответил командир разведчиков.

От комиссара Антонов ушел в таком состоянии, словно побывал в парной. Долго он не мог успокоиться. Прежде чем идти к Морозову, заглянул к разведчикам. Оказалось, что вместе с прибывшей из райцентра с последними новостями Катюшей Приходько разведчики хотели было снарядить делегацию к комиссару, чтобы поддержать Антонова, рассказать, что они знают и думают о предателе Морозове. Инициатором этой затеи был, конечно, Сенька Кузнецов. Но Антонов строго-настрого запретил разведчикам вмешиваться.

Выслушав информацию подпольщицы о положении в районном центре, он направился в караульную землянку, чтобы выполнить приказание комиссара, но снова, будто невзначай, отвлекся, заглянул на кухню, отчитал поваров за то, что слишком заметен дым, когда над лесом проносятся немецкие самолеты.

Трудно было Антонову перебороть себя, признать, что, докладывая первый раз комиссару, он без достаточных оснований утверждал, что доктор Морозов отъявленный враг и заслуживает той же участи, которая уготована всем предателям Родины. Он с досадой думал о том, что своим вмешательством Медяков опередил его намерение основательно допросить Морозова.

Теперь Антонову вообще казалось, что, допроси он Морозова до возникновения конфликта с Медяковым, все было бы иначе, и ему не пришлось бы краснеть, выслушивая справедливые упреки и наставления комиссара, не пришлось бы объяснять разведчикам, почему комиссар не согласился с ним. И, наконец, не пришлось бы ему теперь идти к Морозову, который, чего доброго, подумает, будто партизанский командир пришел к нему с покаянием...

«Конечно, — рассуждал Антонов, — обидно, что, вопреки моему мнению и не советуясь со мною, комиссар, видимо, уже твердо решил сохранить жизнь этому человеку. Не зря же он сказал, что разные бывают враги и что есть среди них и такие, которых можно и должно заставить работать на нас...»

Но обдумывая все, что произошло, Антонов с облегчением отметил доверие, оказанное ему комиссаром. Ведь он мог приказать освободить Морозова!.. И если

не сделал этого, то, стало быть, полагается на него, Антонова, на его рассудительность, способность понять и исправить свою ошибку.

Продолжая размышлять, Антонов обошел весь лагерь без особой к тому надобности и наконец решительно направился к караульной землянке.

При появлении Антонова в дверях землянки Морозов встал, выпрямился по-военному. Он все еще был в одном белье. Это не было для Антонова неожиданностью.

Не здороваясь и не приглашая доктора сесть, Антонов присел на нары и, не глядя на Морозова, резким, недружелюбным тоном спросил:

— Что вы умеете делать кроме своей специальности?

Морозов пожал плечами, помедлил и с достоинством ответил:

— Кажется, все, что полагается делать мужчинам помимо их специальности.

— Фашистов бить умеете?

— Если бы пришлось этим заняться, вежливо делал бы это не хуже других...

— Знаю, как вы это делали! Воскрешали их из мертвых...

— Попрошу пошения, но я медик.

Антонов зло усмехнулся:

— Какие высокопарные слова! Ну, а если вашу страну оккупанты топчут? Вы это понимаете?! Топчут Родину! — начал было выходить из себя Антонов, но тут же осекся: — Впрочем, что вам... Родина. Вы — «медик»!

— Извольте со мной так не газговагивать... Я русский, и мое Отечество — Россия! — еще более коверкая от волнения слова гордо произнес Морозов.

— Ой, ой, ой... Какой тон! Скажите, пожалуйста, — верноподданный матушки-России!.. «Я — русский, мое Отечество — Россия!» — возмущался Антонов. — А скажите, пожалуйста, разве так старательно выведенные вами немцы не топчут Россию, за которую с таким пафосом вы изволите распинаться? Разве не ваши пациенты и им подобные повседневно уничтожают сотни и тысячи русских людей?! Или не русские города и села превращают в пепел те самые фашистские громилы, которым вы служили с таким подобострастием?! Или,

возможно, ждете, когда ваши хозяева дойдут до Урала и тогда ваша милость сообразовалит «постоять за Русь»?!

— Я вновь тгебую не говогить со мной таким тоном!— гневно произнес Морозов.— Вы командиг или начальник— я не знаю, и вы обязаны вникать в суть дела, думать и не давать волю языку и кулаку!

— Что я обязан понимать?— оглядев доктора недобрым взглядом, спросил Антонов.

— А то, в каком положении я находился у немцев!

— Вам было плохо у немцев? Вот оно как?! А по нашим наблюдениям совсем наоборот!..

— Спогить, собственно говога, я не умею и не желаю... Но да будет вам известно, что если бы в откгытом бою я только ганил своего смегтельного вгага и его доставили бы ко мне в клинику, то я сделал бы все возможное для спасения его жизни! Все возможное! Только так я понимаю свой пгофессиональный долг!

Морозов резко вскинул голову, что, видимо, было его привычкой, и, устремив взгляд, в какую-то точку, продолжал:

— Думайте обо мне что угодно, однако в бою — я солдат, а в клинике — вгач и только!

— Но ведь они насилуют наших сестер и жен, они убивают безвинных младенцев и стариков, по их воле кругом слезы и кровь, виселицы и могилы, пепел и развалины! А вы, видите ли, считаете своим профессиональным долгом делать все возможное для сохранения жизни этих душегубов. Дескать, пусть пребывают в добром здравии и продолжают наводить свой «новый порядок»! Так по-вашему?

— Нет, не так. Не вежно. Вы пгегже всего должны понять, что я медик! Пгедставьте себе, что вы вгач. К вам поступает какой-то немец с газвогоченным бгюхом или газможденным чегепом. И если вы не окажете ему немедленную помощь, не сделаете все необходимое в таких случаях, то он неминуемо погибнет. Вы отказались бы спасти ему жизнь? Не вею! В пготивном случае вы совегшили бы пгямое убийство. Вгач убийца — это самый подлый пгеступник. И я не вею, что вы поступили бы иначе. Не вею!

— А ведь вы, помнится, утверждали, что не умеете и не желаете спорить? Я бы не сказал...

— Пгошу пгощения,— перебил Морозов.— Это вовсе не спог. Это бесспогная истина!

— В таком случае я скажу вам, в чем состоит моя бесспогная истина. Все, что вы говорили о священном долге врача, было бы верно только в том случае, если бы вы работали не в гитлеровском госпитале, а в нашем. Понимаете? В нашем, советском! Тогда честь вам и хвала за спасение жизни каждого пленного немца, кто бы он ни был. Вот почему на вашем месте я ни при каких условиях не пошел бы работать в фашистский госпиталь! А вы пошли. Пошли восстанавливать живую силу врага. Это и есть предательство. Такова моя бесспогная истина!

— Вначале, когда я, будучи без сознания, попал в плен, то гассуждал точно так, как вы сейчас,— просто ответил Морозов.— Но затем понял, что это означает идти по линии наименьшего сопготивления. И вот почему: большинство наших людей на оккупированной теггитогии остались без какой бы то ни было медицинской помощи. Немцы, как вам известно, им ее не оказывают. В таком случае как быть с больными? А их немало. Оставить наших людей на вежную гибель? Нет! Но, сидя за колючей пговолокой, я ничем не мог им помочь. Пгишлось, склепя сегда, обгатиться к немцам, пгедложить свои услуги в качестве вгача. Иначе, говога вашими, кстати, и моими словами, я бы не выполнил свой долг пегед нагодом, пегед Отечеством! И я пошел. А находясь на службе в немецком госпитале, я занимался ппрактикой и сгеди местного населения... Не знаю, насколько тгательно вы осматгивали дом... ну, как сказать... годителей моей лабогантки... Из газвога с вами пгошлой ночью я понял, что вы были у них. Вегаотно, искали меня и, очевидно, побывали на чегдаке, а там вместо меня нашли девочку...

Стараясь не прерывать доктора, Антонов едва заметно кивнул головой и продолжал настороженно слушать.

— И не пгостительно вам, опытным в подобных делах людям, не догадаться, почему малышка упгята на чегдаке сгеди всякого хлама!

— Но девочка была не на чердаке, а в комнате, в постели дочери мельника,— заметил Антонов.— Нам сказали, что это их племянница... Мы поверили.

— Ничего подобного!— возразил Морозов.— Малышка чудом уцелела во время массового гасстгела немцами наших людей. Она была ганена в плечо и потегяла сознание, а ночью очнулась, выбгалась к догоге. Утгом ее подобгал какой-то шофег и доставил в госпиталь. Было очевидно, что малышка семитского происхождения, и немецкие вгачи, конечно, уничтожили бы ее. Поэтому я поггосил начальника госпиталя отдать ее мне для пговежки одной вакцины. У немцев это шигоко пгактикуется... Мне ее отдали и сказали, что во всех случаях она не должна выжить. Я пообещал, но, газумеется, никакой вакцины на гебенке не пговегял.

Морозов рассказал, с каким трудом он вылечил ребенка и уберег от повторной расправы. Когда девочка немного окрепла, а затянущееся пребывание ее в госпитале на положении подопытной, стало опасным, Морозов с лаборанткой Антониной Ивановной решились на рискованный шаг. Они усадили девочку в мусорную корзину, накрыли по самый верх грязными бинтами и прочими отходами из операционной и с помощью другой русской сестры, минуя часовых, вынесли корзину во двор, на свалку, где в это время находилась подвода. На ней-то под кучей мусора удалось вывезти девочку из госпиталя.

— На следующий день,— заключил Морозов,— у Антонины Ивановны пгядь волос стала белым-бела... А малышку доставили в известный вам дом. Там она окончательно попгавилась и, кажется, сейчас не дугно выглядигт. Вы могли в этом убедиться... Но бедняжка вынуждена скгываться на чегдаке и все время пгебывает в ужасном стгах. Без конца ей снятся годигтели, гасстрелы и пгочие кошмагы. Очевидно, из-за этого стагикиги ее взяли на ночь к себе, хотя я запгетил делать это. Всякие сюппгизы могут быть, сами понимаете. Наггянут ночью, обнагужат девочку, тогда конец и ей, и стагикам...

Сомневаться в достоверности рассказа Морозова не приходилось. Но уже один факт спасения девочки, невзирая на грозившую доктору смертельную опасность, до основания расшатал сложившееся у Антонова представление о Морозове. Между тем, поощряемый Антоновым, доктор рассказал и о других подобных фактах. Особое внимание Антонова привлек случай с девушкой,

бежавшей из эшелона, в котором наших людей увозили на рабский труд в Германию. Вскоре ее поймали и хотели было снова отправить в Германию, но Морозову удалось спасти ее от этой тяжелой участи. В эти дни доктор часто бывал у своего клиента, немецкого шеф-повара. К нему-то Морозов и пристроил эту девушку. Сперва она работала у него дома, помогая недомогавшей супруге, а позже шеф-повар взял ее на работу судомойкой в столовую при аэродроме.

Все, что касалось военного аэродрома, особенно интересовало Антонова и, слушая Морозова, он уже думал о том, как использовать знакомство Морозова с шеф-поваром и как привлечь к подпольной работе девушку-судомойку.

— Словом, люди, о котогых я говогил до сих пог, нахоятся более или менее в безопасности, но что будет с летчиком-капитаном?— озабоченно произнес Морозов.

— О ком вы говорите?!

— О нашем летчике. Его сбигли, тяжело ганггил, захватигли в плен. Нахоятся он в госпитале, и немцы давно уже считают его умегшим. Между тем он жив и здогов. Начальник госпиталя недвусмысленно велел мне избавиться от него, но я, газумеется, сделал все наобогот. И вот сейчас летчик все еще в госпитале, скгывается в лабогатогии Антонины Ивановны. Вынести его из госпиталя, к сожалению, не пгедставилось возможногти. Пытались много газ. Не гебенок это, котогого можно пгонести в мусогной когзине... И как с ним теперь поступигт Антонигна Ивановна, куда его денет, пгнятия не имею...

Антонов слушал, стгснув зубы, мысленно кляня себя за то, что так поспешно и категорично осудил этого человека, как предателя. Каждый из рассказанных Морозовым эпизодов действовал на Антонова как удар хлыста.

Не в силах совладать с чувством досады на себя, Антонов молча, не смея взглянуть в глаза своему пленнику, вышел из землянки, чтобы собраться с мыслями, успокоиться, принять какое-то решение. Он задумался было над тем, где раздобыть одежду и обувь для доктора, но тут возникла идея, исключаютая все его первоначальные намерения. Он всесторонне обдумал ее и поспешил вернуться в караульную землянку. Еще с по-

рога, заставляя себя не отводить взгляд от лица снова вставшего навытяжку Морозова, Антонов озадачил доктора вопросом:

— А что, если мы отпустим вас?

— Куда?

— Обратно в госпиталь. К немцам...

— Помилуйте! После того, как я побывал у вас? Там, газумется, уже знают... К тому же один мой вид чего стоит?!

— Вот именно, ваш вид многого стоит...

— Шутить изволите?

— Нет, не шучу. Скажете, что бежали...

— И вы думаете, немцы столь глупы, что повесят?

— Если хорошо сыграть роль беглеца — поверят...

Дескать, партизаны перепились, а вы не растерялись, использовали благоприятный момент и так далее...

— Вы вполне сегезно? — недоверчиво переспросил Морозов.

— Очень серьезно, доктор!

После некоторого раздумья Морозов спросил:

— Вас, очевидно, беспокоит судьба летчика?

— Не только, — быстро ответил Антонов. — Было бы очень желательно, чтобы вы вернулись на прежнее место и пользовались прежним, а может быть, еще большим доверием у немцев. Теперь мы знаем вас и рассчитываем на вашу помощь...

— Но ведь мне опять пгидется лечить «недобитых фашистов»? — не без иронии спросил Морозов.

— Черт с ними! Лечите. Лечите так, чтобы у немцев не возникало ни малейшего сомнения в вашей преданности оккупантам.

— Вы все же увегены, что немцы мне повесят?

— Должны. Надо, чтобы поверили. Во многом этому будет способствовать ваш вид...

Морозов усмехнулся:

— Хотите сказать — нет худа без добга?

— К сожалению, в данном случае поговорка вполне уместна. Но хочу, чтобы вы знали: нас очень интересует многое из того, к чему вы, как я понял, имели некоторый доступ, интересуют и люди, о которых вы рассказывали...

— Если вы имеете в виду шеф-повага с аэгодгома, то сгазу пгедупгеждаю, что с ним не договогиться... Это

законченный нацист-фанатик. А девушка, котоую мне удалось к нему устгоить судомойкой, едва ли может быть полезна. Она от темна до темна на кухне...

— Не будем загадывать, доктор, — с улыбкой произнес Антонов, и в его глазах блеснул лукавый огонек. — Сейчас главное — вернуться в госпиталь, занять прежнее положение. Ближайшая задача — летчик! Без вас он ведь может погибнуть...

— Может. И не только он...

— Тем более. Ну, а дальше, как говорят, будет видно...

Предложение Антонова использовать доктора Морозова в качестве разведчика, было одобрено комиссаром.

— Теперь, товарищ старший лейтенант, — сказал в заключение комиссар, — вы, надеюсь, убедились в том, что не следует делать поспешных выводов?

На этот раз Антонов нашел в себе мужество чисто-сердечно признаться:

— Урок этот для меня на всю жизнь, товарищ комиссар!

Перед рассветом подул резкий холодный ветер. Его порывы безжалостно срывали еще не успевшую пожелтеть листву. Осень наступила сразу, за одну ночь.

В это непривычно холодное утро из леса вышел человек в одном белье, взлохмаченный, босой. Весь съжившись, сокращая путь, он торопливо шагал по целине к расположенному в низине селу.

Это был доктор Морозов. Мысли о пережитом за истекшие сутки теснились в его голове, но он старался отогнать их и думать только о предстоящем новом, еще более трудном испытании. Морозов знал, что в то самое время, когда он, гонимый холодным ветром, спешит добраться до села и предстать перед оккупантами в роли их верного слуги, разведчики Антонова рыщут по всем окрестным деревням и расспрашивают местных жителей, не встречался ли им человек в одном белье?

«Розыск» продолжался несколько дней. Антонов хотел, чтобы слух о нем дошел до немцев и помог Морозову убедить их в том, будто он действительно совершил побег.

Его расчеты оправдались.

Быть может, гестаповцы, с пристрастием расспрашивавшие Морозова о подробностях побега, не вполне доверяли ему, но, не имея никаких улик против него, они все же сочли за благо допустить русского доктора к исполнению прежних обязанностей. Более того: они использовали этот случай в пропагандистских целях. Геббельсовские борзописцы опубликовали в своей газетке обширное интервью, в котором «беглец» красочно рассказывал о пережитых им «ужасах», о «большевистской жестокости». Таким образом, доктор Морозов приобрел еще большее доверие среди оккупантов.

...Первая весточка от Морозова не представляла большой ценности. И долго еще от него поступала информация лишь о количестве прибывающих в госпиталь раненых, об их настроениях. Порою удавалось из разговоров раненых, особенно офицеров, узнать о готовящихся на том или ином участке фронта операциях.

Все эти сведения, конечно, имели определенную ценность как для партизан, так, в особенности, для командования с Большой земли, но Морозов понимал, что главная его задача состоит в установлении связи с Людой — девушкой, которую он в свое время устроил судомойкой в столовую при аэродроме, и в сборе сведений об охране аэродрома, о базирующейся на нем боевой технике, о готовящихся налетах.

И вот это главное ему никак не удавалось осуществить. Все, кто имел какое-либо отношение к аэродрому — будь то летчики, солдаты из охраны или рабочий персонал, — содержались в весьма строгой изоляции от внешнего мира. Попытки Морозова найти человека, через которого можно было бы установить и поддерживать связь с Людой, не увенчались успехом. Тогда он решился на довольно рискованный шаг. В воскресный день доктор Морозов вдруг заявился домой к шеф-повару, проживавшему в поселке около аэродрома. Предлог для визита был вполне убедительный: доктор хотел проверить состояние здоровья своих пациентов — шеф-повара и его жены.

Супружеская чета была тронута вниманием русского доктора, охотно подверглась обследованию и, конечно, не преминула расспросить Морозова о всех злоключениях, которые произошли с ним и были описаны в газе-

те. Не было недостатка и в сочувственных словах по поводу перенесенных доктором «страданий» и «издевательств».

— Зато теперь, — торжественно заключил шеф-повар, — вы подлинный герой и можете быть уверены, что великая Германия не забудет ваших заслуг!

— Благодаю вас, господа, — склонив голову ответил Морозов. — Повегте, я очень догожу репутацией стойкого стогонника Германии и именно поэтому хотел бы пги вашим содействии оггадить себя от возможных непгятностей...

— Что-нибудь случилось, доктор? — с тревогой спросил шеф-повар и, помедлив, продолжил: — Я к вашим услугам, господин доктор! Все, что в моих силах, готов сделать...

— О нет! Еще ничего не случилось, но может случиться. Я имею в виду мою пготеже, судомойку... Скажите, хогошо ли она габотает?

— Да, да! Отлично! Исполнительна, трудолюбива... и очень скромна.

— Это хогошо. Но должен пгизнаться, еще тогда я подозревал, что она не вполне здогова...

— Вот как? — испуганно прервал немец. — Что-нибудь заразное?

— Нет, что вы... Слабые легкие и только, но... этот дефект в ее возгасте зачастую пегегастает в тубегкулез. А это, как вы понимаете, несовместимо с габотой в столовой. Помимо всего пгочего, у меня нет ни малейшего желания быть в ответе, если вдгуг окажется, что она больна тубегкулезом. Вот почему с вашего любезного газгешения я хотел бы заодно обследовать эту девицу и пгнять некоторые пгофилактические мегы.

— Прошу, доктор! Сделайте одолжение... — облегченно вздохнув, с готовностью ответил шеф-повар. — Это и в моих интересах! Правда, наш медик здесь смотрел ее и ничего не нашел. Но снова проверить, как вы понимаете, не мешает. Пойдемте хоть сию минуту.

Морозов действительно подверг Люду очень внимательному обследованию и, конечно, сказал ей об истинной цели этой встречи.

Девушка без колебаний согласилась выполнять поручения подпольной организации, но никаких существенных наблюдений о боевой жизни на аэродроме у нее

еще не было. И вообще, беседа с Людой несколько разочаровала Морозова. Он не сомневался в ее искренности, но крайняя застенчивость девушки, необщительность и даже отчужденность от окружающих, в том числе от таких же, как она, советских людей — все эти черты характера, как думал Морозов, очень затрудняют ей работу в качестве разведчицы-подпольщицы.

И он не ошибся. В тех редких случаях, когда так или иначе удавалось получить от нее весточку, сведения оказывались весьма скудными и запоздалыми.

Люда сообщала, что временами, по несколько дней кряду, в столовой не появляется ни один летчик, а порою их оказывается так много, что столовая едва успевает обслуживать всех вновь прибывших ночью.

Эти сведения подтверждали наблюдения партизанских разведчиков, которые по шуму моторов идущих на посадку и взлетающих самолетов определяли то же непостоянство в жизни аэродрома.

В итоге данные, которыми располагал Антонов, оказались весьма противоречивыми. С одной стороны, было установлено, что на территории аэродрома усиленно ведется строительство каких-то подземных и надземных складов, что весь этот объект постоянно усиленно охраняется, а с другой — казалось, что немецкая авиация постоянно не базируется на этом аэродроме, а лишь изредка, так сказать проездом, делает на нем непродолжительную остановку.

И радиogramмы Антонова командованию на Большую землю, сообщавшие в прошедшем времени о скоплении авиации противника на аэродроме, не достигали главной цели, так как не позволяли организовать налет нашей авиации на этот аэродром для нанесения чувствительного удара по живой силе и технике врага. Вот почему Антонов и, по его настоянию, Морозов настойчиво стремились найти новые пути проникновения в тайны немецкого аэродрома. В частности, они договорились о том, чтобы при первой возможности пристроить связную Катю Приходько работать где-либо на аэродроме или поблизости от него. И вскоре удалось это сделать.

Однажды Морозова вызвал начальник госпиталя и передал ему просьбу шеф-повара аэродрома приехать к нему. Морозов не заставил себя долго ждать. Супружеская чета встретила его очень радушно и в полном

здравии. Оказалось, что заболел недавно прибывший интендант — земляк шеф-повара. Гостеприимный хозяин пожелал, чтобы его друг лечился в домашних условиях, а не в госпитале.

— Смею просить вас, господин доктор, еще об одном одолжении, — отведя Морозова в сторону, доверительно сказал шеф-повар. — Жена очень нуждается в помощнице хотя бы на время болезни господина интенданта. Не можете ли вы рекомендовать столь же надежного и скромного человека, как ваша первая протезе?

Морозов едва не обрадовался, но, вовремя овладев собой, неторопливо, будто напряженно вспоминая, ответил:

— Разумеется, я постагаюсь, но... Надо подумать, кого... Впгочем! Да, да! Есть одна девушка, котогая, как я полагаю, вполне вас устоит..

Уже на следующий день Катя Приходько явилась домой к шеф-повару, а еще через день она пришла в столовую за обедом для интенданта и супруги шеф-повара. Прибегнув к помощи условной фразы-пароля, она установила связь с Людой.

Когда Морозов снова приехал проводить интенданта, Катя ухитрилась тайком передать ему записку. В ней она лаконично писала: «Связь есть. Л-а преданная, но «сухарь». Ни с кем не знакомится. Говорит, что сюда завозят много бомб, длиною в рост человека, а то и больше. Все».

Морозов вернулся в районный центр расстроенный. Ему было ясно, что через Люду нужных сведений не добудешь. Вся надежда была на то, что со временем удастся пристроить в столовую и Катю, но когда это будет и будет ли?

Затягивался и побег летчика. Между тем каждый лишний час его пребывания в госпитале мог стать роковым для всех троих — доктора, лаборантки и самого летчика.

Организовать побег летчику было очень трудно, пожалуй, много труднее, чем скрыть от нацистских врачей и вылечить его. Прodelать эту операцию ночью было невозможно. Единственная дверь из госпиталя во двор запиралась на замок и охранялась часовым. К тому же выход этот был во двор, а чтобы выйти на улицу, надо было отпереть ворота и миновать еще одного

часового. Наконец, комендантский час в районном центре соблюдался очень строго, и беглец вряд ли сможет избежать встречи с патрулями. Побег в дневное время имел столь же мало шансов на успех; пройти незамеченным из лаборатории по коридорам к выходу, а затем миновать двор и часовых не было никакой возможности.

Взвесив все обстоятельства, Морозов пришел к заключению, что совершить побег с надеждой на успех можно только в ранние утренние часы и только в день, когда кто-нибудь из немцев-врачей попросит его дежурить по госпиталю вместо себя. Случалось это не часто, и Морозову с его сообщниками ничего не оставалось, как ждать. План побега был ими разработан до мельчайших подробностей: каждый знал, что, когда и как он должен делать. И все же, чтобы исключить всякие случайности, Морозов вновь и вновь пытался представить, как все это должно произойти в действительности.

Наконец выдался долгожданный случай. Морозову предложили заступить на дежурство в ночь с пятницы на субботу. В эту ночь скончались от ран четыре немецких солдата. Вынос их из здания Морозов умышленно затянул до рассвета. За полчаса до прихода врачей он с трудом разбудил двух солдат, на обязанности которых была уборка операционной и вынос трупов. Ночью Антонина Ивановна угостила их изрядной порцией спирта. Опьянение еще не прошло, но понукаемые дежурным врачом, они машинально принялись за знакомое дело, даже не заглянув в пропуск на вынос умерших, который им вручил Морозов. В нем поименно были записаны только четыре покойника. Летчика предстояло уложить на носилки вместе с одним из них и вынести в морг. Для этой цели Антонина Ивановна заблаговременно соорудила носилки с более глубоким брезентовым ложем.

Когда солдаты вернулись в здание за новой ношей, Морозов направил их на второй этаж, а сам вместе с Антониной Ивановной тотчас же уложили третьего по счету покойника на свои носилки и отнесли его в лабораторию. Летчик был наготове. Он лег поверх трупа, его накрыли одеялом и понесли к выходу.

Морозов и его невеста не раз до этого тренирова-

лись, сделав дома некое подобие носилок и таская на них всякие тяжести. И все же теперь нести было очень трудно.

Не доходя до лестницы, ведущей на второй этаж, они остановились. Доктор пошел к выходу и, дождавшись там возвращения солдат, опять послал их на второй этаж за последним покойником. Едва заглохли их шаги на лестнице, как Морозов и Антонина Ивановна направились с носилками к выходу.

— Тоня, кепись!... — тихо подбадривал Морозов. — Дегжаться и никаких!

Проходя мимо часового, он на ходу недовольным тоном сказал по-немецки:

— Это тгетий... Пгоспали четти...

Часовой одобрительно кивнул головой. Ему, видимо, понравилось, что русские доктор и лаборантка не гнушаются таким делом.

Едва переступив порог обширного сарая, часть которого была приспособлена под морг, совершенно обесилевшая Антонина Ивановна со стоном опустила носилки на землю. Морозов тотчас же откинул одеяло, и, указав мгновенно поднявшемуся летчику заранее облюбованный закуток между штабелями дров, сказал:

— Ждите здесь. По сигналу выходите, но остогожно, как договорились.

Доктор и лаборантка, как и рассчитывали, встретили солдат-носильщиков на обратном пути из морга в госпиталь. Солдаты остановились и с недоумением уставились на пустые носилки. Опережая их вопросы, Морозов с укоризной сказал:

— А вы думали я буду ждать, когда начальство появится? Покогно благодагю! Сами отнесли... Сейчас же начинайте убожку опегационной!

Вскоре наступила обычная в жизни госпиталя суэта: врачебные обходы, перевязки, операции... Прибывали новые партии раненых, выносили в морг новых покойников... Весь день Морозов и Антонина Ивановна с тревогой посматривали в окна, выходящие во двор. Место, где скрывался летчик, было надежное, и все же беспокойство не покидало врача и лаборантку. Никогда еще они не ожидали с таким нетерпением окончания рабочего дня, но приближение заветного часа не ослабляло нервное напряжение, в котором они пребывали все вре-

мя, а напротив, усиливало его. Ведь заключительная и едва ли не самая рискованная операция побега летчика была еще впереди.

Наконец, как обычно, около шести часов вечера во двор госпиталя на подводе въехал мельник, чтобы отвезти дочь-лаборантку и русского доктора в село. Но на этот раз он остановился не у входа в госпиталь, а вблизи от дверей сарая-морга и, повесив торбы с овсом на морды коней, тотчас же начал озабоченно осматривать колеса повозки, смазывать их. У одного из них старик возился особенно долго, приподымая край повозки и постукивая молотком по чеке. Это и было условным сигналом для летчика. Улучив момент, мельник подбросил в сарай брюки и телогрейку...

Погасив свет и приподняв тяжелую черную бумагу светомаскировки, Антонина Ивановна прильнула к окну и пристально всматривалась в глубь двора. Но вечерние сумерки скрывали происходящее у сарая-морга, и она скорее угадывала, чем видела повозку. Это ее и успокаивало, и волновало. «Значит, никто отсюда ничего не увидит...— думала она.— Но почему же так долго отец не подъезжает, как условились, к выходу?!»

Тем временем летчик быстро оделся и благополучно переправился из своего убежища в повозку. Старик уложил его на овчинный кожух, накрыл рогожей и, завалив сверху сеном, неторопливо подъехал к выходу.

Вскоре повозка с восседавшими на ней доктором, лаборанткой и ездовым-мельником выехала со двора госпиталя. Благополучно миновали они пропускной пункт на окраине, проехали еще несколько километров и только тогда остановились, чтобы наконец-то позволить летчику подняться.

Не верилось человеку, что он жив и на воле! Запрокинув голову, он несколько секунд всматривался в звездное небо и глубоко вдыхал степной воздух, а затем, словно опомнившись, бросился обнимать и благодарить доктора, лаборантку, ездового.

— Хогошо, хогошо! Все это потом! Успеете,— скрывая волнение, сердито пробурчал Морозов.— Поехали. Нас ждут.

В условленном месте встретились со связным — дедом Игнатом.

— Сдаю вам человека в полном здравии,— деловито

произнес Морозов,— а вас прошу быстрее встать. Завтра утром еду к девушкам. Не исключено, что будут новости, о которых понадобится срочно сообщить Петговичу. Так что, не задеживайтесь.

Морозов уехал, так и не дав летчику выразить переполнявшее его чувство благодарности этим самоотверженным советским людям. Зато по прибытии в партизанский лагерь он излил душу, поведав людям и о своих мытарствах, и, главное, о людях, дважды вырвавших его из рук фашистских убийц.

— Человек он необыкновенный!— восторженно рассказывал летчик обступившим его партизанам.— И ведь как искусно прикидывается верным прислужником фашистов! Долгое время и я считал его стервецом. Началось это с первой же встречи с ним. Привезли меня в госпиталь, уложили в коридоре на какой-то замызганный детский матрасик. На следующий день появились немецкие врачи, брезгливо, не прикасаясь руками, оглядели меня. Вдруг один из них картавя, но на чистом русском языке сделал замечание старушке-нянечке:

— Матрац освободите. Их не хватает для раненых немцев. И запомните это раз и навсегда!..

— Неужели, думаю, это наш так выслуживается перед фашистами? Матрасик, конечно, тут же забрали, вместо него подстлали рваную рогожку. Я и на матрасике-то места не находил от боли, а тут и вовсе никак не прилажусь... Проклял я тогда этого русского доктора. Во время обходов подойдет, бывало, в глаза не взглянет, проверит пульс, редко когда спросит, болит ли рана, да и то таким враждебным тоном, что и отвечать нет охоты. Однажды мне не дали на ночь снотворное. На другой день тоже. А рана еще болела так, что за обе ночи и часу не проспал. Решился я тогда попросить его, как-никак, думаю, человек он все же... Но куда там! Оборвал на полуслове: «Вас никто не спрашивает. Здесь не санаторий!» Ну, думаю, фашист законченный! Ему ничего не стоит и своего отправить на тот свет...

Спустя несколько дней мне стало худо по-настоящему. Гляжу, примчался он, срочно отправил меня в операционную, сам же обработал рану, на перевязку дал настоящий стерильный бинт. Военнопленным это не положено. Что ж, думаю, вроде человек он все же... Решился я тогда усовестить его, поговорить начистоту.

Все равно, думаю, крышка мне тут. А он и слушать не хочет. Грубо обрывает, задирается. Кто, говорит, дал вам право лезть в чужую душу? У меня, говорит, есть своя голова на плечах и свои принципы и прочее такое. Тут я не выдержал, сказал ему что-то резкое, обозвал самодуром и так далее. А он уставился в упор, выслушал все, да как резанет. «Я не бываю любезен, зато бываю полезен. А вам рекомендую помалкивать!» Прошло еще некоторое время, стал я выкарабкиваться. Появилась надежда попасть в лагерь военнопленных, а там, глядишь, и бежать, может, удастся... Вдруг появилась целая орава немецких врачей. С ними и русский доктор, конечно. Осматривать меня не стали, а лишь перекинулись промеж себя несколькими словами и пошли дальше. Лежу я и не знаю, что думать. А вечером подходит русский доктор. В ту ночь он дежурил. Посмотрел на меня так, будто в первый раз увидел, прослушал почему-то сердце и спрашивает:

— Нервы у вас крепкие?

— Что было ответить? Ничего,— говорю,— еще хватит, чтобы воздать кой-кому по заслугам...

Он покосился и снова принялся прослушивать сердце, легкие, помял живот и, ничего не сказав, ушел. А ночью, когда все уgomонилсь, пришел снова и молча сделал укол. Наверное, подумал я, что-нибудь болеутоляющее. Но не прошло и нескольких минут, как стало мне плохо: сердце колотится все сильнее и сильнее, перед глазами разноцветные круги поплыли, дышать стало нечем. Никак, думаю, сознание теряю? Хотел закричать, но не тут-то было... Язык онемел! Все, решил я. Стервец все-таки доканал меня!

Летчик глубоко вдохнул, словно и сейчас ему не достало воздуха.

— А что на самом-то деле было с вами?— воспользовавшись паузой, нетерпеливо спросил Шустрый.

— Потерял сознание. Очнулся в каком-то крохотном помещении, заложенном со всех сторон тюками с марлей и ватой. Рядом, гляжу, лаборантка, Антонина Ивановна, наливает чай из термоса, мне подносит. А голова-а! Гудит, будто шестерни там вращаются, мутит, слабость одолевает. С превеликим трудом спросил лаборантку, что со мной и где я? Вот тут-то она и сказала, будто русский доктор-фашист хотел умертвить меня,

а она спасла... Надо, говорит, лежать тихо-тихо, а когда поправлюсь, тогда, дескать, она попытается вывести меня из госпиталя...

— Возненавидел я русского доктора так, что попался мне тогда, клянусь, себя не пощадил бы, а его голыми руками задушил бы.

Могло ведь, братцы, и так случиться! Вот была беда!— вырвалось у здоровяка Ларионова.

Летчик развел руками, дескать, он был бы не виноват, не знал, каков он, этот доктор, в действительности.

— А разве Морозов не входил туда, где вы находились?— спросил Антонов.

— Входил!— продолжал летчик.— Голос его частенько слышал... Заглянет, что-то отрубит Антонине Ивановне и тут же уйдет. И немцы часто туда наведывались. Но никто и подумать не мог, что за стеной из тюков с марлей и ватой в каменной стене есть ниша, а в той нише без прописки проживает русский летчик. Там-то я и пробыл без малого восемь недель. Намучилась со мной и Антонина Ивановна, и тот же доктор, которого я считал тогда своим злейшим врагом...

— Ну, а как же все-таки вы узнали, какой он есть на самом-то деле?— поторапливал Шустрый.

— Можно сказать, до самого последнего часа ничего не знал. Только в ночь перед побегом Антонина Ивановна открыла мне тайну. Оказывается, немецкие врачи решили испробовать на мне действие какого-то яда. А наш доктор решил не допустить этого. Вот он и сделал так, что я вроде совсем скончался. Меня уже и в коридор вынесли, чтобы после оформления каких-то документов снести в морг. Отсюда наш доктор и Антонина Ивановна перетащили меня в лабораторию. А с документами проделали какую-то махинацию, так что по всем статьям получилось, что нет меня в живых...

Летчик долго еще рассказывал со всеми подробностями о том, как мастерски и смело доктор и лаборантка организовали ему побег. Связной дед Игнат еще по дороге к партизанам слышал все это из уст самого летчика, но снова увлеченный рассказом, лишь под самый его конец вспомнил, что доктор Морозов наказал ему кой-что сообщить Антонову и побыстрее возвращаться в районный центр.

— Велено тебе передать, Петрович, что всю прош-

лую ночь напролет германы опять свозили на аэродром те длиннющие бомбы... Много их навезли! А какая в них сила заключена и чего их сюда везут раз за разом, вот это-то покамест не вывели.

— Что же немцам везти на аэродром, как не бомбы? — ехидно заметил Шустрый.

Антонов тоже не придал этому сообщению большого значения, однако в очередной радиограмме обо всем сообщил командованию бригады и был удивлен, получив в ответной депеше категорический приказ перебазироваться как можно ближе к аэродрому, усилить непосредственное наблюдение за ним и в кратчайший срок установить регулярную связь с нашими девушками, находящимися при аэродроме.

Ночью того же дня партизаны разместились в лесу, всего в семи-восьми километрах от аэродрома. Это позволяло постоянно вести наблюдение за воздухом, всегда своевременно узнавать и информировать командование о посадке на аэродром вражеских самолетов. Но такая близость к немецкому аэродрому была сопряжена для партизан с большим риском, дополнительными трудностями и лишениями. Во всех окрестных деревнях гитлеровцы держали усиленные гарнизоны. Партизанам приходилось круглосуточно нести удвоенную, а подчас и утроенную охрану своей стоянки. На радиосвязь с командованием радист каждый раз уходил то в одну сторону, то в другую; иначе вражеские пеленгаторы могли засесть его местонахождение. Трудно стало с продуктами и приготовлением горячей пищи. Только сознание важности выполняемой задачи вселяло в людей бодрость духа, выдержку.

На третьи сутки пребывания на новом месте партизаны радостно встретили свою любимицу Катю Приходько. Никаких новых сведений об аэродроме она не сообщила. На нем по-прежнему не было ни одного самолета, но работы по сооружению складов и подвоз авиационных бомб не прекращались.

Слушая девушку, Антонов совсем было приуныл. Намерения противника все еще оставались загадкой, хотя было ясно, что этому аэродрому немцы отводят какую-то особую роль. Не было ясности и относительно боевых свойств свозимых на аэродром авиабомб.

— А теперь послушайте, что обязательно велел со-

общить вам доктор Морозов, — сказала Катя, рассказав все, что знала об аэродроме. — Позавчера, когда он возвращался в госпиталь после очередного посещения больного интенданта — гостя моего «хозяина», в его машину подсел сильно подвыпивший механик с аэродрома. Всю дорогу он болтал о непобедимости немецкой армии и в конце концов сболтнул, будто «к большевистским праздникам москвичам приготовлен большущий сюрприз! В Москве, дескать, будет такой фейерверк, что и здесь станет светло, как днем!»

До октябрьских праздников оставалось всего четыре дня. Не трудно было догадаться, что речь идет именно о них и о готовящемся крупном налете немецкой авиации на Москву. Но откуда немцы собираются преподнести свой «сюрприз»? Ведь по самым последним сведениям аэродром пустовал...

В тот же день Антонов передал командованию эту тревожную весть. И тотчас же последовал приказ: «Перепроверить достоверность слухов. Уточнить место хранения авиабомб, их взрывную мощь. Переходим на круглосуточный прием. О прибытии вражеских самолетов на аэродром радируйте немедленно».

Ни третьего, ни четвертого ноября партизаны-разведчики и подпольщики не добыли никаких сведений, подтверждающих или опровергающих откровения пьяного немецкого механика. Но зато пятого ноября вечером положение прояснилось.

Уже стемнело, когда на место встречи, назначенной Антоновым вблизи районного центра, вместе с дедом Игнатом неожиданно пришел Морозов. Доктор был очень взволнован. Всего несколько часов тому назад ему удалось узнать, что немцы готовят массированные налеты авиации на Москву: первый — в ночь с шестого на седьмое и второй — в ночь с седьмого на восьмое.

— Говогят, эти «длинные бомбы» обладают невогоятно большой взгывной силой, — сказал Морозов. — На азгодгоме усиленно готовятся к встгече нескольких эскадгилий бомбагдиговщгиков. Их ждугт завтга. Чго будгдем делатгь?

Антонов развел руками:

— Немедленно радировать командованию! Вот и все, к сожалению...

— Мало, — сердито бросил Морозов.

— Бригада может прибыть сюда в лучшем случае через двое суток, но и она бессильна... Аэродром очень сильно охраняется... — размышляя вслух, продолжал Антонов. — Подступы к нему со стороны леса густо заминированы; с противоположной стороны, там, где поселок, проходит дорога, вдоль которой расположены воинские части. А с других сторон аэродром окаймлен глубокими рвами, вдоль которых через каждые полтора-два метра в железобетонных укреплениях круглосуточно дежурят эсэсовские пулеметчики...

— Тем не менее мы обязаны что-то придумать! — решительно прервал Морозов.

— Не вижу никакой реальной возможности, — ответил Антонов.

— Ну, знаете... Это пассивность! Да, да... Не обижайтесь, пожалуйста, но это так...

Антонов виновато улыбнулся и, помедлив, спокойно возразил:

— Мы здесь только разведчики, от нас требуется обладать отличным слухом и превосходным зрением. А руки нам приказано держать, так сказать, в карманах; в открытый бой с противником не вступать... Да и сколько нас? Горстка! Нам и приблизиться-то к аэродрому не дадут... Словом, доктор, прежде всего будем радировать. Пусть те, кому это положено, позаботятся о том, чтобы не допустить налета на Москву. Для этого есть у нас и зенитная артиллерия, и истребительная авиация, и бомбардировочная...

— Хогошо, если успеют где-либо пегехватить эти стаи стегвятников, а если нет, если погвутся... Чем тогда будете утешать себя?

Морозов не мог примириться с тем, что партизаны-разведчики, находясь под боком у немцев, будут сложа руки созерцать, как с аэродрома одна за другой поднимаются эскадрильи со смертоносным грузом и берут курс на Москву.

— Нет, нет! Это недопустимо... Я еще подумаю, — сказал он, прощаясь с Антоновым. — А вас прошу, если мне удастся что-либо придумать, гешительно, энеггично поддегжать...

После полудня шестого ноября на аэродром одна за другой приземлились несколько эскадрилий бомбардировщиков. В течение всего дня над лесом не смолкал

рокот моторов. А к вечеру того же дня от разведчиков-наблюдателей стали поступать донесения: «на аэродроме — сплошной гул моторов». Летчик, бежавший из немецкого госпиталя, объяснил:

— Готовятся к вылету...

Никогда прежде перед праздником Октябрьской революции партизаны не были так сумрачны. Кто сидя, кто лежа, они молча непрерывно курили. Курили как никогда много. И когда кончился самосад, принялись за березовый мох.

Над лесом медленно сгущалась тьма. На исходе дня наблюдатели сообщили, что шум моторов прекратился.

— Значит, все готово к ночному вылету, — уныло пояснил летчик.

Приближались роковые минуты, исчезали всякие надежды на то, что удастся как-то предотвратить замыслимое врагами злодеяние. Вынужденное бездействие угнетало партизан, и они с завистью смотрели на своего радиста. Только он бодрствовал, еще и еще раз проверяя наличие связи и готовясь с минуты на минуту передать в эфир сообщение о начавшемся старте фашистских стервятников. Теперь только он своими действиями мог надежно оградить Москву.

И вдруг все изменилось. Глухую тишину леса нарушил хруст валежника под ногами бегущих людей. Партизаны изготовились к бою. Но это были свои — дозорный и с ним Катя Приходько. Едва переводя дыхание, она выпалила:

— Скорей!.. Доктор Морозов...

Она не могла выговорить больше ни слова и, тяжело дыша, прислонилась к березе. В эти секунды Антонов вспомнил первую встречу с Катюшей, когда она, вот так же запыхавшись, выкрикнула: «Гришка Бугримович убит!» и замолчала.

— Что с доктором? Катюша! Говори скорее...

— Скорей! — повторила связная, чуть отдышавшись. — Доктор все сделал... Придумал! Дал мне целый кулек сильного снотворного... Я отнесла его Людке, а она молодец! Все всыпала в котлы с пищей на ужин эсэсовским охранникам и летчикам. Я только оттуда. Это очень сильное снотворное! Понимаете? Надо скорей спешить на аэродром!

— Хлопцы, помчались!— крикнул кто-то из партизан.

— Отставить! — остановил засуетившихся разведчиков Антонов.

— Почему?— недоуменно спросила Катя.— Что вы стоите, товарищи?

— Успокойся, Катюша,— сдерживая волнение, сказал Антонов.— Ты объясни толком, что там сейчас делается?

— Ты скажи нам, Катька,— не удержался дед Игнат,— охранники-то, охранники, самое главное, как?

— Ой, деда, так я ж сказала, все там сейчас объедаются — и охранники, и летчики... Скорее надо нам туда! Можно со стороны рва, что выходит к лесу. Знаете? Там мин нету. Ну что вы стоите? — произнесла Катя, умоляюще глядя на Антонова.

— Все это хорошо, Катюша, но что, если за время, пока ты шла сюда, немцы спохватились, вызвали на аэродром воинские части, сменили охранников?

— Вот-вот, верно!— заметил один из разведчиков.— Подпустят, гады, к бункерам, да как чесанут...

— Надо же так не верить, товарищи!— возмущалась Катя, готовая расплакаться от досады.— Говорю вам, все сделано как надо... Если прибудет замена охраны, Людка выйдет нам навстречу и предупредит. Она сейчас там за всем следит. Понимаете? Мы договорились... Только надо скорее, ну!

Наступило молчание. Разведчики нетерпеливо смотрели на Антонова, а он тщетно пытался трезво обдумать возникшую ситуацию. Вместо этого он невольно повторял про себя слова, сказанные ему доктором во время последней встречи: «А вас прошу... решительно, энергично поддержать!» Помедлив несколько секунд, он скомандовал:

— В ружье!

Уже на ходу Антонов приказал двум партизанам остаться с радистом для охраны, а сам побежал в голову колонны. Впереди бодро шагала Катюша, словно не она только что едва держалась на ногах...

В то самое время, когда партизаны-разведчики по команде «В ружье» торопливо строились в походную

колонну, немецкие летчики, получив задание от командования подвергнуть бомбардировке определенные квадраты намеченного объекта, как обычно, отправились ужинать. Спешили на вечернюю трапезу и охранники, только что освободившиеся от дежурства на сторожевых постах. Их сменили эсэсовцы, уже успевшие поужинать.

Все шло своим чередом: проверены моторы самолетов, заправлено горючее и масло, подвешены бомбы-великаны с боеголовками. Тяжелые бомбардировщики различных типов и серий фирм «Юнкерс» и «Хейнкель» были в полной готовности к старту. Но время шло, а экипажи не появлялись у своих машин. Летчики и штурманы, механики и охранники один за другим погружались в глубокий сон...

Те немногие немцы, которые по каким-либо причинам не успели поужинать, сразу поняли, что поголовное усыпление — явление не случайное. Вначале они попытались своими силами привести в чувство уснувших летчиков, но когда выяснилось, что всю охрану аэродрома постигла та же участь, подняли тревогу.

К аэродрому устремились машины с медицинским персоналом и, конечно, с гестаповцами. Прибыв на аэродром, гестаповцы прежде всего нагрянули в пищеблок, чтобы допросить персонал столовой и кухни. Но увь! И здесь почти все погрузились в сон. Бодрствовали лишь русская девушка-судомойка и солдат-инвалид, постоянно работавший на кухне истопником. В ходе допроса немец-инвалид упомянул о том, что днем к русской судомойке приходила какая-то девушка, что в руках у нее была обыкновенная хозяйственная сумка и что она околачивалась здесь довольно долго, а ушла после того, как ужин был почти готов.

Гестаповцы учуяли в этой встрече двух русских девушек что-то подозрительное. Начали допытываться у Люды, как зовут ее подругу, где она сейчас, зачем приходила и что было у нее в сумке?

Люда не отрицала, что девушка приходила, назвала ее имя и сказала, что она хотела устроиться на работу в столовую.

— Когда она ушла?— спросил гестаповец.

— Да вскорости... еще во время обеда, — ответила Люда, не подозревая, что гестаповцам уже известно,

что Катя оставалась около кухни почти до начала ужина.

Фашистские изуверы подвергли Люду самым изощренным пыткам, но им не удалось вырвать у нее признания. Истекая кровью, девушка продолжала молчать. Порою она теряла сознание, тогда палачи приводили ее в чувство, обливая холодной водой, и снова допытывались, снова истязали. Не выдала Люда свою связь и с русским доктором, которого вдруг увидела, придя в себя после очередной экзекуции. Морозов прибыл на аэродром вместе с немецкими врачами, поднятыми по тревоге и доставленными сюда из госпиталя на машинах. А в комнату, где пытали Люду, его вызвали вместе с врачом-немцем для того, чтобы они во что бы то ни стало разбудили шеф-повара.

Морозов обомлел, увидев истерзанную Люду. «Почему она здесь? Ведь я наказал Кате уйти к партизанам вместе с Людой! Неужели и Катю перехватили?» Тревожные мысли доктора прервал грохот взрыва, донесшийся с аэродрома. Вслед за ним в разных концах аэродрома возникла беспорядочная стрельба. Гестаповцы, пытавшие Люду, бросились к окнам, приподняли маскировочные занавески и... отшатнулись в ужасе: вдали, в гуще самолетов, полыхало пламя...

...Катя подвела партизан к островку кустарника. Люды здесь не было. Значит, путь свободен. Поблизости брал свое начало глубокий ров, отделявший аэродром от заросшего сухим бурьяном и жидким кустарником поля. Бесшумно спустились разведчики в ров и, держа наготове оружие, на расстоянии зрительной связи друг от друга стали медленно продвигаться вперед. По расчетам Кати надо было пройти метров пятьдесят—шестьдесят, чтобы миновать угловой блиндаж. Но вот она остановилась. По знаку Антонова разведчики тоже остановились и, словно клавиши, друг за другом опустились на землю.

Партизаны, в том числе и Катя, не знали, надежно ли сработало зелье доктора Морозова. Прежде чем всем подыматься на гребень рва, Антонов решил выслать вперед Шустрого с двумя разведчиками. Через не-

сколько минут один из них подполз к краю рва и подал знак колонне двигаться за ним.

Когда поднялись наверх, до слуха партизан издадала, со стороны расположения административных строений аэродрома, донесся фыркающий рокот мотоциклов. Но это не остановило людей. Скорее наоборот — подстегнуло. С трудом различив в темноте силуэты выстроенных в ряд самолетов, они ринулись вперед. Действовали быстро и слаженно, каждый знал, что ему надлежит делать. Одновременно у нескольких самолетов сосредоточились небольшие группы партизан — по три, четыре, а где и по пять человек. Подрывники приступили к делу, быстрыми, четкими движениями прилаживали взрывчатку, закладывали в нее бикфордов шнур. Летчик, копошившийся у подбрюшины одного из самолетов, подбежал к Антонову и торопливо сказал:

— Я знаю этот тип самолетов... Могу выпустить бензин, поджечь... только всех надо немедленно увести подалее...

— Добре! Малость подожди... Хлопцы уже заканчивают, зажгут шнуры, дам команду отходить, тогда и действуй...

Мелькнули и поползли по земле огоньки — один, другой, третий... Бегом партизаны возвращались в ров, с волнением ожидали, когда начнутся взрывы, приготовились считать их, чтобы убедиться в том, что все заряды сработали, и вдруг ввысь взметнулось пламя... Это летчик выпустил бензин и поджег его. Самолет охватило пламя. Столб огня озарил всю окрестность ярким светом. И тотчас же послышался отдаленный дробный стук крупнокалиберного пулемета. Но тут взорвался бак с бензином, один за другим последовали взрывы заложенных партизанами зарядов.

Кубарем в ров скатился летчик и, не подымаясь, крикнул:

— Жмитесь, ребята, плотнее к земле! Рты пошире открывайте! Рты!..

Едва успели партизаны последовать совету летчика, как возникла и покатила из края в край аэродрома волна мощных взрывов, в разных концах всплеснули гигантские языки огня. Территория аэродрома стала подобна огромному, извергающему огонь, тучи пепла и потоки лавы кратеру вулкана.

Наконец на смену взрывам, от которых содрогалась земля под телами партизан, с аэродрома донесся скрежет корчащегося в огне металла, хлопки рвущихся боекомплектов патронов и малокалиберных снарядов.

Разведчики зашевелились, стали приподниматься и, все еще широко раскрывая рты, удивленно и радостно всматриваться друг в друга...

Гигантский костер, полыхавший на аэродроме, освещал близлежащую местность как днем. Невозможно было скрытно пересечь поле, отделявшее аэродром от леса. Но и оставаться во рву тоже было нельзя. С минуты на минуту к месту катастрофы могли прибыть воинские части и оцепить весь район. Оказаться в этой ловушке было бы равносильно гибели всей группы.

Антонов подал команду: «Вперед! По-пластунски!» и с удивлением заметил, что не расслышал собственный голос, а ближайшие к нему товарищи вопросительно смотрят на него и не трогаются с места. Антонов жестами повторил свое приказание и первым устремился из рва в поле.

Долог и труден был путь до леса. Более часа пришлось партизанам ползти, прежде чем они миновали ярко освещенную заревом пожара полосу. Звон и шум в ушах, возникший от взрывов авиабомб, не только не ослабевал, но еще более возрастал из-за физического напряжения и усиленного сердцебиения. Встав на ноги, люди еще долго чувствовали себя оглушенными, не слышали друг друга.

Когда наконец добрались до своей стоянки и расположились на отдых у лениво догоравшего костра, первой взволнованно заговорила Катя Приходько. Никто не расслышал, что она сказала, но все поняли... Все с тревогой думали об одном и том же: «А как там Люда, доктор, Антонина Ивановна?!»

Первый взрыв на аэродроме и последовавшая за ним стрельба заставили Люду, распластавшуюся на полу в луже воды, встрепенуться, открыть глаза. Она увидела, как один за другим ее мучители в сматении выбегают из помещения. Она заметила, как гестаповец, который вел допрос, указал на нее пальцем и на ходу что-то приказал терзавшему ее палачу. Но ни значение этого

жеста, ни тем более смысл по-немецки сказанных слов не дошли до ее сознания. Она была во власти одной только догадки. «Это Катя! Это они! Партизаны!» — беззвучно шептала Люда распухшими, искусанными до крови губами.

«Партизаны! Наконец-то!» — мысленно воскликнул и доктор Морозов. Он остался в помещении и делал вид, что, невзирая на взрывы и возникшую суматоху, пытается разбудить им же надежно и надолго усыпленных гитлеровских летчиков. Он был невольным свидетелем тяжелых испытаний, выпавших на долю Люды, ее непоколебимой стойкости и самоотверженности. «Значит, Катя на свободе, а вот Люда...» — и Морозов опять и опять напряженно искал способ спасти девушку.

А Люда, не в силах подняться, пыталась ползком добраться до окна. «Это они! Они!» — все громче и громче твердила она. Ей хотелось увидеть, что происходит там, за окном, утвердиться в своей догадке. Услышав ее голос, Морозов обернулся и, забыв о предосторожности, поспешил к ней.

— Хальт! Цурюк! — истошно заорал вбежавший в помещение гестаповский палач. Он грубо отстранил доктора, схватил Люду за волосы и стал подымать, по-нукая идти за ним. Девушка яростно, иступленно сопротивлялась. Гестаповец рассвирепел, стал пинками избивать свою жертву. И в этот момент раздались громовые раскаты новых взрывов, на аэродроме забушевал огненный смерч, взрывная волна выбила стекла, сорвала маскировочные занавески. Погас электрический свет, но все помещение залил отсвет бушевавшего на аэродроме моря огня.

Оглушенный гестаповец схватился за голову, невольно выпустив свою жертву из рук, шарахнулся в сторону. А Люда словно ожила, поднялась во весь рост и, вскинув вверх руки, торжествующе кричала:

— Вот! Вот где Катя! Это она! Она! Конеч, конец вам, гады! Ха, ха, ха! Всполошились?! Капут?!

За всю свою короткую жизнь она впервые почувствовала себя очень сильной, могучей, способной сокрушать врагов и пойти на смерть ради жизни и счастья других людей.

Здание сотряслось от взрывов, со стен и потолка огромными пластами сыпалась штукатурка, все скри-

пело и трещало. Вбежавшие в помещение немец-врач и несколько санитаров стали поспешно выносить так и не воспрявших ото сна летчиков.

— Что вы стоите как истукан? — подскочив вплотную к Морозову, резко крикнул немец-врач. — Берите и потащим!

Машинально Морозов последовал за немцем, поднял на ноги указанного ему летчика и неторопливо пошел к выходу.

— Шнелы! Шнелы! — со злостью торопил его немец-врач.

Но Морозов не реагировал на этот окрик. Он шагал размеренно, как механизм, устремив взгляд в невидимую точку. Ему все еще казалось, что он стоит там, в помещении, видит худенькую фигурку девушки в изодранном платье со вскинутыми над головой истощенными руками, слышит ее торжествующий крик. И снова и снова его мозг сверлил вопрос: «Как спасти? Что делать?»

Едва Морозов и его напарник вышли из здания, как позади них вслед за взрывом очередной бомбы послышался протяжный треск и грохот. Инстинктивно Морозов обернулся и обомлел. Здание рухнуло. Люда была погребена под его обломками вместе со своими палачами — гестаповцами и остальными гитлеровцами, еще оставшимися в здании...

К аэродрому то и дело подъезжали грузовики с войсками. Морозов не заметил, как оказался около одной из санитарных машин, до отказа набитой спящими гитлеровцами, и не помнил, когда влез в машину. Опомился лишь тогда, когда до него долетела команда:

— В госпиталь... Быстро!

В пути Морозов постепенно пришел в себя, стряхнул оцепенение, стал думать о возможных последствиях совершенной диверсии, масштабы которой превзошли все самые радужные ожидания. «Если даже шеф-повару, — рассуждал он, — не суждено проснуться, то его супруга не позже утра будет допрошена и, конечно, сообщит гестаповцам, что это он — русский доктор — пристроил Люду работать на кухню, заботился о состоянии ее здоровья и что он же рекомендовал шеф-повару в помощницы Катю...».

Морозову стало ясно, что, не откладывая ни на час, он должен с семьей мельника уйти к партизанам...

Шоссе, по которому мчалась машина, пролегло в полутора-двух километрах от села, где жила Антонина Ивановна. На освещенной заревом пожара местности Морозов без труда различил это село и тотчас же тоном, не терпящим возражений, потребовал, чтобы шофер остановил машину. Вылезая из кабины, он приказал ему, нигде не задерживаясь, ехать в госпиталь, сдать больных и сказать дежурному врачу, что доктор Морозов вскоре придет вместе с лаборанткой...

...Долго еще партизаны, вернувшиеся с аэродрома, сидели вокруг уже угасшего костра. В ушах медленно затихал звон и шум, восстанавливался слух, и люди сперва робко, с опаской, а потом все смелее стали говорить, с радостью вслушиваясь в собственные голоса.

— Братцы! А ведь тот пьяный фриц-механик, что проболтался нашему доктору, как в воду глядел!.. — загудел басом здоровяк Ларионов. — В Москве-то сейчас, поди, и впрямь фейерверки запускают, а у нас вон как «отсвечивает»!

— Что и говорить! — подхватил Шустрый. — Не удалось Гитлеру, Герингу, Геббельсу, Гиммлеру и прочим, не при Катюшке будь сказано, «ге» доставить свой «сюрприз» в нашу столицу!.. Ведь, пожалуй, до сотни бомбардировщиков как корова языком слизнула?!

Партизаны стали спорить, прикидывать и не заметили, как заалел восток, возвещая о шестивин по земле дня годовщины Великого Октября.

Вскоре после возвращения с аэродрома Антонов с радистом удалились, чтобы срочно передать командование радиogramму. Содержание ее было кратким и внушительным: «Авиабомбы и самолеты взорваны. На аэродроме все горит. Вылет фашистских самолетов исключен. Потерь личном составе группы нет. Принимаю меры выяснения судьбы подпольщиков. Подробности радирую дополнительно. Перебазируемся прежнюю стоянку. Поздравляю праздником Октября!»

Антонов возвращался к товарищам и думал о том, как же теперь установить связь с подпольщиками, как выяснить судьбу Люды, как установить связь с доктором

ром и Антониной Ивановной? Антонов не сомневался в том, что фашисты пустили в ход все средства и силы для поимки диверсантов, что сейчас повсеместно проводятся облавы. Послать, как обычно, в райцентр деда Игната, а тем более Катюшу, в этих условиях было бы очень рискованно... Но другого решения он пока не находил.

С этими мыслями Антонов возвращался к товарищам и еще издали заметил, что среди партизан царит необычное оживление. Он ускорил шаг и увидел каких-то незнакомых людей. Велика была его радость, когда в одном из них, человеке в пальто и шляпе, он узнал доктора Морозова.

Долго они молча обнимались, жали друг другу руки. Наконец Морозов, в обычной для него манере, прервал, как он выразился, «мужские нежности», и громко, перекрывая общий говор, сказал:

— А наша Люда, товагищи, погибла... Погибла, как подлинная гегоиня!

Обнажив головы, партизаны выслушали рассказ доктора о последних минутах жизни этой, казалось бы, ничем не примечательной советской девушки. Плотно прижав ладони к лицу, всхлипывала Катюша Приходько. Украдкой вытирала слезы Антонина Ивановна. Что-то шепотом причитала ее мать, прижимая к себе девочку, в больших черных глазах которой застыл испуг. Опустив голову, стоял в стороне и старик-мельник.

— А как фамилия Люды? Откуда она родом? — нарушив тягостное молчание, спросил один из разведчиков.

— К сожалению, товагищи, этого никто из нас не знает. У немцев она числилась под фамилией Лукьяненко, но мне она однажды дала понять, что ее настоящая — Листопад. Из Белогуссии... И, кажется, из какого-то села Краснопольского гайона... Газуемется, не думал я тогда, что встгечусь с вами и что эта запуганная, замкнутая девушка станет подпольщицей...

— Скажи на милость, — как бы рассуждая вслух, произнес дед Игнат, — откель такие люди народились?! Что наш Григорий Бугримович, что эта дивчинка... Да-а! Сильна советская держава, ой как сильна! Таких людей не одолеешь... Не-е! Не сломить их герману, нипочем не сломить...

ВОЗМЕЗДИЕ

Легендарный командир партизанского соединения Сидор Артемович Ковпак — человек бывалый, умудренный жизненным и военным опытом, требовательный и нередко суровый, но всегда глубоко человеческий и доступный. К партизанам и особенно к местному населению, которое волей судьбы осталось на захваченной гитлеровцами территории, он относился в высшей степени чутко и бережно.

— У каждому дили трэба пидходить з умом! — говорил Ковпак молодым партизанам. — Або думаете, шо раз у тебе оружие да повсюду враг, значит, можно вести себя як взбреде? Ну-ка, встань на ногу тех людей, до которых ты, будто приведение, ничью заявився! Даже у мирное время бувало, ежели кто ничью постучит в хату, так и то не зараз ему дверь отворят. Хотя кругом полно и суседей, и милиция есть, и вроде бы нема основания бояться... А тут война!

И в самом деле: стоит хатенка на отшибе села или хутора, почти у самого леса. Стоит сиротливо и таинственно, едва заметная в безлунную ночь, словно погасший маяк в морских просторах. Из лесной чащи выходят люди. Не случайно они оказались здесь. Останавливаясь и оглядываясь, все время прислушиваясь, идут они к хатенке. Что ждет их там, никому неведомо, но они идут... Оружие

наготове. Непроглядная тьма, зловещая тишина. Есть там немцы или их наймиты-полицай, пришельцы из леса могут только гадать. Опыт подсказывает, что можно напороться и на засаду. Бывало так не раз. Но идти надо! И люди из леса, крадучись, направляются к хатенке.

Наконец они добрались до нее. По-прежнему тихо. Собаки, видимо, нет. Это плюс. Значительный! Стоит одной шавке гавкнуть — вмиг проснется целая псарня. Всей округе тогда станет ясно, что появились чужие... И если поблизости есть немцы или полицай, то сразу поднимут тревогу. В небо полетят осветительные ракеты. И это уже минус. Большой минус! Врагов надо застичь врасплох. Такова одна из основных «заповедей» партизанской войны.

И пришедшие из леса тихонько стучатся в окно хатенки. Делают это так, чтобы себя обезопасить, по мере возможности, конечно. Случалось, что на стук снаружи из хаты отвечали очередью из автомата или гранатой... Однажды и на повторный стук не ответили. Молчание насторожило притаившегося у простенка партизана-разведчика. Он осторожно протянул руку, чтобы постучать в третий раз. В то же мгновение острый топор проломил стекло и отрубил партизану кисть...

Ежесекундно приходится быть начеку. Неожиданностей полно!

Однако на первый стук, как правило, из хаты не откликаются. Выжидают. Приходят в себя. Обдумывают.

Для пришельца из леса это тягостные секунды. Возможно, там, в хате, кто-то уже оттягивает затвор обреза или автомата, вынимает чеку из гранаты или... Или, быть может, там нет недругов, а ее обитатели, услышав стук, замерли? Разумеется, они встревожены и от страха не решаются сразу откликнуться, притворяются спящими. Хотя прекрасно понимают, что оттяжка бесполезна. Для них эти секунды еще тягостнее. Ведь к ним пришли! К ним стучатся... А кто?!

Но вот после повторного стука доносится приглушенный дрожащий женский голос. Мужчин в селении раздва и обчелся, а если и окажутся в хатенке, то обычно предпочитают отмолчаться. Ответить и открыть дверь выпадает на долю женщины. И в этом деле война выра-

ботала своеобразную тактику. Ее приняли на вооружение местные жители...

— Кто-о там?

— Свои...

«Свои!...» Но так отвечают все: и прорывающиеся из окружения воины, и бежавшие из плена или неволи люди, и прихвостни оккупантов. Переспрашивать бессмысленно. Это понимают и те, кто в хате, и те, кто стучится. Открыть дверь все равно придется: излишняя заминка только усиливает подозрительность, а затем уже может последовать применение силы...

И вот гремит отодвигающийся засов, скрипит дверь. С той и с другой стороны порога — люди в крайнем напряжении. Если и теперь не раздался выстрел, то первый вопрос задает пришелец.

— Немцы есть?

В кромешной тьме, дрожащая от страха женщина — ей и лютый холод сейчас нипочем, — молчит, дыхание не может перевести, а не то чтобы произнести слово... На пороге незнакомый человек. С оружием. За его спиной, наверное, еще такие же... А если это полицай?! За ними водится прикидываться партизанами, чтобы вызвать на откровенный разговор... Ключень на их удочку — беды не миновать. Спят хату, а там и... Да что там? И вовсе тогда капут!

Капут... Это русское слово стало как никогда популярным среди населения оккупированных гитлеровцами стран. Его знают даже младенцы. Вслед за первым освоенным словом «ма-ма» они лепечут «ка-пут»... Быть может, потому, что этим словом их пугали оккупанты, допытываясь у родителей: «Где партизанен? Гофори! Или киндер капут!»

У немцев это слово тоже стало весьма популярным. Злорадно, с издевкой, произносили его оккупанты каждый раз, когда жестоко казнили советских людей; и с мольбой о пощаде, воздев руки к небу, они же бормотали «Гитлер капут!», когда обезоруженные, с глазу на глаз, представляли перед народными мстителями.

Наконец зажглась от тлевших в печи угольков лучинка, и хозяйка получила возможность украдкой разглядеть незваных гостей. Лица незнакомые... Кто они? Зачем пришли? Этого не узнать, сколько ни разглядывай. И страх не покидает женщину.

В хате, как будто никого нет. Закопченная и ободранная по краям печь, почерневший от времени голый стол, вдоль которого тянется прислоненная к стене, покосившаяся лавка, да едва заметная между свисающими домоткаными рушниками иконка. В остальной части хаты темно и пусто. Впрочем, по мере того, как разговаривается лучинка, из-за угла печи вырисовываются дощатые нары и на них, накрытые одеялом из разноцветных поблекших лоскутов, макушки ребячьих голов.

Детишки наверняка проснулись, лишь прикидываются спящими. В эти минуты их сердечки тревожно колотятся. У этой детворы тоже есть опыт. И тоже жизненный! Видели и пережили немало. Вот и сверлят их головки страшные мысли: «Зачем пришли? Что за люди? Вдруг да убьют? Или спалят?»

Больших усилий, огромного напряжения, стоит им не шевелиться. Замерли... Ждут. «Чем все кончится? Не уведут ли мамку? Или коровку последнюю угонят? Как тогда поросенка забили, а потом прирезали и телку...»

Ни на минуту Ковпак не забывал о страданиях народа, неустанно напоминал подчиненным, что под пятой оккупантов наши люди от мала до велика живут в постоянном страхе, что каждый день приносит им новые беды и что именно партизаны призваны защищать их.

— Не обижайте, хлопцы, народ! — напутствовал он уходивших на задание разведчиков. — Ему и без того лихо достается от фашистов. А люди — наша опора, как и мы для них — надежда! Запомните это!

Слова Сидора Артемовича давно уже стали законом для народных мстителей. И если доходил до него слух о малейшей провинности партизан перед местными жителями, то виновники неминуемо несли строгое наказание. Не щадил он при этом ни самых прославленных подрывников или разведчиков, ни заслуженных командиров. Бывали случаи, когда Ковпак прощал провинившегося. Подобный случай произошел, когда Сидор Артемович поддался уговору партизан-пушкарей, которые пришли заступиться за провинившегося ротного старшину. Он пошел пушкарям навстречу. Кстати, Ковпак никогда не считал зазорным прислушиваться к голосу рядовых партизан, понимал, что им подчас виднее.

— За то, шо вы вступились за людину, колы верите в него, — заключил Сидор Артемович тогда разговор с пушкарями, — цэ дило доброе. Тильки жизнь така штука, шо скільки не крути и не верти, а истина все равно всплыве, як масло на воде... То ж закон такий! Так шо зараз не будемо, хлопцы, загадывать. Поживем — побачим...

Добровольно, как многие сотни и тысячи людей, пришел в партизанское соединение и Семен Разин. Лет ему было за тридцать. Подтянутый, стройный, черноволосый. Казался он человеком уравновешенным, немногословным. В разговоры не вступал и, тем более, не ввязывался в споры. И лишь бегалые, как ртуть, карие глаза выдавали какое-то затаенное в нем волнение, настороженность. Разумеется, редко кто замечал это, а если и отмечал про себя такую деталь, то не придавал значения, дескать, мало ли по каким причинам бывает подобное с людьми — то ли от робости, то ли от пережитого, то ли нервы пошаливают, а может, и от рождения...

К партизанам Семен Разин явился, в отличие от большинства, с трофеями — немецкими автоматом, пистолетом в новенькой кобуре и отличным цейсовским биноклем.

Позднее, когда население оккупированной территории и партизаны добровольно отдавали свои сбережения, облигации и разные ценные вещи в фонд обороны Советской Родины, Семен Разин принес в штаб для отправки на Большую землю трофейные карманные часы с массивными золотыми крышками.

Такое было обычным явлением в среде партизан и не привлекло к Разину внимания его прямых начальников и партизан подразделения, в которое он был зачислен.

— Глядишь на Сеньку, вроде бы дрыхнет вовсю, — говорили промеж себя партизаны, — а чуток приблизишься до него — вмиг вскакивает, будто его вязать собрались!

— Значит, напуган чем-то...

— Кто знает, может, пережил такое, что и во сне не забывается!

— Все может быть...

— Тоже верно. Но малый он шустрый!

Приглянулся Семен Разин ротному старшине своей расторопностью и смекалкой, стал он от раза к разу поручать ему все более хлопотливые дела: то коней обеспечить фуражом и сбруей, то найти в селах стариков, давно забросивших свое кузнечное ремесло, чтобы лошадей подковать...

— Немаловажное это дело,— говорил ротный старшина,— ежели пушки и обоз всего соединения на конной тяге! Попробуй не снабди танковую часть горючим или запасом гусениц!

И надо отдать должное Разину: поручения он всегда безропотно принимал и выполнял молниеносно. Но опять же партизаны промеж себя удивлялись:

— Ночью он в походе, а днем, когда малость можно храпака задать, шастает, как овчарка при стаде! И в хозяйских делах — будь здоров, кумекает!

Разин не реагировал на похвальные реплики партизан. Отмалчивался. Иногда чуть заметно усмехался. Все это было естественно, нормально, обычно.

Вскоре на Семена Разина возложили хозяйские дела роты.

Как-то старшина батальона, распределяя задания ротным старшинам и их помощникам, обмолвился, что люди давненько не мылись в бане и что после прохождения здесь фронта во всей округе не сыскать ни одной уцелевшей баньки.

— Народ кой-как перебивается,— сказал он,— ну а нам, видать, придется потерпеть... В деревнях-то одно бабье! Кто из них возьмет топор да начнет сооружать парилку?

Уже на другой день Разин доложил старшине батальона о готовности бани.

— Вот так Сенька!— восклицали распаренные партизаны.— И помещение самое что ни на есть подходящее для такого дела отыскал — и надо же! — бочку железную где-то раздобыл. Камней откуда-то понатаскал. Мужик он расторопный!

— И перво-наперво командиров пригласил париться,— ехидно заметил один из партизан с рябоватым лицом и глубоко сидящими раскосыми глазами.— Услужить начальству Сенька тоже умеет! И все у него вти-

харя, как бы между прочим... Мастак он на таковские дела, маста-ак!

Этой баней успели попользоваться люди не одного батальона. И все знали, что соорудил ее Сенька Разин. В его адрес раздавались хвалебные слова, говорили, что из него получился бы толковый хозяйственник.

Длительное время соединение испытывало острую нехватку соли. Наконец запасы ее совсем иссякли. И без того не ахти какая вкусная пища стала совершенно несъедобной. А на оккупированную территорию немцы соль ввозили только для своих нужд. Довоенные запасы были исчерпаны, и население бедствовало. За горсть соли местные жители готовы были отдать последнюю корзину картошки. И вдруг Сеня Разин притащил целую кадку соли!

Люди восторгались, но некоторые с пристрастием допытывались, где и как ему удалось раздобыть столько соли.

— Вроде бы трофеев от гитлеровцев мы в эти дни не брали!— вопрошал кто-то из ротных старшин.— Откуда ж тогда кадка?!

— Искать надо! Как в песне поется: «Кто ищет, тот всегда найдет!» — отшучивался Разин.— А ты думал? Шевелить мозгами нужно!

Такие ответы не удовлетворяли кое-кого из партизан, заподозривших неладное в действиях Разина. Парни наперебой затараторили:

— Ишь ты! Выходит, только он мозгами шевелит... Умник нашелся!

— Небось по хатам шастаешь, да в подвалах шарить?!

— Ежели так, то ты, Сенька, выходит, фашистам уподобляешься!

Разин побледнел, сощурил глаза, на мгновение вперил недобрый взгляд в лица своих обвинителей, но нервно заморгал и, помедлив секунду-другую, не повышая голоса, спокойно ответил:

— Да, шастаю и шарю. Только не по хатам, а по пепелищам, по развалинам подполов бывших хат... Вот так!

Сказав это, он тотчас же ушел.

Не все поверили в правдивость слов Разина. Уж очень маловероятным было предположение, что сами

погорельцы своевременно не извлекли такое добро, как бочонок соли, из подпола сгоревшей хаты.

— Брешет, стервец! — горячо воскликнул ротный старшина. — Не может того быть, чтобы ни хозяева-погорельцы, ни их соседи до Сенькиного прихода не догадались осмотреть подполы, проверить: не уцелело ли какое-никакое имущество...

— Точно, вранье это! — поддержал его один из партизан. — Должно быть, припугнул он кого-то и отобрал бочоночек. Вот и вся недолга!

— Факт!

— Ишь закаркали! «Стервец!», «Вранье!» — возразил им другой партизан. — Тут, можно сказать, кишка кишке кукишь кажет, потому как без соли от пищи воротит, а когда человек раздобыл эту чертову соль, так вместо благодарности его начинают поносить... Совесть надо иметь!

— Где уж там «совесть»! — заступился еще кто-то за Разина. — Зависть черная...

— А то нет?! — поддержал здоровяк с бронебойкой в руке. — Супец: небось, с этой солью уплетал за двоих?!

Еще день-другой бочонок соли был предметом шумных разговоров партизан, но постепенно эту тему вытеснили более свежие события из боевой жизни и повседневного быта соединения. И когда в одном из боев был тяжело ранен батальонный старшина, командованию уже не приходилось гадать, кого назначить на его место.

С присущим ему рвением Разин принялся за выполнение возложенных на него обязанностей. По-прежнему люди восхищались его хваткой, находчивостью, сообразительностью, но кое-кто тем не менее продолжал ворчать:

— Ладно уж возвеличивать! Тоже нашли «незаменимого»! Видать, шурует он, народ обижает, а это у нас, как ни толкуй, штука недозволенная... Узнает начальство и взгреет так, что жизнь не будет мила!

— Факт!

— Эва, что творится! Неужто такой в действительности наш старшина?

— Ну, этот, если что заприметил, с мясом вырвет у кого хочешь, будто оно его собственное... Жох!

— Умеет Сенька, умеет дела таковские обделывать, будь спокоен! А перед начальством ковром стелится...

— Будет языки точить! — заступился кто-то за Разина. — Насчет того, будто он народ обижает, надобно сперва доказать, а не болтать попусту. Мужик он смекалистый, правда, и напористый...

— Этого не отнять у него!

Толков о Разине было много, кривотолков еще больше. Но на первом плане оставались бои, засады, походы. Люди измотались, не получая длительной передышки, и потому в редкие свободные минуты всяким разговорам предпочитали сон или хотя бы дремоту.

Однажды на выставленную батальоном заставу напоролись гитлеровцы. Завязался бой. На помощь к немцам подоспели две бронемшины. Партизаны ввели в бой сорокапятимиллиметровую пушку, но снарядов к ней на заставе было маловато, и поэтому сразу же в распоряжение батальона был направлен связной — парнишка лет двенадцати. Он примчался на взмыленном коне, и ему тут же снарядили подводу с боеприпасами.

С места паренек рванул лошадей галопом и свернул с главной дороги на кратчайшую, но давно запущенную, с рытвинами и ухабами.

Смотревший ему вслед пожилой партизан неодобрительно заметил:

— Куда его понесло! Загонит лошадок...

Бывалый партизан как в воду глядел. На полпути до заставы повозка застряла в глубокой рытвине, заполненной водой. Ни дерганье вожжами, ни хлестанье кнутом, ни истошные крики не помогли. Напротив, одна лошадка совсем выбилась из сил и повалилась в грязь, обрвала постромки.

В отчаянии паренек побежал назад в расположение батальона, но вскоре увидел скакавшего неподалеку со стороны хутора старшину Семена Разина, стал звать его, махать руками.

Подскакал к нему Разин, узнал о случившемся и, приказав ждать его, умчался назад на хутор. Вернулся он быстро с конем на поводке и запасными постромками.

— Живо! Перепрягать! — крикнул Разин, соскакивая с коня. — Слышишь, что творится на заставе?! Немцы палят вовсю, а наши едва чирикают...

Мгновенно они перепрягли в подводу коня Разина и приведенного им с хутора. На заставу примчались, когда там уже готовились к отступлению. Снаряды и мины партизаны давно израсходовали, держались одними патронами, да и те таяли, как льдышки в горячей воде.

Невзирая на то, что местность перед заставой была открытая, гитлеровцы выдвигались нагло вперед, в надежде окружить и захватить партизан.

И вдруг на партизанской заставе снова заухали минометы, застучал крупнокалиберный пулемет, возобновили стрельбу сорокапятка и бронебойки. Немногим гитлеровцам удалось уползти под прикрытием уцелевшей бронемашины, в которую наконец-то угодил снаряд партизанской пушки...

Когда все затихло, партизаны набросились было на батальонного старшину и связного парнишку за то, что так долго не подвозили боеприпасы, но, узнав о случившемся, подхватили Разина и стали качать.

— То ж благодаря ему в самую что ни на есть последнюю минуту поспели боеприпасы!

— Ты, Сенька, хоть и стервец порядочный — одну портянку мне разрезал на две, — от души признался ему партизан с рябоватым лицом, — зато нынче, скажу прямо, молодчина!

— Точно! — подхватил орудийный наводчик с забинтованной головой. — Опоздай еще минут на пяток, понятились бы мы отсюда с позором!

— Да кто знает, с какими потерями. Вон сколько маячат с бинтами!

— Сенька не подведет, ребята! — лихо подмигнул Разин и, будто невзначай, спросил: — Или вы сомневались во мне?

В ночь того же дня, чтобы создать у противника впечатление, будто партизаны покинули эти края, соединение тронулось в путь, однако, покругив недалеко, на третьи сутки вернулось на прежние места. Сидор Артемович прибегал и к такому маневру, особенно если возникала необходимость в более длительном отдыхе личного состава.

Расположились по селам в том же порядке, что и

прежде, и на том же месте, тот же батальон выставил заставу. На один из постов заставы натолкнулись несколько женщин. Их задержали. Надо было узнать, с какой целью они заявили в расположение соединения. Когда же женщины убедились, что попали к партизанам, то признались, что шли сюда специально, и стали проситься «тильки до наиглавнишого!»

Об этом тотчас же доложили Ковпаку.

— Говоришь, их четверо душ?! — переспросил Сидор Артемович начальника караула. — Делегация, значит! — Выходит, так, товарищ командир соединения! Из одних женщин... Сколько ни допытывался — не хотели они изложить мне причину.

— Шо ж, раз народ требует, значит, надо пидчинитись! — ответил Ковпак не то с юмором, не то всерьез. — А як же?!

В сопровождении начальника караула женщины предстали перед Ковпаком. Словно по команде, они низко поклонились и, перебивая друг друга, принялись рассказывать, как трое суток тому назад после полудня к ним на хутор прискакал человек, назвал себя партизаном, без всякого спроса вывел коня и, хотя женщины наотрез отказались добровольно его отдать, ускакал вместе с ихним конем.

— Шо ж цэ роблется?! Партизаны вже начали своих обирать?

— Колы понадобилось, мужикив мы отдады Червоной Армии!

— И синов своих теж з нею послали!

— А клячу якусь мы б стали жалеть, колы не була б она одна на усём хуторе?!

— Пахать ж придется, щоб дитишек прокормить, а чем?

— З голодухи помрут воны у нас!..

Было шумно. Лились слезы по морщинистым, без времени состарившимся лицам женщин.

Сидор Артемович не прерывал, вслушивался в каждое слово. Наконец, когда ему стало ясно, что произошло, неторопливо приподнял правую руку с загнутыми до отказа двумя пальцами, спокойно сказал:

— Зараз погодьте! Поняв все. Тильки вот шо: тому людине, который назвал себя партизаном, вы казали, шо на хуторе це пислидний конь?

Женщины снова наперебой заговорили:

— Казалы ёму, а то ж нет?!

— Вин тоды достав ливорвер да так стрельне, шо мы все враз попадали на землю, а колы повставалы — одна тильки пыль була видна... Ускакал з нашим конякой в пристяжку!

Ковпак расспросил женщин, как был одет тот партизан, как выглядел, какое оружие имел при себе. Женщины охотно отвечали. Поняв, кто совершил такой проступок, Ковпак не стал устраивать «очную ставку», поморщился, словно от зубной боли, и решительно прервал разговаривших женщин:

— Вот шо: идить себе на хутор и не волнуйтесь. Коня получите обратно. И не тильки своего... Цэ для того, штоб мали з чем пахать и детишек кормиты. Всем понятно?

Женщины снова поклонились до самой земли. Ковпак не на шутку рассердился:

— Вы шо тут, як рабыни перед барином сгибаются до земли! — прикрикнул он. — Ну-ка, подымайтесь и марш до дому!

Женщины поспешно выпрямились и, стыдливо пятясь, стали удаляться, продолжая извиняться и благодарить.

С мхурым видом Сидор Артемович вернулся в штаб, гнев подкатывал к его горлу. Сразу приказал он вызвать батальонного хозяйственника Разина.

Репортуя о прибытии, Семен Разин вдруг звонко щелкнул каблуками, хотел было еще и выпятить грудь, вскинуть голову, но, уловив суровый взгляд Ковпака, тотчас же спохватился.

Это мимолетное замешательство старшины не ускользнуло от Ковпака. Едва сдерживая негодование, он спросил старшину в упор:

— Сколько времени служил у немцакив?

Вопрос этот подействовал на Разина, как удар хлыстом. Он чуть вздрогнул, сжал зубы, побледнел, но, тут же овладев собою, пожал плечами, едва заметно усмехнулся и тоном человека, удивленного и даже в некоторой мере обиженного, ответил:

— Я?!. Нет... Не служил у немцев, товарищ командир соединения! — качнул он отрицательно головой. — С чего это вы...

— А откуда у тебя фашистские повадки?

Снова Разин пожал плечами: на его потемневшем лице застыло тревожное выражение с невинной гримасой.

— Какие повадки? — тихо, будто рассуждая сам с собой, переспросил Разин. — Неоткуда им быть у меня...

Ковпак недоверчиво взглянул на старшину поверх сползших на кончик носа очков с круглыми стеклышками в тонкой металлической оправе и нарочито спокойно спросил:

— Колы мы тут стояли в прошлый раз, ты брав коня на хуторе у жинок?

— На хуторе?.. Коня? У женщин? — наморщив лоб и слегка запинаясь, ответил Разин, делая вид, будто не помнит или не понимает, о чем идет речь, но, сообразив, что ничего ему не будет, если чистосердечно признается, внезапно заторопился: — Да, верно... Взял я коня, товарищ командир соединения!

— Колы признаешь, тоды послушаемо, як цэ произошло... — заметил Ковпак, поглаживая двумя пальцами остроконечную бородку. — Докладывай!

Беспокойно забегавшие было глаза старшины остепенились, и взглядом, и спокойным тоном откровенного рассказа Разин старался подчеркнуть, что не чувствует за собой никакой вины. Он и в самом деле ничего не утаил. Улыбаясь и вроде бы даже обрадованный, Разин заключил:

— А то, что разок я стрельнул в воздух — виноват... Но когда было растолковывать женщинам, если на заставе наши люди гибнут?!

Сдерживая гнев, слушал Сидор Артемович исповедь старшины. Когда тот замолчал, Ковпак едва слышно, но твердо сказал:

— Не позднее завтрашнего вечера доложить о возвращении на хутор коня. А за самоуправство и пальбу приказываю дать жинкам еще одну лошадь. Но брать ее в соединении или у кого-либо из советских граждан запрещаю. Тильки у немакив! Ясно?

К утру следующего дня старшина, доложив о выполнении приказа, положил на стол расписку колхозниц о получении двух лошадей и постромок, а также удостоверение, «аусвайс» гитлеровского фельдфебеля, его автомат с обоймами и парабеллум.

— Есть еще и седло,— сказал Разин.— Совершенно повенское. Оно в сенцах... Для вас его оставил, товарищ командир! Если разрешите — принесу?

Ковпак не ответил и не взглянул на старшину. Он продолжал сидеть в полусогнутом положении, упираясь локтями в колени и о чем-то раздумывая.

Присутствовавший при этом командир батальона постарался разрядить обстановку:

— Правду говорит старшина. Посылал я разведчиков на хутор. Они все подтвердили. Правда, сказали, что тот трофейный конь зря достался женщинам...

Ковпак поднял на командира батальона глаза, остановил на нем пытливый и недобрый взгляд.

— Верховой он!— поспешил объяснить командир батальона.— Может, забрать нам его и женщинам другого отдать? К чему им такая лошадь?

— Слухай, комбат!— прервал его Сидор Артемович.— Ты мени тут не крути гогель-могель... И советы свои будешь давать, колы от тебя цего потребуют! А зараз приказываю: трофейное оружие зачислить в батальон, седло отдать кавэскадрону, старшину посадить.

Такого поворота дела никто в штабе не ожидал. Воцарилась тишина.

— Выполняйте!— повысив голос, командовал Ковпак.

Всем стало ясно, что хотя Разин и выполнил приказ, но командир соединения отнюдь его не простил. Среди партизан пошли догадки, размышления.

— Выходит, здесь дело малость посложнее, чем кажется,— заметил партизан, стоявший в сенцах, где старшину обезоружили и взяли под стражу.

Слух об этом быстро распространился по соединению. Пошли различные разговоры и суждения: «...должно быть, Сеньку шлепнут, хоть и мародерства стопроцентного не было, однако ж поскольку среди женщин открыл пальбу да конягу без их согласия угнал, то такое дело совсем не к лицу народному мстителю...»

Вскоре после полудня к Ковпаку пришли два партизана — наводчик с забинтованной головой и минометчик с перевязанной рукой, висящей на черной косынке. Несколько дней тому назад они вели бой на заставе. Теперь оба просились к командиру соединения.

— Так... Шо привело вас сюды, хлопцы?— спросил Ковпак, догадываясь о причине прихода раненых партизан.— Выкладывайте, яка необходимость возникла?!

Минометчик, как заранее договорились партизаны, должен был первым завести разговор, но почему-то оробел, стал извиняться за беспокойство, наконец вымолвил, что пришли они «по случаю взятия старшиной коня на хуторе».

— А цэй вопрос вже решен,— ответил Ковпак, словно ничего не произошло.— Жинки получили себе коня назад, и повестка дня исчерпана!

— Почему ж исчерпана, товарищ командир соединения?— заговорил партизан-наводчик.— На заставе, можно сказать, кровь льется, а если старшина постарался поскорее доставить нам снаряды, так его за это, выходит, того?! Ведь задержись он хоть чуток — нам на заставе была бы хана! Где ж тогда справедливость?!

На сей раз Сидор Артемович не выдержал:

— З якого цэ времени партизаны стали брать пример у фашистов?! Я спрашиваю вас!

Задрожали стены в хате. Партизаны опустили головы.

— Вот я спрашиваю,— продолжал Ковпак,— ежели був бы на мисто старшины другой наш партизан, так и вин теж не нашев бы пидхода до жинок як дать понять, шо необходимость возникла помочь партизанам конем? Шо вы тут мини морочите гогель-могель?! Повадки вашего хозяйственника ясны! Тильки не могу понять, звидкиля они поприставалы до него, що выпирают, як шило из мешка?! Вот в чем справа! Чи думаете, я не догадываюсь, якими методами цэй «герой» добував соли? Тут не треба великого ума, щоб не понять, як вин пихнув лид нос бабке пистолет и вот, пожалуйста, распоряжайся зо всей кадкой! Зараз тэж напужав выстрелом людин на хуторе и вот-те знова коня вже сцапал. А чим все кинчисте? Так черт знае куды можно скатиться... Цэж страшне діло!

— Это вы правильно говорите, товарищ командир соединения. Старшине уже крепко досталось и от комбата, и от хлопцев. Всыпали ему, что называется, «по первое число». Чтоб нас не позорил!— стараясь успокоить Сидора Артемовича, продолжал минометчик.— Но старшина же не себе коня брал! Он и своего верхового

впряг в телегу... Иначе сроду им бы не вылезть с той ямы и боеприпасов не видать нам, как своих ушей!

Наводчик сорокапятки поспешил поддержать дружка:

— Какое ж это, товарищ командир соединения, мародерство?!

— Так я, по-твоему, не знаю, що такэ мародерство? Тэж мини нашелся друг!.. — оборвал артиллериста Ковпак. — Цэ все равно, що яйцо начнет учить курицу, як выводить цыплят... Вот друга справа, шо вы пришли заступаться за старшину! — заговорил уже примирительным тоном Сидор Артемович. — Значит, верите ему?

— Ну, а как же, товарищ командир соединения!

— Конечно, верим!

— Добре, — ответил Ковпак, но тут же, словно передумал о своем согласии, добавил: — Тильки знайте: жизнь така штука, шо скільки не крути и не верти, а истина все равно всплывет, як масло на воде... То ж закон такий! Так шо зараз не будем загадывать. Поживем — побачим...

Сидор Артемович был в затруднительном положении. Он понимал, что действия старшины Разина нельзя считать мародерством. И даже стрельба, к которой тот прибег, хотя и заслуживала осуждения, но возможно, действительно была вызвана обстоятельствами. И он хотел его наказать лишь для того, чтобы подобное не повторялось. Однако повадки, словно у вышколенного оккупантами прислужника, которые Сидор Артемович заметил за Разиным, заставляли его оценивать эти поступки старшины уже как не случайные, а возможно, привычные для него...

Ковпак замолчал, задумался.

Этой заминкой воспользовались раненые партизаны и напомнили командиру соединения, что старшина отдал в свое время в фонд обороны золотые часы.

Ковпака взорвало:

— Трофейное золото — це ще не собственность личная, а подлежит изъятию! А то шо вин его отдал — не дуже великое доказательство преданности... Бувало так в гражданскую войну, шо человек громче всих спевает Интернационал и ходит з червоним бантом на ризе, а

пид нею схован наган, з которого сукин сын стрелял в Советскую власть! Так шо вы мини насчет золотых часов не пускайте пыль в глаза... За дымовой завесой всякое може робиться!

Ковпак отчитывал партизан, а в глубине души радовался их доводам в защиту старшины. Вдруг да предчувствие подводит его? Однако и в дальнейшем он не переставал размышлять об этой неприглядной истории и о ее виновнике.

— Добре, хлопцы, — заключил Сидор Артемович беседу с ранеными партизанами. — Идите себе в батальон и спасибо, шо помогли трохи прояснить обстановку. А комбату передайте, щоб освободил старшину з-под ареста... Тильки наперед не пидпускать его на пушечный выстрел до хозяйственной работы! Нехай себе воюйе. Масло все равно всплыве на воде... Ясно?

— Ясно, товарищ командир соединения! Так и доложим нашему комбату... — дружно ответили партизаны. — Спасибо вам...

Партизаны ушли довольные, однако Сидор Артемович оставался мрачным, задумчивым. Он вспомнил, как Разин пришел в соединение с трофейным биноклем и что еще тогда удивило, каким это образом гитлеровский мотоциклист, налетов на протянутую Разиным проволоку, кувыркнулся так, что бинокль остался целехонек, без единой вмятины или даже царапинки?! Тогда это его удивило, но, поразмыслив, решил, что бинокль упал либо в траву, либо в рыхлую пылеобразную землю проселочной дороги. Случалось ведь, что и очки, упав на землю, не разбивались...

Делясь соображениями с ближайшими соратниками, Сидор Артемович после некоторого раздумья заключил:

— Провидец я чи шо? Тут сам того и гляди скатишься до черта в пекло! Тильки по подозрению робить обвинения — тэ ж никто не давав право! Цэ ж злоупотребление властью! Во всем трэба по партийному разобраться... До кинца! Колы цэго не можеш зробить — давай ход назад. Тильки того человека вже не выпускай з виду! Тут доброта — хуже воровства. А с цим старшиной, от што хотите, що-с такэ е... Вот побачите!

Разина освободили и перевели в подразделение рядовым. В тот же день с наступлением сумерек, как это было заведено ковпаковским штабом, соединение выступило в рейд по заранее намеченному маршруту.

Шли дни, недели, месяцы. После возвращения соединения из вошедшего в историю войны похода на Карпаты штаб партизанского движения Украины отозвал Сидора Артемовича в Киев, а вслед за этим соединение было переименовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака.

И партизаны успешно продолжали борьбу с гитлеровцами, достойно неся звание ковпаковцев. Непреложным законом оставались для них установленные Сидором Артемовичем нормы поведения.

КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

Отброшенные несколько месяцев назад от ворот Москвы немецкие войска накапливали силы, готовились вновь перейти в наступление. Обстановка в столице весной памятного 1942 года оставалась напряженной: на улицах было малоллюдно и тихо, окна домов и витрины магазинов заклеены крест-накрест бумажными лентами, у фасадов многоэтажных зданий возвышались штабеля мешков с песком; на окраинах все еще щетинились противотанковые заграждения и по вечерам московское небо покрывалось сетью огромных аэростатов.

Сводки Совинформбюро были неутешительными... Белоруссия, Украина, Молдавия, Прибалтийские республики и территория ряда областей России были оккупированы фашистами. Фронт проходил на отдельных участках менее чем в ста километрах от Москвы. В один из этих тревожных для Родины дней в тихом и малопримечательном переулке Москвы, в комнате, где на дверях еще сохранилась табличка «5-й класс «Б», небольшая группа людей, одетых в офицерскую форму немецких полевых войск и эсэсовцев, заканчивала подготовку к выполнению задания командования.

Обстановка в комнате говорила за себя: на стенах висели десантные комбинезоны, зеле-

новатые и черные шинели офицеров вермахта и СС, между койками, заправленными по-военному, громоздились плотно набитые вместительные туристские рюкзаки и вещевые мешки, на обычной невысокой школьной вешалке повисли советские и трофейные автоматы, сложенные парашюты, а вдоль окон комнаты на полу вытянулся, наполненный до отказа, огромный грузовой парашютный мешок.

Еще и еще раз необычные обитатели дома проверяли исправность оружия, содержимое своих карманов, затягивали рюкзаки. Бесшумно в комнату вошел Рихард Краммер, старший группы, в форме немецкого подполковника. Это был плотный, лет пятидесяти пяти, человек с заметно выпирающим животом, широким умным и суровым лицом и глубокой вмятиной на лбу. Его появление первым заметил высокий гауптман* Альфред Майер. Он тотчас вскочил и подал команду:

— Ауфштейн! **

Краммер уже успел окинуть взглядом помещение и уловить настроение присутствующих.

Все, кто был, вскочили и, вытянувшись по стойке «смирно», замерли.

— Герр оберстлейтнант... *** — продолжал Майер, но Краммер едва заметно кивнул головой и жестом остановил его.

— Сегодня, — слегка насупившись, произнес Рихард своим обычным хрипловатым голосом, — кажется, летим наконец. Прогноз погоды обнадеживающий...

Эту весть все приняли, как долгожданную и отрадную. Кое-кто засуетился, чтобы скорее завершить последние приготовления.

Рихард тем временем не спеша раскурил трубку, выпустил густое облако дыма и, пристально всматриваясь в каждого, вновь заговорил:

— И еще вот что... По опыту мы знаем, что в горячей схватке иной раз незаметно для себя можно израсходовать все боеприпасы. Так вот, чтобы не угодить в пасть шакалов, советую каждому приберечь в надежном месте один патрон... Вы понимаете, что я хочу этим сказать?

* Капитан (нем.). — Прим. авт.

** Встать! (нем.). — Прим. авт.

*** Господин подполковник (нем.). — Прим. авт.

Рихард неторопливо достал из нагрудного кармана патрон и, показав его всем, положил обратно.

Молча все извлекли из запасных обойм по патрону и запрятали кто в нагрудный карман френча, кто в брючный кармашек для часов.

...Над Москвой спускались сумерки, когда со школьного двора выехала полуторка с крытым кузовом, в котором среди парашютных мешков и груза разместились старший лейтенант Алексей Ильин, военврач третьего ранга Александр Серебряков и шесть немцев-антифашистов, еще до войны нашедших политическое убежище в Советской стране и ставших ее равноправными гражданами. Это были Отто Вильке, его сын — Фриц Вильке, Альфред Майер, Фридрих Гобрицхоффер, Вилли Фишер и Ганс Хеслер. А в кабине, рядом с шофером, с неизменной трубкой в зубах сидел Рихард Краммер. По возрасту и положению он был старше всех. Ему шел шестьдесят шестой год...

Машина выехала на Сретенку, миновала площадь Дзержинского и покатила вниз мимо кинотеатра «Метрополь», затем в Охотном ряду у здания Совнаркома свернула к гостинице «Москва» и въехала на Красную площадь. Рихард Краммер, плохо владевший русским языком, жестом попросил шофера остановить машину.

На площади было безлюдно и тревожно. Дул сильный пронизывающий ветер.

Рихард вышел из кабины и размеренным шагом направился к мавзолею. За ним последовали остальные. Все были в десантных комбинезонах и шлемах.

В нескольких шагах от металлической ограды, за которой у дверей с едва мерцавшей синей лампочкой застыли в почетном карауле часовые, остановились девять человек — двое русских, остальные немцы — все коммунисты, молча всматривались в надпись на гранитном парапете мавзолея и, как бы давая клятву верности великому Ленину, сняли шлемы.

Когда раздался перезвон кремлевских курантов, десантники безмолвно направились к своей машине, у переднего крыла которой, словно часовой на посту, стоял шофер.

Вскоре полуторка исчезла за храмом Василия Блаженного. Позади осталась Красная площадь, впереди — пустынные улицы. Людей почти не было видно. Они трудились.

Лишь недалеко от Калужской заставы им встретила казачья конница, потом загремели колеса пулеметных тачанок и уже где-то на шоссе полуторка разминулась с колонной танков Т-34. Рев их моторов долго стоял в ушах десантников. Позже его сменил гул двухмоторного транспортного самолета, пробивавшего толщу облаков.

Рихард выделялся среди сидевших в самолете. У него было два парашюта — по одному спереди и сзади — и потому он сидел на грузовом мешке. Краммер весил больше ста двадцати килограммов...

Через мелькавшие в облаках «окна» в иллюминаторы можно было увидеть обозначенный вспышками выстрелов передний край фронта. И вскоре тьму ночного неба стали прорезать лучи прожекторов, вспышки рвущихся зенитных снарядов. С каждой минутой усиливался огонь вражеских зениток. Все это живо напоминало Рихарду Краммеру и Отто Вильке многое из пережитого.

Им было о чем вспомнить. Не раз Рихард — гамбургский портовый рабочий и Отто — молодой потомственный офицер вместе слушали Эрнста Тельмана, попадали в разные переделки... Бывало, рабочие нуждались в оружии, и тогда Рихард добывал его через Отто.

Позднее, когда по всей Германии банды молодчиков в коричневых рубашках со скрюченными гадюками на рукавах стали бить витрины магазинов, врваться в квартиры, истязать и убивать ни в чем не повинных людей, когда по всей стране запылали костры из книг, как-то при очередной встрече с Рихардом Отто с грустью напомнил ему слова Генриха Гейне: «Там, где горят книги, горят люди!..»

Как старший офицер Отто Вильке участвовал в маневрах нового вермахта, общался с жаждавшими реванша офицерами и генералами, работал в штабах, склоняясь над картами, испещренными зловещими стрелами. Он по-прежнему тайно встречался с Рихардом: то в каком-то сыром подвале читал пахнущую свежей

краской подпольную газету, то давал для этой газеты материалы, разоблачающие замыслы гитлеровцев, их бредовое стремление к мировому господству...

Рихард и Отто были неразлучны. Особенно их дружба окрепла в рядах интернациональной бригады, где они мужественно сражались за республиканскую Испанию. Разрывом одного и того же снаряда Рихарда ранило в голову, а Отто контузило. На всю жизнь запомнилось обоим мгновение, когда в бою под Барселоной Рихард, желая уберечь Отто, поднялся из-за укрытия и успел только крикнуть: «Шнель!»

— Шнель, шнель!.. — раздался властный хрипловатый голос Рихарда.

Началась выброска парашютистов. Последним вслед за Рихардом покинул самолет Отто Вильке.

Сбор десантников происходил у грузового парашюта. Подходившие прежде всего с беспокойством спрашивали: «Как Рихард?»

И когда поодаль, на сером фоне наступающего рассвета они увидели силуэт человека, спускавшегося на двух белых куполах, все кинулись к нему.

— А, черт! — ворчал Рихард. — Почет какой моему брюху, отдельный ему парашют! Можно подумать, что я состою из двух частей...

Ему помогли отстегнуть лямки, собрать парашюты, и все направились к месту сбора. Навстречу уже бежали лейтенант Ильин и военврач Серебряков.

— Ну как, товарищ Рихард?

— Порядок!

Быстро разобрали грузы. Надо было как можно скорее уйти от места приземления. Но куда? По расчетам должны были приземлиться в Гомельской области, километрах в восьмистах от Москвы и примерно в семистах от линии фронта. Предрассветный мрак скрывал ориентиры, по которым можно было бы точно установить место приземления. Все казалось таинственным: и необычайная тишина, и непроницаемая серая мгла. Ориентируясь по компасу, пошли строго на северо-восток. Там должны быть обширные леса.

Медленно продвигалась цепочка навьюченных людей. На долю каждого досталась тяжелая ноша. «Экипировка» десантников не ограничивалась минимальным запасом продуктов, оружием, боеприпасами, минами

различного действия, рациями с батареями и динамо-машинной.

Добрая половина поклажи состояла из предметов, казалось бы, совсем ненужных: одеколон и пудра, широко известное в рейхе эрзац-мыло и полный ассортимент регалий для старших и средних офицеров вермахта и эсэсовских частей, коротенькие сигареты и соевый шоколад с фабричными марками известных немецких фирм, шапирограф, портативная пишущая машинка, к ней дополнительно латинский и готический шрифты и, наконец, в каждом рюкзаке десятки туго спрессованных пачек рейхсмарок. А высоченный здоровяк Майер, некогда известный альпинист, захватил с собой даже уютю!.. Да, самый обыкновенный паровой уютю — предмет весьма необходимый для выполнения задания...

Впереди с автоматом наперевес шел старший лейтенант Алексей Ильин — молодой коренастый кареглазый парень. Он уже не раз переправлялся в тыл врага и потому чувствовал себя увереннее остальных. Время от времени Ильин останавливался, чтобы сверить направление движения по компасу, и тогда останавливалась вся цепочка. В эти мгновения невнятные звуки и шорохи отчетливее доносились до слуха десантников и заставляли их тревожно настораживаться. Ведь они легко могли набрести на хуторок или деревню и тогда собачий лай выдал бы их присутствие, поднял на ноги гарнизон оккупантов или их прислужников — полицейских.

Постепенно заря окрашивалась в розоватый цвет, из полумрака все отчетливее стали вырисовываться верхушки деревьев, наконец парашютисты достигли леса и поспешно углубились в него.

Стало совсем светло, и десантники с облегчением вздохнули, когда убедились в том, что здесь давно не ступала нога человека. Теперь они двигались гуськом, стараясь ступать в след впереди идущего, чтобы постороннему было трудно определить, сколько тут прошло людей. Солнце уже взошло, когда десантники остановились на дневку и, установив очередность дежурства, уснули крепким сном.

День прошел спокойно. Снова тронулись в путь еще засветло. Шли долго, гораздо дольше, чем намечалось по заранее разработанному маршруту, а лесному массиву все еще не было конца. И с каждой минутой креп-

ла тревожная мысль, что приземлились, должно быть, не там, где предполагалось. Лишь поздно ночью вышли к опушке леса и увидели впереди, метрах в трехстах, силуэт покосившейся хатенки. Разведав местность, десантники установили, что она стоит на отшибе за селом.

Ильин и Серебряков в сопровождении двух товарищей, следовавших за ними на небольшом расстоянии, пошли к домику, осторожно постучали в окошко. И тотчас же до них донесся женский голос:

— Кто там?

— Свои, — глухо ответил Ильин.

Женщина отодвинула засов и, чуть приоткрыв дверь, тут же скрылась в хате, на ходу дружелюбно пригласив входить. Десанникам это показалось странным: почему женщина запросто приглашает зайти незнакомых людей?

Ильин настороженно открыл дверь и, держа автомат наготове, шагнул через порог в темные сенцы. Серебряков притаился у входа, а сопровождающие — поодаль у изгороди.

Тем временем хозяйка дома тщательно завешивала окна, потом подошла к печи и зажгла от тлевших угольков длинную лучинку. При свете разгоревшейся лучины она взглянула на вошедшего в хату Ильина и на мгновение застыла с выражением удивления и испуга на лице. Стало очевидно, что хозяйка дома ожидала кого-то другого.

— В селе есть немцы? — спросил Алексей.

— Немцы? — о чем-то напряженно думая, переспросила женщина. — А кто их ведает? У городе, верно есть, а тут нема...

Вошел Серебряков, стал спрашивать хозяйку, нет ли в селе или поблизости в лесах партизан.

— Ой, да што вы, люди добренькие! Откуда ж я ведаю про то? — отвечала та.

Так бы, наверное, и не удалось десанникам что-либо узнать, если бы не счастливая случайность. Проснулся парнишка лет четырех или пяти, протер глаза, привстал и радостно залепетал:

— У! Пальтизаны плишли!

Женщина прикрикнула на мальчика, снова уложила его в постель и, невзирая на настойчивые просьбы Ильина и Серебрякова, на их уверения, что они свои, со-

ветские, продолжала упорно уверять, будто и понятия ни о чем не имеет. Слова мальчика она объяснила тем, что, дескать, еще осенью «заходили какие-то люди из леса». А на просьбу связать их с этими «людьми из леса» ответила:

— Ой, боже ж мой, люди добренькие! Ежели толиčko придут, то, пожалуйста, скажу, коль просите. На здоровычко! Наше дело такое: стучат? Отворяй да помалкивай... Темнота!

Теперь десантники не сомневались, что в местных лесах есть партизаны. Это обстоятельство было тем более отрадным, что приземлились они, как окончательно выяснилось из беседы с женщиной, не в намеченном заранее месте.

Попрошавшись с хозяйкой хаты, они вернулись к остальным товарищам и уже вместе отошли в лес. После короткого завтрака вся группа дружно приступила к работе. Сообща устроили шалаш из парашюта, замаскировали его ветками сосны, а дальше каждый занялся своим делом: один натягивал антенну для радиации, проверял работу аппаратуры, другой рыл колодец, третий оборудовал и маскировал место, отведенное для кухни.

Алексей Ильин и Отто Вильке изучали местность на случай вынужденного отхода. Так прошел день.

Перед вечером Ильин и Серебряков вновь отправились к уже знакомой хатке. Они не сомневались, что хозяйка этого неказистого домика имеет связь с партизанами, но никак не могли предположить, что в то самое время, когда они пробирались лесом, женщина, торопясь и волнуясь, рассказывала «лесным людям», как минувшей ночью к ней постучали и как она спросонья приняла незнакомого за своего.

— Ой, родимые,— покачивая головой, говорила женщина,— как же ж я спужалась, як личинка загорелась! Гляжу!— а от што хотите, не наш он! Все спрашивает, спрашивает, а я чую, дверь скрипит... Гляжу, з фонариком у руках второй заявляется... А тут еще Колька, бес такой, проснулся. «Партизаны пришли!»— кричит что есть сил. Ну, думаю, спалют мне проды хату...

Тем временем Ильин и Серебряков вышли к опушке леса и осторожно направились к знакомой изгороди, тихо миновали ее, подошли к домику. Как и прошлой

ночью, Ильин постучал в окошко, а Серебряков осмотрел двор и притаился за клуней. И снова из хаты слышалось: «Кто?», но дверь хозяйка открывала не сразу. Когда Ильин вошел, лучина уже горела, а на печи лежал человек, которого прошлый раз здесь не было. Он делал вид, будто чувствует себя как дома: лениво потянулся, зевнул, нехотя слез с печи и, не говоря ни слова, поплелся к ведру с водой.

Ильин насторожился.

Черпнув большой медной кружкой, незнакомец стал неторопливо пить, затем так же не спеша возвратился к печи и сел на лавочку напротив Ильина. Это был высокий, сухощавый, белобрысый парень с длинным чубом, свисавшим на лоб. Начались расспросы, взаимное прощупывание. Но вдруг в хату вошли еще двое. Эти были уже с оружием. Ильин вскочил, готовый открыть огонь, но, увидев на шапках обоих парней красные лычки, сдержался.

— Что хватаешься за оружие? Или совесть не чиста?...— спросил один из вошедших.

— На лбу не написано, у кого она есть, а у кого вся вышла,— ответил Ильин.

Но вскоре беседа приняла дружеский характер. Выяснилось, что партизаны устроили здесь засаду. В хату позвали Серебрякова и тут же решили, не теряя времени, тронуться в путь, а спустя два часа десантники уже сидели в партизанском штабе. Встретили их с распростертыми объятиями, тискали, целовали, обнимали, снова целовали. Шутка ли! Прибыли люди с Большой земли! Из самой Москвы!

В радостном порыве, обнимая всех подряд, Алексей оказался в объятиях краснощекой девушки с карими глазами и длинной русой косой. Поцеловал он ее так крепко, что она слегка вскрикнула. И только тогда десантник сообразил, что это девушка. Растерянно взглянули они друг на друга, и, хотя это длилось считанные секунды, замешательство Алексея и Оксаны не прошло незамеченным. Партизаны дружно засмеялись, а смущенная девушка торопливо скрылась за их спинами.

В честь гостей рано утром партизаны устроили праздничный обед. На столе то и дело появлялись тарелки с нарезанным ломтями салом, жареной картошкой, ква-

шеной капустой, одну за другой подавали яичницы на огромных сковородах. В центре стола водрузили большой жбан с жидкостью малинового цвета. От нее исходил не очень привлекательный аромат, однако присутствующие охотно наполнили жестяные кружки и дружно опустошили их, предварительно сказав несколько тостов — и за гостей-десантников, и за гостеприимных хозяев-партизан, и за Красную Армию, и за победу над врагом...

Ильин и Серебряков не успевали отвечать на вопросы партизан о жизни в Москве, о налетах вражеской авиации и причиненных ею разрушениях и о многом другом. Особое воодушевление вызвало сообщение десантников о наличии у них радики и возможности установить постоянную связь с Москвой.

— Вот это порядок! — воскликнул низенький щуплый партизан. Его пышные усы, как, впрочем, и болтавшийся на бедре маузер в деревянной колодке, придавали их обладателю вид подростка, воображающего себя бесстрашным, боевым командиром.

— А где ж ваша рация и прочие вещички? — прищурив глаз и покручивая ус, спросил он.

В самом деле, десантники пришли налегке. При них было только оружие и полевые сумки.

— Там, в лесу... с товарищами остались, — неопределенно ответил Серебряков.

— Как?! Вас, значит, не двое?

— Еще есть... — нехотя признался Ильин.

— Ай да начальник штаба! Маленький, маленький, да, оказывается, удаленький! Смекнул задать не хитрый, но дельный вопросик, — с иронией сказал один из партизанских командиров. — У тебя, товарищ начштаба, видать, глаз наметан...

— И видит все, а главное — насквозь! — перебив партизана, многозначительно произнес начальник штаба Скоршинин. Он нахохлился и, продолжая крутить ус, поглядывал на всех притворно равнодушным взглядом. Дескать, я себе цену знаю, меня не проведешь...

— Братцы, родные! — с упреком воскликнул командир отряда Афанасенко, черноволосый крупный человек в темно-синей гимнастерке. — Да вы что, остерегаетесь нас? Мы — советские люди! Я вот бывший директор МТС, член партии... Вот партбилет!

— Вы, товарищи, не обижайтесь, — ответил Ильин. — Ведь во вражеском тылу можно встретить всяких людей... Мы обязаны были убедиться в том, что все вы действительно партизаны, узнать, кто вами командует... Теперь, разумеется, мы доложим старшему нашей группы, что тут люди свои.

— И передайте, хлопцы, — по-дружески обнимая десантников, добавил Афанасенко, — что место у нас обжитое, милости просим переселяться к нам в лагерь. Уступим вам лучшие землянки, отдохнете малость, привыкнете к лесу, и тогда вместе будем бить фашистов! Идет?

Ильин и Серебряков переглянулись. Что они могли ответить на радужное предложение командира? Даже этим родным и близким людям, в помощи которых они нуждались и не сомневались, что получают ее, они не могли рассказать о том, что группа у них необычная и задание тоже необычное. Строго-настроено им было приказано соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах без санкции командования, то есть Москвы, никому не открывать ни состава группы, ни цели ее прибытия в тыл противника. И Алексей Ильин ограничился уверением, что обо всем непременно доложит...

Перед самым уходом Ильин, уловив момент, когда они остались один на один, сказал командиру отряда, что хотел бы заручиться его согласием на встречу с остальными десанниками.

— Но встретиться придется не здесь, а где-либо поближе к нашему расположению. И еще желательно, чтобы в первой встрече участвовали только вы, Николай Иванович, и комиссар...

В этот момент подошел Скоршинин, и Ильин добавил:

— Пусть вот и начальник штаба придет. Почему так, вы поймете при встрече...

Афанасенко дал согласие, но заметил, что комиссар находится на заставе и в лагерь вернется только через два-три дня.

Десантники покинули гостеприимный лагерь в приподнятом настроении, получив в подарок для остальных товарищей по рюкзаку с салом и сухарями и объемистую флягу с малиновой жидкостью.

Перевалило за полдень, когда Ильин и Серебряков вернулись в свое расположение. Обступившие их товарищи, затаив дыхание, слушали рассказ о встрече с партизанами, о наличии в районе дислокации гитлеровских войск, полиции и о прочем.

Щедрые дары и, главное, установление связи с надежными друзьями-партизанами сделали этот день во вражеском тылу радостным для десантников. В маленьком еще необжитом лагере воцарилось праздничное настроение. За обедом не смолкали шутки и смех. Рихард, сидя на бревне и уписывая за обе щеки хлеб с салом, то и дело качал головой и приговаривал:

— О, «шпек» отменный!

— А «шнапс»? — не выдержав искушения, кивнул Майер на флягу.

Намек был в адрес Рихарда. Разрешив выпить по стопке за здоровье партизан, он велел приберечь остаток содержимого фляги для «более важной цели». Майеру это не понравилось. Рихард понял намек, но промолчал и насупился. Таков был Рихард Краммер. Он не терпел возражений и не переносил в тоне собеседника панибратства. Во всем должна быть абсолютная дисциплина, каждый должен знать свое место. И за нарушение этих непреложных правил он журил Майера больше, чем кого бы то ни было, хотя ценил его не меньше других.

Никто не решился поддержать Майера. Только Фридрих Гобрицхоффер, выполнявший роль телохранителя Рихарда, в угоду шефу иронически заметил:

— Майер прав. Это не «шнапс», а мечта! От одного аромата выворачивает наизнанку!

— В этом-то вся прелесть! — шелкнув пальцами, игриво ответил Майер. — В наших условиях — чудесная находка!

— Для краснодеревца! — усмехнулся Отто Вильке. — Заменит любую политуру...

— Как бы там ни было, — добродушно парировал Майер, — мозги прочищает по всем правилам!

— Конечно, — оживился Рихард, — кто в чем нуждается, тот того и ищет! Но... есть и другой способ «прочищать мозги»! Прошу не забывать этого!

Майер, разумеется, понял, какой «способ» имеет в виду Рихард, но не обиделся. Вообще ему не свойствен-

но было обижаться и сердиться. Девизом этого человека атлетического сложения и огромного роста было: «спокойствие и уравновешенность». Он хотел было сказать что-то примиряющее о пользе обоих способов чистки мозгов, как вдруг с поста послышался условный сигнал тревоги.

Мгновенно все кинулись к оружию.

Прибежавший к посту Ильин увидел далеко впереди на узкой просеке трех всадников. Взглянув на них в бинокль, он сразу узнал двух молодых парней, ночью провожавших его и Серебрякова в партизанский штаб. Третий, в матросском бушлате и ухарски сдвинутой на затылок ушанке, был ему незнаком.

Ильин быстро пошел навстречу всадникам, чтобы остановить и под каким-нибудь благовидным предлогом не допустить в расположение десантников. Но, увидев Ильина, партизаны поскакали ему навстречу. Особенно в восторге был парень в бушлате. Спешившись на ходу, он бросился обнимать Ильина.

— Эх, мать честная, услышал, москвичи прибыли! Как же, думаю, не повидать земляков? А?! Не услышать живого слова, как там наши-то живут? Вот уговорил хлопцев вас разыскать! Место примерно знали. Так и помчались сюда...

Ильин всячески старался отвлечь гостей от шалаша, но попытки его были тщетны. Пока он обнимался с парнем в бушлате, двое других заметили людей и устремились к ним. Навстречу бежал Серебряков. Он тоже пытался задержать партизан, но те, ничего не подозревая, приветливо махали руками остальным десанникам, которые все еще стояли с оружием наготове.

Увидев Серебрякова, парень в бушлате кинулся к нему, но, заметив в петлице врача «шпалу», словно опомнившись, сделал шаг назад, энергично поправил съехавшую на затылок ушанку и, придав лицу серьезное выражение, четко отрапортовал:

— Товарищ капитан! Докладывает краснофлотец Черноморского... Иван Катышков! В октябре прошлого года попал в окружение под Одессой. Всю зиму пробыл к фронту, но... тут застрял. Теперь подрывник партизанского отряда «За правое дело». Родом сам из Москвы, столицы нашей Родины!

Пока Серебряков поневоле принимал «рапорт» у сившего от радости Катышкова, высокий партизан в казачьей фуражке с пышным золотистым чубом уже сердечно жал руки остальным десанникам. Теперь Ильин старался хотя бы «дирижировать» встречей...

Но вот восторженный Катышков устремился к шалашу. Увидев Рихарда в белоснежной сорочке, элегантных подтяжках и с автоматом в руке, он кинулся к нему.

— Папаша, привет! Партизанить, земляк, будем? А?!

Фрицев колошматить!

Оказавшись в объятиях Катышкова, Рихард неловко жестикулировал, издавал какие-то невнятные звуки, улыбался, всячески стараясь выразить партизану свое благорасположение.

— Ого, папаша!..— продолжал Катышков тоном бывалого воина.— Это «хозяйство» тут придется малость того... сбросить!— И парень по-приятельски слегка хлопнул Рихарда по животу.— Небось, в ресторанчике или в пивном шалмане директором был?

Рихарда Краммера с его приверженностью к строжайшему соблюдению субординации этот жест обескуражил. Он стоял с растерянным видом, то и дело повторяя:

— Корошо! Корошо!

А Катышков, завидев высокого Майера, бросился к нему.

— У-у, мать честная, вот так каланча, будь здоров! Этот прямо с земли рукой будет срывать телеграфные провода!..— И Катышков потряс руку великана, которому едва достигал до груди. Обычно флегматичный Майер был глубоко тронут сердечностью партизана. Он улыбался, одобрительно кивал головой и взволнованно приговаривал:

— Гут, гут, гу-ут!

— Видали?— обратился Катышков к дружкам.— Без году неделя в партизанах, а уж хвастает, что выучился калякать по-немецки: «гут», «фарштейн», «капут»... Эге, браток, и мы не лыком шиты... В Москве-то где живешь? Может быть, нашенский, с Марьиной Рощи? Во район!— и он энергично вытянул руку с оттопыренным большим пальцем.— А что, нет?

Майер, не поняв ни слова, продолжал улыбаться и одобрительно кивать головой. Ильин же и Серебряков,

стараясь отвлечь внимание неожиданных гостей, стали угощать их немецкими сигаретами. Все еще не замечая поведения «москвичей», партизаны охотно брали сигареты и удивлялись, что они так быстро раздобыли трофеи. А тут еще партизан в казачьей фуражке заметил висевшие в шалаше немецкие френчи с крестами и погонями. Выполняя приказ Краммера готовиться к отправке на задание, Майер успел уже отутюжить френчи и развесить их на самодельных вешалках-палочках.

— Тю-у, Ванька!— окликнул партизан Катышкова.— Поди погляди, фрицев-то сколько они уже нарубили!

Катышков подбежал к шалашу, заглянул внутрь, но вдруг замер, вобрав голову в плечи, и произнес:

— Полундра! Оружие наготове... Сниматься с якоря... Ясно?

— Чего, чего?— тревожным шепотом спросил чубатый.

— Влипли, говорю... Не видишь, что ли?

Теперь уже сами партизаны, стараясь не выдать возникших подозрений, старались скорее выбраться из «ловушки». Катышков взглянул на часы и деловито сказал:

— Загостились мы, братцы! Опаздываем...

— Верно, верно... Пора отчаливать,— заторопился и партизан с золотистым чубом.

Ильин и Серебряков, всячески стараясь, чтобы партизаны не почувствовали себя нежеланными гостями, наперебой уговаривали их повременить с отъездом, но гости, раскланиваясь и пятась от людей, которых по какому-то наваждению приняли за москвичей, едва добравшись до своих коней, рванули с места галопом.

Немецкие товарищи не поняли истинной причины столь поспешного отъезда гостей, но Ильин и Серебряков догадывались, и это их беспокоило. Надо было что-то предпринять, чтобы предупредить распространение слухов о необычном составе группы.

В шалаше возобновилась работа. Майер гладил свою шинель с погонями гауптмана. Сменившийся с поста Фриц Вильке чистил оружие, а Фридрих убирал в рюкзак пачки сигарет, которые приготовил для партизан...

— Каковы гости?— спросил Отто, обращаясь ко всем сразу.

— Симпатичные ребята!— добродушно ответил Майер.

— Не зря говорят, что у русских душа нараспашку!— заметил Фридрих.

— Душевный народ!— вставил Фриц, обычно молчавший, когда разговор вели старшие.

— И как это печально, что наши соотечественники принесли им столько горя,— задумчиво произнес Отто.

Наступила пауза. Лица собеседников помрачнели, никто не смотрел в глаза друг другу. И только Майер почему-то продолжал сдержанно улыбаться. Желая отвлечь товарищей от грустных мыслей, он шепотом сказал, предварительно бросив настороженный взгляд на выход:

— А вы видели, какое лицо было у нашего Рихарда, когда партизан хлопнул его по животу? Я думал, друзья, не выдержу, лопну от смеха! Наш шеф так вытаращил глаза, словно на него свалился потолок!— И Майер попытался изобразить Рихарда, но не выдержал, добродушно рассмеялся. Засмеялись и остальные. В этот момент в шалаш своей размеренной походкой вошел Рихард.

Моментально каждый углубился в свое занятие, воцарилась полнейшая тишина, будто разговоров и смеха не было и в помине.

Рихард неторопливо шелкнул зажигалкой, зажег бумажку и стал раскуривать трубку. Выпустив несколько густых клубов дыма и не отрывая глаз от трубки, он наконец нарушил тягостное молчание.

— Что ж вы не смеетесь? Ведь смешно как будто?

Все поняли, что Рихард слышал разговор, но никто не решился проронить хотя бы слово в ответ. Обведя всех холодным взглядом и несколько раз затянувшись так, что трубка заклокотала, Рихард саркастически добавил:

— А-а! Это я, видимо, помешал?! Что ж, извините...

Чувствуя себя виновником щекотливой ситуации, Майер отважился:

— Прошу прощения, но... мы просто так. Русские парни — веселые...

— А кто говорит, что они грустные?— прервал его Рихард.— Но имейте в виду, от такого «веселья» всем нам может стать тошно! Расползется слух, что из

Москвы прибыли десантники-немцы, да еще в нацистской форме, станет этот слух достоянием наших «братьев» из гестапо, вот тогда будет по-настоящему весело! Это, надеюсь, вы понимаете? Или думаете, сюда нас послали отсиживаться в лесу и получать от партизан шпек и шнапс?!

Десантники уже стояли навтыжку и молча смотрели Рихарду в глаза. Не сказав больше ни слова, он вышел из шалаша, заложив руки в карманы и дымя трубой.

— Прав,— вздохнув, проговорил Отто.

— Кто отрицает?— отозвался Майер, словно хотел оправдаться.

Рихард прогуливался с Ильиным в стороне от шалаша. У Алексея возник план действий. Он его изложил Рихарду.

— Завтра рано утром надо переменить место, а я и врач вновь отправимся к партизанам. Уладим, товарищ Рихард. Не беспокойтесь...

Солнце заходило, когда на взмыленных конях примчались в отряд Катышков и его друзья. Вспотевшие, с взволнованными лицами, вбежали они в штабную землянку.

— Командир тут?— едва переводя дыхание, спросил Катышков Скоршнина. Глянув свысока на запарившихся партизан, он лениво и сухо ответил:

— Нет его. А что надо?

— Шо, у лагере нету или у штабе?— переспросил белобрысый парень в фуражке.

— Ушел с бойцами на задание,— нехотя добавил Скоршнин и нетерпеливо переспросил:— А что случилось?

Партизаны разочарованно переглянулись.

— Ладно. Нет так нет,— сказал Катышков, подходя к столу, за которым сидел Скоршнин.— Так, значит, кого вы, товарищ начальник штаба, тут утром принимали?

— Как кого?— недоумевал Скоршнин.— Ты про десантников, что ли?

Катышков зло усмехнулся. Сняв ушанку, он вытер изнанкой вспотевшее лицо и шею:

— Жорка! Вася! Слыхали? Начальник штаба говорит «десантников»! Умора!

Катышков, как, впрочем, и многие в отряде, недолюбливал начальника штаба. Не нравилось ему, что Скоршинин вечно важничает, всех поучает своим птичьим голоском. И разговаривает с людьми так, будто все они олухи царя небесного и только он один умник. Теперь он не мог отказать себе в удовольствии продемонстрировать Скоршину свое возмущение за допущенный им промах.

Скоршину не нравился тон, которым партизан позволял себе разговаривать с ним, но, все еще не понимая, из-за чего парни всполошились, сдержался.

— Ты толком говорить можешь или нет?

— Хе! Слыхали?— лукаво подмигнул дружкам Катышков и не без издевки добавил:— Толком!..

— Я повторяю: здесь штаб партизанского отряда! Говорите толково, в чем дело?

— Толково хотите?— с издевкой переспросил Катышков.— Пожалуйста! Говорите, десантников принимали, москвичей?! Маху дали, товарищ начальник штаба! Фашистов вы тут принимали... Вот кого!

— Что ты мелешь!— вытаращил глаза Скоршинин.

— Не мелю, а говорю,— настаивал Катышков.— Факт! Фашисты они, самые что ни есть настоящие!

— Точно!— подхватил белобрысый.

— Френчи фашистские, а на них кресты и бляхи надраены, как на парад! И все-то у них на вешалочках, будто не в лесу они, а дома, в Берлине...

От волнения партизан замялся, но Катышков тотчас же его подзадорил:

— Говори, говори, Жора! Не бойсь! Крой толково!

— Ну я ж говорю... И автоматы у них фрицевские. У каждого вальтерок в новенькой кобуре, шинели отутюженные и все с плетеными погонами! А на черных свастики на красной ленте вокруг рукава, да значки с черепами в петлицах... Ну, все, решительно все фашистское.

— А главное, они ни бум-бум по-русски. Во как! Только и твердят, как попки, «корошо», да «корошо»...

— Верно хлопцы говорят, товарищ начальник, верно... Насквозь фашисты!— поддержал и третий парень,

зарекомендовавший себя в отряде человеком уравновешенным.

Скоршинин молчал, вид у него был растерянный, а Катышков торжествовал и, не щадя уязвленного самолюбия начштаба, назидательно продолжал:

— А те два типа, с которыми вы тут спозаранку выпивончик устроили,— шкуры предательские! Ловко они зубы вам заговорили! И нам хотели своей брехней да сигаретками мозги затуманить, но шалишь, не на таковых напали!

— Верно, верно, товарищ начальник штаба. Гады они отпетые! Вот, гляньте, какими сигаретами одаривали,—подтвердил третий парень и поднес к лицу Скоршину лежащие на ладони сигаретки. Скоршинин сморщился, хотел было брезгливо отвернуться, но передумал и, наклонившись, стал разглядывать на сигаретах немецкие фирменные марки. А Катышков не унимался...

— Во, мать честная, видали?! Вот вам и «толком»,— с укором произнес он.— Хороши десантники, нечего сказать... Один там у них, должно быть, главный, старый фашистский черт, с трубкой, в белой рубашечке с подтяжечками да в лаковых, бутылочкой, сапогах... Живот у него во-о-о, буржуйский, втроем не обхватишь! Такого и морской канат не выдержит, не то что парашют! А начальство все думает, «москвичи» пожаловали! Пожаловали, как бы не так...

Раннее утро застало десантников за работой. Уже сняли парашют, свернули антенны, уложили остатки багажа. Чтобы не помять отутюженную одежду, надели ее на себя и уже были готовы тронуться в путь, когда с поста прибежал Ганс Хеслер и, едва переводя дыхание, сообщил, что по просеке движется колонна вооруженных людей. Кто они, эти люди—окупанты или полицейские,—постовой не мог разглядеть. Да это и не имело значения. Принять бой—даже в случае самого благоприятного его исхода—означало выдать свое присутствие и тем самым надолго оттянуть, а то и вовсе сорвать выполнение возложенных на десантников задач. И девять одетых в немецкую форму человек, сгибаясь под

тяжестью набитых до отказа рюкзаков, поспешно двинулись в противоположную сторону.

Но не успели десантники сделать и сотни шагов, как заметили, что их догоняют и обходят с обеих сторон. Ничего не оставалось, как пробиваться с боем. Но что это? На шапках подступавших к ним людей десантники увидели красные партизанские ленточки. А по мере приближения наступающих Ильин и Серебряков узнали некоторых партизан, радушно принимавших их вчера в своем лагере. Наконец исчезли всякие сомнения, Ильин и Серебряков поднялись во весь рост и закричали:

— Слушайте, товарищи, это мы... свои!

Однако их слова не возымели никакого действия. Наступающие продолжали молча перебегать, прячась за стволами деревьев и все плотнее окружая группу. Наконец раздался повелительный окрик:

— Хенде хох!

Ильин взглянул в ту сторону, откуда раздался голос, и увидел боязливо высовывающегося из-за дерева Скоршнина.

— Бросай оружие к чертовой матери, не то как чесанем! — послышался голос Катышкова.

Ильин был уверен, что произошло какое-то недоразумение, что все выяснится и встанет на свое место, и, чтобы избежать напрасных жертв, предложил товарищам бросить оружие. Парашютисты оказались в плену... у партизан! Скоршнин запретил партизанам вступать в какие-либо разговоры с пленными, а на вопрос Ильина — что все это означает — коротко отрезал:

— Молчи, шкура!

Пленных десантников поместили в партизанской бане под усиленной охраной. Вскоре начались допросы. Собственно, допрашивали только русских, так как никто из партизан не владел немецким языком.

«Следствие» Скоршнин начал с Серебрякова. И когда конвойные выводили его из штабной землянки, Ильин увидел на лице врача синяки. В ходе допроса Ильин, не стесняясь в выражениях, предупредил Скоршнина, что он ответит за самоуправство и рукоприкладство. Это окончательно взбесило начальника штаба.

— Ах ты, сволочь! Угрожать вздумал? На... — он с размаху ударил Ильина по лицу и занес руку, чтобы ударить еще. Но один из охранявших Ильина партизан

заслонил его собою. Разъяренный усач приказал партизану выйти из землянки, но все же стал сдержанней.

На настойчивую просьбу Ильина запросить Москву Скоршнин, размахивая маузером, разразился руганью:

— Сукин сын! Каниючишь? Запутать хочешь? Сознайся, гад, какое задание получили от гестапо?

— Все ясно! Хотели взять живьем командование отряда? Так что ли? — продолжал Скоршнин и размахивал маузером перед самым носом Ильина, которого охраняли дюжие партизаны, вооруженные автоматами, отобранными у десантников.

— погоди! Ты у меня заговоришь! И не таких мы выдывали! — с перекосившимся от злости лицом цедил он сквозь зубы. — Да я и сам могу сказать тебе, кто ты такой, — и усач достал отобранные у десантников удостоверения, среди которых был документ Ильина (разумеется, на другую фамилию), но фотография не оставляла сомнений в том, что документ принадлежит ему. На документе отчетливо была тиснута печать Главного имперского управления безопасности. С яростью Скоршнин тыкал в нее пальцем и злобно приговаривал:

— Вот откуда ты приполз, гад! Вот...

Он дотошно перебирал все предметы экипировки десантников и каждый раз ядовито вопрошал:

— Немецкий шоколад — тоже из Москвы? А?

— И деньги гитлеровские в Москве раздобыли?!

— А пудру, одеколон для чего? Фашистов бить или кого подкупать?!

Попытки Ильина объяснить, что все эти вещи необходимы для выполнения задания командования, наталкивались на глухое и в создавшейся обстановке естественное недоверие.

Лишь на рассвете, когда сам Скоршнин изнемогал от усталости, допрос был прерван, и конвойные доставили десантников в баню. Товарищи ждали их с нетерпением. Они ужаснулись, узнав, что их принимают за гитлеровцев, а русских считают предателями и почему-то слушать не хотят, когда им предлагают запросить Москву.

Долго обсуждали десантники создавшееся положение, но так ничего и не придумали. Приходилось ждать возвращения в лагерь командира или комиссара отряда в надежде на то, что они сумеют разобраться.

Утром партизаны принесли пленникам ведро с вареном и сухари. И тут Рихарда вдруг осенило. Он предложил объявить в знак протеста голодовку.

— Это испытанный метод борьбы коммунистов, — сказал он. — Фашисты на такой акт не способны, и партизаны поймут это!

Но Скоршинин истолковал это по-своему.

— Хитрят, сукины сыны! Прикидываются бывалыми революционерами...

В Москве беспокоились. Рации десантников, словно по команде, прекратили выход в эфир. Что случилось? Неужели все погибли или угодили в лапы противника? Не может же быть, чтобы сразу испортились все рации... Ведь некоторые должны уже отправляться на задание. А путь к месту назначения — не короткий и нелегкий!

Опытнейшие радисты-слухачи рыскали по диапазону, слушали и вызывали рации десантников на основной и дополнительной волнах, но все было безрезультатно...

Между тем положение десантников усложнялось. Оккупанты предприняли карательную экспедицию в район, освобожденный партизанами. На заставах развернулись тяжелые бои. Кое-где партизанам пришлось потесниться. А остававшийся в лагере Скоршинин не преминул объяснить неожиданную активизацию оккупантов их стремлением вызволить пленников.

И Скоршинин приказал оставшимся с ним партизанам немедленно покинуть лагерь. Он торопил и назойливо твердил всем:

— Осторожность — не трусость...

Этот принцип, сам по себе правильный, Скоршинин применял только для того, чтобы избежать опасности, но отнюдь не с целью нанести врагу наибольший урон.

Партизаны ушли в глубь леса, конвоируя истощенных голодовкой, подавленных десантников. Только на четвертые сутки Скоршинин наконец убедился, что оккупанты и не пытаются выбрасывать десант на партизанский лагерь. К тому же высланные им связные сообщили, что бои на заставах прекратились, каратели ушли восвояси. И снова Скоршинин суетливо поторапливал всех в обратный путь, но на этот раз предусмотрительно не вспоминая свой девиз.

Печальной вестью встретили партизан прибывшие в

расположение лагеря раненые бойцы — убит командир отряда Афанасенко. Эта тяжелая для партизан утрата была вдвойне тяжелее для десантников. Рухнула их надежда на то, что командир отряда вернется и разберется. Теперь же до возвращения в лагерь комиссара за командира отряда оставался Скоршинин.

Тревожно было на душе у десантников. А в Москве отчаялись окончательно. Теперь было ясно, что с десанниками что-то произошло. По-прежнему ни одна их рация не выходила на связь, хотя уже несколько дней мощнейший передатчик круглосуточно вызывал своих корреспондентов одновременно на основной и запасной волнах...

С вечера разразилась первая весенняя гроза. Она оказалась предвестницей неприятных событий. Прибыли связные и сообщили, что карательные войска дотла сожгли шесть деревень. Жители одной из них не успели бежать в лес, их согнали в деревянное здание школы и заживо сожгли. Среди сгоревших оказалось много родственников партизан. К утру партизаны привезли трупы своих родных, чтобы похоронить в лесу. Среди них оказалась мать комиссара отряда Иванова, его жена и две дочери.

Сюда, по приказанию Скоршинина, под усиленным конвоем привели и пленников. Дескать, смотрите, изверги, смотрите и трепещите! Пощады не будет!

Десантники стояли с окаменевшими лицами. Они слышали гневный ропот партизан, понимали, какие чувства их обуревают, разделяли их горе и... молчали. Молчали, опустив головы и не глядя людям в глаза.

Прощаясь с останками жен, детей, стариков, родителей, люди плакали навзрыд и разражались проклятиями и угрозами в адрес все еще стоявших поблизости и утрадой смахивавших слезы пленников.

Покорников похоронили, у могильных холмиков остались только те, кто лишился самых дорогих и любимых людей, а пленников все еще не уводили: «Смотрите, изверги, смотрите и трепещите! Пощады не будет!»

Совсем опустела лесная полянка, ставшая теперь кладбищем, когда Скоршинин подошел к старшему конвою и приказал увести пленных.

— Всех вас, гадов, расстреляем за такие дела! Ферштейн? * — сказал он, с ненавистью глядя на проходивших мимо десантников. — А вас, предателей Родины, повесим! — добавил он, пропуская Ильина и Серебрякова.

Десантники понимали, что теперь только комиссар мог повлиять на Скоршнина и предотвратить задуманную им расправу. Но как поведет себя комиссар, узнав о постигшем его и многих товарищей по борьбе жестоком горе? Найдет ли он в себе силы не поддаться естественной в таких обстоятельствах жажде мщения?

Всю ночь десантники не сомкнули глаз. На рассвете до них донесся шум необычного для этого времени суток оживления: скрип колес и топот лошадей сливались с голосами людей. Все происходящее в лагере и доступное наблюдению десантники невольно связывали с мыслями о том, что ждет их в ближайшие часы, а быть может, минуты. Наступившая вскоре тишина, как и неожиданно возникший шум, казалась зловещей.

Тревожно забило сердце Алексея, когда утром открылась дверь бани и ему приказали выйти. Конвойные повели его не по той тропинке, по которой прежде водили на допрос к Скоршнину, и Ильин решил, что ему уже не суждено вернуться к товарищам. Он шел не чувствуя ни рук, ни ног. «Погибнуть так глупо! От своих же!» — твердил про себя Алексей. Он старался собраться с мыслями, что-то придумать, как-то убедить партизан, но мысли путались, обрывались...

Алексей не заметил, как его подвели к небольшой землянке. Когда он вошел и осмотрелся, к нему вернулись и ясность мысли, и самообладание. На застланном плащ-палаткой топчане лежал человек с забинтованной грудью. Находившиеся здесь же врач отряда и Оксана, обращаясь к раненому, называли его комиссаром.

В углу на табуретке лежала одежда комиссара, и на свисавшем рукаве выцветшей гимнастерки Ильин увидел эмблему ЧК. Волна безотчетной радости охватила его. Он верил, что этот человек сумеет распутать клубок подозрений, созданных воображением начальника штаба. Он понял, что нарушившие ночную тишину и встревожившие десантников звуки были вызваны возвращением в лагерь группы партизан. Вспомнилась и незнако-

мая ему тропинка, по которой всего несколько минут назад он шагал в состоянии полной обреченности. Теперь же она представлялась дорогой к жизни, к борьбе.

Алексей совсем забыл, что в глазах окружающих он все еще был предателем, изменником, и, встретив озабоченный и, как ему почудилось, укоризненный взгляд Оксаны, он смущенно отвернулся, будто и в самом деле был в чем-то непростительно виноват перед этими людьми.

Разговор комиссара начал с вопросов, на которые Ильин уже не раз отвечал за эти дни. Его раздражала необходимость опять и опять говорить о том, что, казалось бы, само собою разумеется. Но он всячески старался не выдать своего раздражения ни словом, ни тоном.

Ранение у комиссара было тяжелое, он с трудом говорил, время от времени замолкал, закусив губу и плотно сомкнув веки. Испытывал ли он в эти секунды приступы острой физической боли или перед его глазами всплывали образы заживо сожженных дочурок, жены, старушки матери — этого Ильин, конечно, не знал, но он видел и понимал, что человек этот тяжело страдает и все же говорит с ним без предубеждения, тактично, стремится трезво взвесить все обстоятельства.

И все-таки Ильин не смог сдержаться, когда речь зашла о том, как убедиться в правдивости слов десантников. С возмущением рассказывал Алексей комиссару об упорном и необъяснимом нежелании начальника штаба связаться по радио с Большой землей и получить необходимое подтверждение из Москвы.

— Ведь речь идет не только о судьбе девяти человек, — говорил Ильин, — но, что гораздо важнее, о выполнении очень серьезного боевого задания... Скоршнин просто не желает помочь нам. Да, да! Не желает! Он вбил себе в голову, что поймал гестаповцев, угрозами и кулаками хочет заставить нас подтвердить его фантастические подозрения, оклеветать самих себя...

Комиссар внимательно, не прерывая, выслушал взволнованную речь Ильина и, когда тот замолчал, спокойно и доброжелательно сказал:

— Связаться с Большой землей, с Москвой... Это разумно. Но как? Москву мы только слушаем, есть у нас радиоприемник, а вот двусторонней связи нет, радиции нет!

* Понятно? (нем.). — Прим. авт.

Слова эти привели Алексея в замешательство: «Как же партизаны проверяют, кто мы такие? Опять тупик?»

Наступила пауза. Ее прервала Оксана.

— Рация есть... У них вот отобрали, да не одну, а несколько...

По изнуренному лицу комиссара пробежала легкая улыбка. На реплику Оксаны никто не ответил, но это замечание направило мысли Алексея в новое русло.

— А что, если сделать так,— сказал он комиссару.— Я сообщу вам свои позывные для выхода в эфир на связь с Москвой, больше того, открою вам один из шифров и тогда под вашим контролем по одной из наших раций установлю связь с командованием, и вы получите необходимое подтверждение...

— Ничего из этого не выйдет,— ответил комиссар после некоторого раздумья.— Ведь мы ничего не поймем. У нас никто не знает азбуку Морзе. Ты будешь стучать на ключе, ты же будешь записывать ответную шифровку, а мы все равно не будем иметь уверенности в том, что ты говорил с Москвой... А ведь это главное!

Комиссар по-своему был прав. Ильин понимал это, но не мог заглушить в себе чувство обиды.

— Я, товарищ комиссар, предложил открыть вам шифр, пошел на крайнюю меру. Вы чекист и должны понимать, чем это грозит лично мне. Но я не вижу другого выхода. А вы тоже не доверяете. Что же остается делать? Сложить руки и окончательно сорвать выполнение задания Москвы?! Так, что ли? Ведь каждый день пребывания в вашей бане только на руку врагу! Я уж не говорю о том, что ваш начштаба грозил нам расстрелом.

— Говоришь ты складно, но...— комиссар вдруг застонал и замолк. К нему тотчас же подошел врач. Проверив пульс, он шепотом приказал караульному увести Ильина, но раненый, не открывая глаз, подал знак, чтобы Алексея не уводили.

Спустя минуту он едва слышно сказал:

— Сам знаю, что надо разобраться... Но как?

И снова надолго замолчал. Глядя на него, Алексей думал: «Вот человек! Тяжело ранен, потерял всех своих родных, а думает о нас!»

— Ладно,— вдруг произнес комиссар,— попытаемся... Сделаем так: дадим тебе рацию. Свяжешься со своим

командованием, доложишь, что партизаны приняли вас за фашистов, грозят расстрелять... И пусть Москва скажет, кто вы. Но так, чтобы мы услышали это по нашему приемнику!..— комиссар с трудом произносил эти короткие фразы.

— Пусть Москва передаст в сводке...

Опять наступила томительная пауза.

Ильин напряжению старался разгадать замысел комиссара. Ведь он не сказал самого главного: как может Москва в открытой передаче что-либо сказать о сугубо секретных делах? О какой сводке говорит комиссар? Совинформбюро?! Но не скажут же в ней, что в тыл врага сброшен десант... Тем более не скажут, из кого он состоит. Снова и снова Ильин пытался проследить ход мыслей комиссара и, доходя до слова «сводка», становился в тупик.

А комиссар молчал. Состояние его ухудшилось, и врач настоял на том, чтобы увести пленного.

Ильина отвели в баню. Рассказывая товарищам о беседе с комиссаром, Алексей неожиданно нашел разгадку его последних слов. Она состояла в том, чтобы включить в сводку Совинформбюро условную фразу или какие-то отдельные слова, цифры...

Ильин не успел сообщить подробностей, как его снова повели в землянку комиссара. Кроме врача и Оксаны, теперь здесь был Скоршинин. Когда Ильина ввели, он насунился и отвернулся. По выражению лиц присутствующих можно было догадаться, что до прихода Ильина разговор шел «на высоких тонах».

— Значит, договариваемся так,— начал комиссар, возвращаясь к прерванному разговору.— Даем тебе рацию, передашь своему командованию, в каком вы оказались положении, и сообщишь, что мы требуем подтверждения по открытому радиовещанию. Для этого пусть Москва включит в очередную сводку Совинформбюро, например, такую фразу: «Партизанский отряд «За правое дело» в боях с немецко-фашистскими захватчиками освободил 9 населенных пунктов, пустил под откос 6 воинских эшелонов...» Вот так. Текст радиogramмы показать мне до передачи... Все ясно?

— Ясно, товарищ комиссар! Можно выполнять?— вытянувшись в струнку и опустив руки по швам, бодро отчеканил Ильин.

— Выполняй... И скажи там своим, чтобы кончали голодовку. Делу она не поможет. Если правду о себе говорите, то силы беречь надо, а если брешете, то все равно не жить вам...

Уходя, Ильин впервые открыто взглянул на Оксану. Его привели в штабную землянку, усадили за стол, дали карандаш и бумагу. До связи с Москвой оставалось чуть больше двух часов, и Алексей, не теряя времени, принялся за составление радиogramмы. Он писал, перечеркивал, исправлял, стремясь изложить все предельно ясно и коротко. После условной фразы Алексей написал: «Если эта фраза завтра не будет включена в сводку Совинформбюро и не будет передана по общему радиовещанию, всех нас расстреляют».

Радиogramму отнесли комиссару. В ожидании ответа от него Ильин по памяти повторял содержание, стараясь представить себе, какое впечатление она произведет в Москве, не возникнут ли сомнения, все ли будет ясно...

Скоршинин лично принес завизированную комиссаром радиogramму. Принес одну из раций и динамо-машину с ручным приводом. Он неотступно следил за Ильиным, когда тот, стараясь сохранять спокойствие, стал шифровать. У радиста, как и у сапера, ошибка смерти подобна: достаточно спутать всего одну цифру, и в Москве могут не понять депешу...

По просьбе Ильина привели Альфреда Майера. Он установил антенну, натянул провода противовеса, опробовал работу динамо-машины и задумчиво сидел в ожидании, когда Алексей подаст ему знак крутить.

Скрипнула дверь. В землянку вошел Иван Катышков. Он принес два котелка с каким-то ароматным варевом и большой круглый хлеб. От запаха пищи у изголодавшихся Ильина и Майера закружилась голова. Ильин невольно вспомнил разумный совет комиссара прекратить голодовку. Но он еще не видел своих товарищей, не мог передать им слова комиссара, а решить это в одиночку или вдвоем с Майером было бы предательством. И Алексей решил ничего не говорить Альфреду и отказаться от пищи. Он гневно взглянул на Скоршинина, подозревая его в желании лишний раз поиздеваться над пленниками. Но на этот раз выражение лица Скоршинина не показалось Алексею враждебным. Скорее оно выражало растерянность и даже раскаяние. Тем не ме-

нее на предложение Скоршинина поест Алексей с нескрываемой неприязнью ответил отказом.

— Рубай, рубай!— обратился Катышков не столько к продолжавшему шифровать Ильину, сколько к судорожно глотавшему слюну Майеру.— Не отравись. Жратва гут! Не какой-нибудь «эрзац» из опилок, а щи партизанские с мясом. Будь здоров!

Майер все понял. Бросив взгляд на Ильина, он решительно отодвинул котелки, обернулся к партизанам и внушительно сказал:

— Коммунист!.. Понималь? Ленин! Москва!

Скоршинин от удивления разинул рот. Жалкий у него был вид, как у побитой собаки.

Катышков многозначительно подмигнул ему:

— Во, мать честная, видали?!

И, не спросив разрешения, сконфуженно унес котелки и хлеб.

Кончив шифровать, Ильин стал проверять рацию. Надев наушники, он включил приемник и начал прослушивать, есть ли помехи на волне, на которой будет работать Москва. Но что это? Он услышал позывные Москвы, хотя до установленного времени оставалось более получаса... Алексей насторожился. По мере того, как он устранял помехи, все отчетливее звучала морзянка: «СА-ноль, «СА-ноль»... Наконец позывной «СА» зазвучал так громко, что его услышал и Майер. Весь подавшись вперед, он вопросительно смотрел на Ильина. Они не знали, что обеспокоенная молчанием стольких раций десантников Москва уже несколько дней вызывала их круглосуточно.

— Москва?— прошептал Альфред.

— Москва!— ответил Алексей.— Крути!— кивнул он на динамку.

Завизжала динамка, на передатчике замигала контрольная лампочка. Несколько секунд Алексей отстукивал свой позывной, потом перешел на прием и тотчас же услышал позывной «СА-пять!». Москва слышала Алексея на пятерку! Началась передача шифрованной радиogramмы. Никогда еще, работая на рации, Алексей не испытывал такого напряжения, как в этот раз. Когда, наконец, радиogramма была передана, он почувствовал себя совсем обессиленным, веки смыкались, голова неудержимо клонилась вниз. Непрерывно крутивший руко-

ятку динамки великан Альфред дышал, как загнанный конь, и вытирал обильно выступивший пот с лица. Сказались бессонные ночи, голодовка.

Как во сне добрели они до своей землянки-бани. Вопросающим взглядом встретили их товарищи.

— Ин орднунг... *— все еще тяжело дыша и улыбаясь, сказал Альфред.

Собравшись с силами, Ильин воспроизвел по памяти содержание радиogramмы.

— Остается терпеливо ждать,— заключил он и спохватился.— Да, вот еще что! Комиссар настаивает на прекращении голодовки...

Договорить ему не дали. Оказалось, что, когда Ильин и Майер были в штабной землянке, комиссар вызвал Серебрякова и через него повторно передал десантникам предложение кончать голодовку. Не дожидаясь их решения, он приказал доставить пленникам хлеб и молоко. Но десантники не притронулись к пище. Они ждали Ильина и Майера, чтобы принять решение сообща. И теперь все молчали, так как первое слово должен был сказать, конечно, Рихард Краммер.

— Что ж,— начал он,— положение изменилось. Навивно было бы думать, что комиссар поверит нам на слово. Однако он не впадает в крайности, что свойственно начштабу. Больше того, он нашел разумный выход из положения. Завтра, надеюсь, все станет на свое место... Предлагаю прекратить голодовку.

— И выпить за здоровье комиссара по стопке... млека!— подхватил Майер.

— Именно по стопке плюс сто граммов хлеба, и ни капли больше!— серьезно сказал Серебряков.— Иначе после стольких дней голодовки не поручусь, что не наживете заворот кишок.

— В таком случае рекомендую избрать «виночерпием» и хлебоборозом доктора Серебрякова,— заметил Отто Вильке.

Дрожащими руками Серебряков разлил молоко, нарезал кусочки хлеба. Дрожащими руками взяли десантники свои порции, медленно, стараясь продлить удовольствие, съели их.

— О-о! «Шпек» отличный!— улыбнулся Майер одними глазами, и все невольно вспомнили о блаженстве, с которым совсем недавно Рихард насыщался салом, присланным партизанами.

— А «шнапс» тебе все-таки не удалось допить!— парировал Рихард.

Пока ели и разговаривали, настроение у всех было приподнятое. Наступил вечер, и десантники благоразумно легли пораньше, чтобы отоспаться за все бессонные ночи, но никто не уснул. Множество тревожных вопросов возникало в мыслях каждого: «Нет ли ошибки в шифре?», «Как отнесется Москва?», «Успеют ли включить в сводку условную фразу?», «Надежный ли у партизан радиоприемник?..».

Незаметно подкралось утро. Все оживленнее становилось щебетание просыпавшихся птиц. Послышалось фырканье коней, получивших утреннюю порцию овса. Закипела работа на кухне: раздались удары колуна, донесся женский говор. Наконец послышались шаги множества людей, приближавшихся к бане, короткая команда «стой» и... на пороге появился Скоршинин с маузером в руке.

Под усиленной охраной десантников отвели в штабную землянку. Сюда же перенесли раненого комиссара. Он полулежал на нарах. Обросших людей в немецкой форме комиссар встретил жестом, приглашавшим садиться на скамью у столика, на котором стоял старенький радиоприемник с большим облезлым громкоговорителем. Наступила гнетущая тишина, словно в зале суда в ожидании вынесения приговора. В сущности, так оно и было...

Сидевшие тут командиры подразделений старались не смотреть в глаза пленникам, чувствовали себя виновными в постигшей их участи, и только Скоршинин делал вид, что ничего достойного сожаления не произошло, и, как всегда в таких случаях, был весьма деятельным: то шептал кому-то на ухо, то наказывал дежурившему у радиоприемника не прозевать Москву, то выбегал из землянки и проверял готовность выставленного им усиленного наряда для охраны штаба...

Минутная стрелка на помятом будильнике с паровозом на циферблате приблизилась к двенадцати. Зазвучали позывные московской радиостанции. Все заерзали, с трудом сдерживая волнение. Не выдержав, шумно

вздыхнул Серебряков. Он-то действительно был москвич! Но вот раздался перезвон курантов, последовали шесть ударов и полилась торжественная мелодия «Интернационала».

Рихард встал. Как по команде за ним встали все десантники. Поднялись и партизаны. И только комиссар Иванов продолжал лежать. Судорожно забегавшие на скулах желваки выдавали охватившее его волнение. Наконец раздался хорошо знакомый всем голос диктора:

— Говорит Москва! Говорит Москва! Радиостанция «Р. В. имени Коминтерна»!..

Диктор начал читать сводку Совинформбюро... Слушала ее вся Страна Советов, весь мир! Но не было на всем свете людей, которые слушали бы ее с таким всепоглощающим вниманием, как собравшиеся здесь. Затаив дыхание, сидели десантники. А диктор рассказывал о событиях минувшего дня, переходил от одного фронта к другому, наконец заговорил о сбитых зенитной артиллерией фашистских самолетах, о показаниях пленных гитлеровцев... Сводка подходила к концу, но ничего похожего на условную фразу не было произнесено...

По лицу Ильина, на которого все чаще тревожно поглядывали остальные десантники, катился градом пот. «Неужели ошибся при шифровке или работая на ключе?» — с ужасом думал он.

Скоршинин ерзал на сундуке, слегка барабанил короткими пальцами по деревянной колодке маузера. Он уже вновь возвращался в мир своих односторонних, превратных суждений и под конец сводки едва сдерживал рвущийся наружу торжествующий возглас: «А, что я говорю?! Теперь ясно, кто прав?!»

Диктор замолчал. В репродукторе отчетливо послышалось шуршание бумаги. Как завороженные, немигающими глазами смотрели люди на репродуктор. «Неужели конец?..» И тут на этот молчаливый вопрос последовал ответ. Отчетливо, с особой выразительностью, диктор снова заговорил:

— Партизанский отряд «За правое дело» в боях с немецко-фашистскими захватчиками освободил девять населенных пунктов, пустил под откос шесть воинских...

Присутствовавшие в землянке не успели дослушать фразу, как комиссар восторженно вскрикнул:

— Эх, братцы родные! Вот оно... Москва! Москва ответила!

Взрыв восторженных возгласов потряс землянку. Люди ликовали, обнимались, жали друг другу руки. Комиссар с каждым десантником обменялся крепким рукопожатием, а Алексея пригнул к себе и поцеловал. Один Скоршинин стоял в углу и натынуто улыбался. Спыхватившись, он выбежал из землянки, чтобы срочно снять усиленную охрану, и не вернулся обратно.

Десантников отвели отдыхать в лучшую землянку. Тотчас же специально для них затопили баню. Врач отряда вместе с Серебряковым выработали особый рацион питания на ближайшие дни, чтобы предупредить возникновение каких-либо осложнений после голодовки.

...Прошло всего несколько дней, и десантники вплотную приступили к выполнению возложенного на них задания. Партизаны помогали им, добывая сведения о расположении, численности и родах войск противника, о чинах и фамилиях офицеров вермахта, гестаповцев и эсэсовцев. На территории Советского Союза, оккупированной фашистами, десанникам предстояло начать свои действия. Выполнение же конечной и главной задачи должно было произойти в самой Германии. Чтобы добраться туда целыми и невредимыми, мало было вырядиться в мундиры гитлеровцев и в совершенстве владеть немецким языком. Нужна была еще большая осведомленность, чтобы при вынужденных беседах с подлинными гитлеровцами не попасть впросак.

Как-то один из партизанских разведчиков, рассказывая об эсэсовских частях, сказал, что всеми эсэсовцами верховодит некий Витенберг.

— Витенберг? А может быть, Вихтенберг? — насторожился Отто Вильке.

Разведчик извлек из полевой сумки тетрадь и не без удивления подтвердил:

— Правильно, Вихтенберг. Я ошибся.

Отто попросил рассказать подробнее об этом эсэсовце. Положить конец кровавой деятельности этого палача давно уже входило в планы партизан, но добраться до него было трудно. Стало известно, что эсэовец выезжает по воскресным дням в своем автомобиле на прогулку за город. Однако его машина ни на метр не сворачивает с шоссе, а до него от леса более четырнадцат-

цати километров. Обычная засада средь бела дня исключалась.

Персона Вихтенберга и его машина (по всем данным, это был вместительный «Майбах») привлекли внимание десантников. И тот и другая могли сослужить им хорошую службу в самом начале предстоящего пути, чреватого всякими неожиданностями. Взвесив все обстоятельства, они решили привести в исполнение намерение партизан — пресечь деятельность этого палача. Для этой цели десантникам понадобилась легковая автомашина. Партизаны добыли маленький, изношенный «Оппель». В его капоте были две изрядной величины пробоины — следы партизанской броневой атаки.

...Воскресный день выдался пасмурный, но тихий. Можно было рассчитывать, что Вихтенберг не откажет себе в удовольствии совершить традиционную прогулку. И «оппелек» выехал на шоссе.

На заднем сиденье расположились Отто Вильке в форме полковника вермахта и «оберлейтенант» Алексей Ильин; за рулем — Фриц Вильке в форме СС, рядом с ним Фридрих Гобрицхоффер в форме оберштурмфюрера СС с черной повязкой на правом глазу. Фридрих больше чем кто-либо из десантников своей внешностью походил на щеголеватого высокомерного эсэсовца.

«Оппелек» катил по пустынному шоссе. Движение в этот день было не столь интенсивным, как в будни. Отъезжать далеко от места, где они выехали с проселка на асфальт, не входило в расчеты десантников. И потому «оппелек» время от времени, когда ни впереди, ни сзади не было видно транспорта, разворачивался в обратную сторону и до минимума убавлял ход. Глядя со стороны, его можно было принять за патрульную машину. С изредка появлявшимися встречными грузовиками «оппелек» разъезжался на полной скорости, а следовавших в одном с ним направлении пропускал вперед.

Далеко позади показалась легковая автомашина. Фриц убавил ход, давая ей возможность догнать «оппелек». Но это был приземистый «Адлер», да и шел он не с того направления, откуда должен был с минуты на минуту появиться «Майбах». Но вот, наконец, далеко впереди показалась черная точка, которая быстро разрасталась в пятно и вскоре приняла очертания, не оставлявшие сомнения в том, что это и есть «Майбах».

«Оппелек» рванулся навстречу. Когда расстояние между машинами сократилось до двухсот — трехсот метров, «оппелек» притормозил, из него поспешно выскочил Гобрицхоффер и, пробежав несколько шагов навстречу черному лимузину, встал посреди шоссе, размахивая над головой обеими руками. «Майбах» затормозил и остановился поодаль.

Фридрих подбежал к лимузину и чинно приветствовал развалившихся на заднем сиденье сухопарого с изрезанной шрамами физиономией штандартенфюрера СС и его соседа в штатском — толстяка с круглым свекольного цвета лицом. Наклонясь к приспущенному стеклу передней дверцы, за которой рядом с шофером сидел рослый адъютант штандартенфюрера — оберштурмфюрер СС, Фридрих извинился за беспокойство и взволнованно предупредил, что впереди, в километре отсюда, машина с его спутниками подверглась обстрелу.

Сухопарый эсэсовец с посеребренным черепом на черной фуражке пренебрежительно процедил:

— А вам не почудилось? Быть может, не выветрились винные пары?

— Прошу прощения, господин штандартенфюрер, — с достоинством ответил Фридрих, — можно, разумеется, усомниться в моей способности отличать звуки выстрелов от карканья ворон, но вы можете лично убедиться в том, что в капоте нашей машины есть пробоины!

Адъютант штандартенфюрера оглянулся на шефа, ожидая его распоряжения. Тот молча подал знак. Эсэсовец тотчас же вышел из «Майбаха» и направился к «Оппелю». Отдав честь сидевшему в машине полковнику, он бросил беглый взгляд на пробоины, сокрушенно покачал головой и вернулся к своей машине.

Вслед за ним из «Оппеля» вышел Отто Вильке. В белых перчатках, с моноклем в глазу, важно и спокойно он направился к лимузину. За ним в качестве адъютанта следовал Ильин, которому на время проведения этой операции было дано имя Альфреда Майера.

Они подошли к лимузину, когда эсэсовец уже доложил своему шефу о пробоинах в капоте «Оппеля».

Штандартенфюрер взглянул на подошедшего полковника, и на лице его отразилось крайнее изумление. Он приоткрыл дверку, чуть подался вперед и, не отводя глаз от полковника, высокомерным тоном спросил:

— Фон Вильке?

Отто неторопливо поправил монокль и сухо ответил:

— Совершенно точно, герр Вихтенберг. Как видите, у нас обоих недурная память.

— Да, но... вы, насколько мне известно, были в Испании?! С так называемыми республиканцами?! Затем вообще исчезли... Или я что-то путаю?

— Нет, вы не путаете. Именно в связи с предстоящей поездкой в Испанию вы имели удовольствие допрашивать меня на Бендлерштрассе, 14. Но... с тех пор многое изменилось, герр Вихтенберг...

— Да, я вижу... Вы снова в составе вермахта?

— Это долго рассказывать, да и некстати. Надеюсь, у нас будет время поговорить. А сейчас попрошу всех вас проявить благоразумие и... поднять руки. Вы арестованы!

В одно мгновение Фридрих выхватил из кобуры пистолет и направил его на шофера, а Ильин навел автомат на адъютанта эсэсовца. Одновременно из «Оппеля» выскочил Фриц. И только Отто Вильке по-прежнему стоял неподвижно, опустив руки в белых перчатках.

Не сразу гитлеровцы поверили, что вся эта сцена не шутка. Полковник говорил так спокойно, невозмутимо... «Нет, нет! Конечно, это шутка, неумная шутка!..» — эта мысль сквозила в промелькнувшей на лице Вихтенберга снисходительной улыбке. И тут впервые десантники увидели, как внезапно преобразился Отто Вильке. Он померк, сжал кулаки и резким, повелительным голосом скомандовал:

— Руки вверх!

Руки гитлеровцев дернулись кверху, но стоявший у открытой передней дверцы машины адъютант поднимал их медленно и вдруг рванулся к открытой дверце, схватил лежавший на сиденье автомат... В ту же секунду короткой очередью из автомата Фриц свалил его.

Вскоре тяжелый «Майбах» и подпрыгивающий на ухабах «оппелек» пылили уже по проселочной дороге и через полчаса углубились в лес. За рулем «Майбаха» сидел Фриц Вильке, рядом с ним Фридрих Гобрицхоффер. Он снял повязку с глаза и навел автомат на заднее сиденье, где, прижатые друг к другу, с закинутыми на затылок руками, сидели трясущийся от страха кругло-

лицый штатский, прыщеватый шофер и побледневший штандартенфюрер СС. В ногах у них лежал труп адъютанта.

Пленных доставили в распоряжение десантников, которые теперь обосновались рядом с партизанским лагерем. Сразу сюда пришел комиссар отряда Иванов. Он уже ходил по лагерю, но грудь еще была перебинтована. Здороваясь с Отто Вильке, комиссар пошутил:

— Это тоже десантники? Из Москвы?

Отто понял намек и со свойственной ему едва заметной усмешкой отрицательно покачал головой:

— На этот раз — нет... Это из Берлина! Наци!

Стоявший рядом с трубкой в зубах Рихард взял комиссара под руки и, обращаясь к Серебрякову, сказал:

— Прошу, доктор, переведите товарищу комиссару, что эти, — указал он на пленных, — не способны объявить голодовку протеста! Нет! Разные бывают немцы. Да, да...

Подошел Ильин. Он уже успел переодеться. Увидев красную полоску на его фуражке, штандартенфюрер безнадёжно пробормотал:

— Партэзан?

Тотчас же спохватившись, он крикнул, напыжился и презрительно покосился на толстяка в штатском, совсем раскисшего и не перестававшего шептать трясущимися губами: «О-о, майн гот, майн гот!» *

Пленных увели. В кругу партизан, обступивших десантников, Отто Вильке показывал отобранный у штандартенфюрера «вальтер». Серебряков перевел надпись, выгравированную на кожухе пистолета: «Тигру Вихтенбергу за Францию и Скандинавию. Г. Гиммлер, рейхсфюрер СС. Берлин. 1941».

Заметив, как жадно Катышков разглядывает пистолет, его постоянный спутник белокрысы Жора в казацкой фуражке подзадорил:

— Вот бы, Ваня, тебе такой, порядочек был бы!

Катышков причмокнул, почесал затылок и решительно шагнул вперед.

— Товарищ Отто! Может, махнем? Даю два, понимаете, цвай парабеллум и в придачу три... нет, четыре штуки трофейных часов! Идет?

* О-о, мой бог, мой бог! (нем.). — Прим. авт.

Под дружный смех окружающих Катышков полез в карман и достал целую горсть часов. Серебряков перевел ответ Отто:

— Охотно, дорогой друг, отдал бы тебе его и так, но... с этой надписью он еще может нам пригодиться...

Разочарование Катышкова было недолгим. Многозначительный намек на предстоящие десанникам дела разжег его воображение. Ему уже рисовались картины, как Отто Вильке выдает себя за «тигра Вихтенберга» и захватывает в плен Гимmlера, Гитлера и всю их бандитскую шайку.

— Товарищ Отто, молчу... Все ясно! — таинственно и восторженно заключил Катышков.

Ему давно уже хотелось оправдаться перед десанниками за доставленные им тревожения. И вот сейчас такая возможность представилась.

— А вам, товарищ, — обратился он к Рихарду, — пердяга эта, будь она неладна, на пользу пошла! Живот-то, гляжу, малость поубавился! Эх, мать честная! Чуть было не натворил бед... И кто всех взбаламутил? Я-то что — рядовой! А вот некоторые начальники не скумекали, что к чему...

Выслушав перевод, Рихард покровительственно похлопал Катышкова по плечу и попросил Серебрякова передать ему, что «мы — свои люди. Важно другое — чтобы гестаповцы не пронюхали о нас...». Рихарда это беспокоило, и он не упускал случая напомнить молодым партизанам, чтобы они, как говорят, держали язык за зубами.

В тот же вечер из Москвы была получена ответная радиограмма, в которой командованию партизанского отряда предлагалось подготовить посадочную площадку для приема самолета. Штабс-артенфюрера и его спутников — шофера и инженера по деревообработке, прибывшего на оккупированную территорию «изучать» лесные запасы России, предстояло отправить в Москву.

Начались поиски подходящего места для посадки самолета. Найти его было не просто: повсюду в населенных пунктах противник держал гарнизоны, а вдали от них, в зоне, где партизаны могли бы спокойно принять самолет, лесные поляны были малы да и почва либо болотистая, либо песчаная. Наконец решили подготовить посадочную площадку на поле, недалеко от

села, дотла сожженного оккупантами. Оно было достаточно ровное и удалено от гарнизонов противника.

Все было готово к приему самолета, но как назло наступила нелетная погода, шли дожди, почва разбухла. В довершение всего занемог Вихтенберг. Оказалось, что он страдает диабетом, нуждается в строго определенной диете и ежедневной инъекции инсулина.

Оповещенная об этом Москва требовала оказать пленному квалифицированную медицинскую помощь. Но если проблему соблюдения диеты Серебряков и врач отряда кое-как разрешили, то инсулина в их распоряжении не было. Между тем состояние больного резко ухудшилось, появились признаки грозного осложнения, так называемой диабетической комы, могущей окончиться смертельным исходом. Надо было срочно раздобыть инсулин.

На помощь пришли партизаны. Они достали этот препарат через своих связных в ближайшем крупном населенном пункте, где была больница и при ней — аптека. Присмотр и уход за больным эсэсовцем возложили на Фрица Вильке, сына Отто Вильке. Теперь он проводил дни и ночи у постели больного, безропотно выполнял самые прозаические обязанности санитара и при этом тщательно скрывал от больного чувство непримиримой враждебности, которое питал к этому палачу.

Тем временем группа десантников из четырех человек закончила подготовку к отъезду в Германию. Ее возглавлял Рихард Краммер. С ним уезжали Фридрих Гобрицхоффер, Альфред Майер и в качестве водителя «Майбаха» опытный шофер такси берлинец Ганс Хеслер.

Старый номер машины Ганс снял и заменил новым, предусмотрительно заготовленным по немецкому образцу еще в Москве, и так отполировал машину, словно ей предстояло участвовать в параде. Партизаны и тут оказали десанникам бесценную помощь: они раздобыли восемь полных канистр бензина, бидон масла и вполне пригодные для «Майбаха» запасные камеры.

Прощание было сдержанным. Друзья похлопали друг друга по плечу и пожелали скорой встречи в Берлине... Перед рассветом «Майбах» тронулся в далекий путь. До магистрального шоссе его проводили верхом на конях Алексей Ильин и группа партизан. Они молча

смотрели вслед удалявшейся на запад машине, пока ее огонек не утонул в туманном сумраке наступавшего весеннего утра.

Затянувшееся пребывание штандартенфюрера СС среди десантников отец Фрица, Отто Вильке, использовал для всестороннего ознакомления с жизнью страны, которую он вынужден был покинуть задолго до войны. Он часто навещал высокопоставленного эсэсовца и заводил разговоры о судьбе общих знакомых, особенно офицеров вермахта, об их положении в обществе. Попутно выяснялись, казалось бы, не имеющие значения подробности быта, нравы, служебная субординация правящих слоев современной Германии.

Состояние здоровья эсэсовца уже не внушало опасений. Он совсем воспрянул духом и не переставал рассыпаться в благодарностях за человеческое к нему отношение. Особенно признателен он был Фрицу и даже как-то сказал Отто Вильке, что искренне завидует ему, отцу столь великодушного, воспитанного и мужественно-го сына.

— Признаюсь,— сказал он,— если бы все это произошло не лично со мной, никогда не поверил бы в возможность такого отношения коммунистов к своим непреклонным и по необходимости порою жестоким противникам...

Отто молчал. У него не было желания вступать с отъявленным фашистом в никому не нужную полемику. А Вихтенберг расценил это молчание как признак сомнений фон Вильке в правильности избранного им пути. И Вихтенберг решился:

— И все же не могу понять, как это вы, потомственный офицер рейха, чистокровный немец из столь известного в стране рода, и вдруг эмигрировали в Россию! Более того, вы с партизанами! Непостижимо! Фон Вильке с большевиками, которых цивилизованный мир считает варварами XX века!

Как в калейдоскопе, замелькали в памяти Отто картины разнузданного варварства, чинимого сворой коричневорубашечников на протяжении вот уже десяти лет. И вдруг перед его глазами с ужасающей отчетливостью возникла картина недавних похорон изуродованных огнем трупов детей, женщин, стариков. В ушах зазвучали причитания и плач, клятвы и проклятия пар-

тизан и партизанок, прощавшихся с останками родных и любимых, глухой ропот и угрожающие выкрики по адресу десантников.

Вильке смотрел на голый пол землянки, а видел кусочек поляны с притоптанной травой, на которую, понурив голову, смотрел тогда, не в силах ни вздохнуть, ни шевельнуться. Он вновь, как и тогда, болезненно ощутил всю трагедию немецкого народа, ответственного перед человечеством за чудовищные преступления нацистских мракобесов.

С презрением и ненавистью взглянул он на Вихтенберга и впервые в разговоре с ним дал волю чувствам.

— А на каком, собственно, основании вы причисляете себя и вам подобных к цивилизованному миру? Не на том ли, что сжигаете младенцев и книги, насилуete женщин и истязаете пленных? Или потому, что душой и телом причастны к массовому истреблению славян и евреев?! Конечно, не волчья шкура, а хорошо сшитый мундир облегал ваше коленое тело в момент, когда вы, Вихтенберг, отдали приказ сжечь запертых в школе детей и женщин! Нет! Не хорошо сшитый френч или смокинг, не белые перчатки и начищенные до блеска сапоги, не железные кресты и свастика делают человека цивилизованным! У вас, нацистов, нет главного, что присуще подлинно цивилизованным людям: вы лишены горячего человеческого сердца...

Это был последний разговор Вильке с эсэсовским бонзой. Между тем прошло еще несколько дней, прежде чем установилась летная погода и Москва радировала о посылке самолета.

В тот же день под вечер десантники и две роты партизан построились в колонну и направились к подготовленной для приема самолета площадке.

Колонна двигалась по узкой лесной просеке. Впереди шли дозорные, за ними следовали три телеги с ездовыми: на первой сидел шофер-эсэовец и конвоир, на второй — толстяк-инженер, также с конвоиром. На третьей — комиссар Иванов, Отто Вильке и Алексей Ильин. Следом шел штандартенфюрер СС и сопровождавший его Фриц Вильке с автоматом наперевес. А за ними, поскрипывая и тарахтя, двигались телеги с соломой для сигнальных костров. Колонну замыкали две

роты партизан, предназначавшиеся для охраны посадочной площадки.

Местами просека сужалась, и сквозь густые кроны деревьев, черневшие над головами, нельзя было различить сгустившуюся синь вечернего небосвода. Штандартенфюрер шагал бодро. Он не раз говорил Фрицу, что всегда был страстным любителем пеших походов, и теперь как бы демонстрировал свою выносливость. Но через некоторое время Фриц заметил, что эсэсовец на ходу достал платок и вытер лицо. Спустя несколько секунд он еще и еще раз проделал то же. Фриц предложил ему сесть на телегу, отдохнуть.

— О! Благодарю, юноша, я не устал и, кажется, готов был бы идти бесконечно. Но гнетет назойливая мысль: к какой развязке неумолимо приближаюсь я с каждым шагом? Вы были столь внимательны, предложив отдохнуть, так уж не откажите в пустяке: разрешите прикурить сигарету.

— Прикуривайте...

Ухо партизан привыкло к переключке кузнечиков, таившихся в придорожном густом кустарнике, к тархтению телег. И вдруг в сплетение этих убаюкивающих звуков и тишины ворвалась короткая очередь из автомата. Колонна моментально остановилась.

— Кто стрелял?— тотчас же крикнул комиссар Иванов.

Сзади в колонне слышались голоса партизан:

— Кто стрелял?

— Кто стрелял?

Ильин соскочил с телеги и бросился к ротам, но уже через несколько шагов споткнулся о человека, лежавшего на земле.

— Скорей сюда! Быстрей!

Подбежавший партизан осветил лежавшего фонариком. Это был Фриц. Его глаза были полузакрыты, и на лице застыла едва заметная улыбка. Отто Вильке принял к нему:

— Фриц! Фриц, что с тобой, мальчик мой?!

Но Фриц лежал неподвижно.

— Где штандартенфюрер?— спохватился Ильин.

— И автомата нет!— тревожно бросил Серебряков, расстегивая на Фрице френч и разрывая рубашку, взмокнувшую от крови.

Стало очевидно, что стрелял эсэсовец и что он бежал.

Моментально комиссар дал команду ротам прочесать лес по обеим сторонам просеки. Раздались команды ротных, и уже минуту спустя партизаны рассыпались в цепи. Быстро, насколько позволяла непроглядная тьма, углубились они в лес. Назад в лагерь помчался верховой. Поднятые им по тревоге партизаны выступили из лагеря, чтобы перекрыть дороги, ведущие из леса, выставить посты наблюдения в местах, где мог проскользнуть гитлеровский бандит. Печальная процессия тронулась в обратный путь. Отто шел, держась за телегу, на которой везли тело убитого. Его сопровождали доктор и несколько партизан.

В полдень Отто вернулся к месту гибели сына. За ним неотступно следовал Серебряков. На земле они нашли четыре стреляные гильзы, одну недокуренную и одну совсем целую, только чуть прижатую к сигарете. Больше ничего.

Убитый горем Отто за все это время не произнес ни слова. Молча он долго смотрел на подобранные сигареты...

Почти целые сутки шли поиски, но безрезультатно. Эсэсовец как сквозь землю провалился. А самолет так и не сел, летчики не обнаружили сигнальных костров.

Партизаны вернулись в лагерь, когда солнце уже опустилось за тянущуюся по горизонту лесную гряду и выбрасывало из-за нее широкие огненные полосы. И чем больше оно уходило за горизонт, тем больше оранжевые тона переходили в багрово-красные...

На следующий день партизаны провожали в последний путь Фрица Вильке. В отряде не было человека, который не пришел бы проститься с молодым десантником. У могилы сына Отто впервые за это время заговорил, заговорил глухо, но твердо:

— Нацизм нанес мне еще один жестокий удар... Тяжело сознавать, что больше не увижу своего мальчика, с которым дружил как с равным, как с товарищем, которого так любил... Но мы, коммунисты, были бы недостойны носить звание членов партии, если бы не смогли выдержать даже такое испытание... Я перенесу эту тяжелую утрату, найду в себе силы сохранить ясность ума, способность бороться с фашизмом, карать

нацистов за преступления, за горе, которое они принесли комиссару Иванову, вам, партизанам, мне, немцу, всему человечеству!

Отто замолчал. Когда раздался прощальный залп, он вскинул руку с крепко сжатым кулаком.

На исходе дня десантники нашли его уединившимся неподалеку от лагеря. Он не стал выслушивать слова утешения и, прервав товарищей, сказал:

— Плохо, друзья, складываются обстоятельства... Беглец, несомненно, доберется или уже добрался до своих. Там он поднимет всех на ноги... Боюсь, мерзавец догадывается, что Рихард с товарищами куда-то исчез на «Майбахе»...

Отто Вильке уже заставил себя думать о судьбе товарищей, об угрозе срыва выполнения задания. Ильин ответил, что предусмотрел это и уже радировал в Москву.

— Но что может сделать Москва? Ведь на связь Майер выйдет не раньше чем через несколько недель, после прибытия в Берлин. Не просто найти и всесторонне подготовить две-три конспиративных квартиры, пригодных для такого дела. Тут спешить нельзя, а гестапо, конечно, будет очень торопиться, — с огорчением заметил Вилли Фишер. Он был прав. Оставалось надеяться на опыт подпольной работы Рихарда и его товарищей.

Вечером Ильин вышел на связь с Москвой и принял две радиogramмы: одну — с выражением соболезнования Отто Вильке, вторую — с указанием на возможные последствия побега штандартенфюрера и с предложением ускорить сбор всей группы на месте ее назначения.

Началась подготовка к отправке остальных десантников. Через несколько дней партизаны под командованием Иванова, ставшего к тому времени командиром отряда, ночью подорвали железнодорожный состав с гитлеровцами, отправлявшимися в отпуск. Едва затих грохот взрыва, десантники простились с партизанами. На этот раз Алексей не случайно, как при первом знакомстве, обнял Оксану и крепко поцеловал. Прощаясь с комиссаром, Отто Вильке сказал:

— До встречи в Берлине!

Тепло простились они и с доктором Серебряковым.

Воспользовавшись суматохой, возникшей после взрыва, Отто Вильке, Вилли Фишер и Алексей Ильин — все в форме офицеров вермахта — приблизились к насыпи и смешались с толпой суетившихся испуганных солдат и офицеров. Тотчас же Отто Вильке, нарочито громко и властно отдавая распоряжения, организовал «самооборону» на случай повторного нападения партизан.

Только на рассвете подошел ремонтный поезд и следом за ним порожняк. Началась погрузка, у вагонов образовалась давка. И опять Отто взял инициативу в свои руки. Он приказал всем встать в строй, затем, указав вагоны для раненых, заставил прежде всего погрузить их. «Господам офицерам» предложил разместиться в классном вагоне в центре состава и, наконец, пересчитав оставшихся, разделил их на равные группы по числу свободных вагонов. Назначив старших в каждой группе, полковник Вильке приказал им в строю развести своих солдат по вагонам.

Утро следующего дня застало трех «офицеров вермахта» в купе вагона второго класса пассажирского поезда уже на земле фатерланда. Поезд стоял на небольшой станции еще с ночи. Оказалось, что «какие-то злоумышленники» вывели из строя водонапорную башню. По платформе шныряли гестаповцы. Десантники многозначительно переглянулись: «Значит, и здесь люди не дремлют!»

К соседнему пути подошел встречный состав, груженный танками, выкрашенными в бледно-желтый цвет. Отто вскользь заметил, что танки, видимо, предназначались для армии Роммеля, сражавшейся на севере Африки, но теперь их повернули на восточный фронт, не успев даже перекрасить.

— Должно быть, наши поприжали... — заметил Алексей и осекся. В купе просунулся газетчик со свисавшим пустым рукавом. Купив газету, Отто сел у приспущенного окна, через которое доносилась воинственная песня подвыпивших танкистов:

Убьют ли на Волге,
Помру ли на Висле —
Душу свою не продам,
Как рыцарь ее я отдам!

Ильин и Фишер приготовились слушать Отто, но он, будто замороженный, замер с газетой в руках. На первой полосе была помещена фотография Гитлера в наполеоновской позе с руками, сложенными на груди, рядом с бежавшим штандартенфюрером СС Вихтенбергом, удостоенным за это железного креста с дубовыми листьями...

Только теперь стали ясны обстоятельства гибели Фрица. В статье под фотографией после напыщенного описания заслуг «тигра Вихтенберга» перед рейхом и фюрером автор, не жалея красок, повествовал о том, как этот «тигр» оказался в плену у «большевистских партизан» и как бежал из плена. При этом предусмотрительно умалчивалось о том, что некоторые «большевистские партизаны» были чистокровными арийцами. Стройный, атлетического сложения Фриц Вильке превратился в «здоровенного увальня». Излагая рассказ героя повествования, автор статейки писал: «На ходу конвоир курил, и я рискнул попросить разрешения прикурить. Достал сигарету, замедлил шаг и, обернувшись к конвою, знаками дал ему понять, о чем прошу. Как это ни странно, увальень быстро понял меня и с бесшабашной доверчивостью приблизился вплотную, протянул горящую сигарету. В одно мгновение я сорвал с плеча автомат, к счастью, немецкий, молниеносным рывком вывернул его, в упор дал короткую очередь и... как гончая, бросился в кусты, в непроглядную тьму леса...»

«Об одном сожалеет наш герой,— писал в заключение автор.— У красных бандитов остался подаренный ему рейхсфюрером СС пистолет, которого он был удостоен за подвиги, совершенные во славу германской империи на землях Франции и Скандинавии».

Пока Алексей и Вилли читали эту статейку, Отто неотрывно смотрел в одну точку. Перед его глазами промелькнуло все, что произошло тогда на лесной дороге. Он видел мгновенную растерянность на лице сына в момент, когда эсэсовец сорвал с его плеча автомат, угасающие глаза, когда пули вонзились в его сердце. Он слышал его последний слабый вздох и тупой звук безжизненно упавшего тела...

Отто вздрогнул. Видение исчезло. Глубоко вздохнув, он промолвил:

— В одном прав этот негодяй: мой мальчик действительно был доверчив и... порою безрассудно смел... Что ж, герр Вихтенберг! Не теряю надежды на встречу и тогда... доставлю вам удовольствие — верну подаренный пистолет.

Вильке инстинктивно дотронулся до кобуры, в которой находилось трофейное оружие, словно хотел убедиться, на месте ли оно, и отвернулся к окну: мелькали деревья, кустарники, вдали виднелись остроконечные башни какого-то старинного замка.

Лето было в разгаре, однако все вокруг выглядело по-осеннему: частые монотонные дожди, сырость и внезапно налетавшие ветры наводили грусть. Вести с Восточного фронта тоже были не очень радостные, хотя войска вермахта подходили к берегам Волги, миновав Армавир, Майкоп, подступали к предгорьям Кавказа, и рейхсминистр пропаганды Геббельс с редким усердием хрипел в микрофон: «Москва — не столица, Кавказ — не граница!» Однако блицкриг явно не удался.

Война приобрела затяжной характер. На полях России гибли десятки тысяч немцев. Поток траурных оповещений рос с каждым днем. Фатерланд был окутан черным саваном гибельной, бесперспективной войны. Еще недавняя густая пелена лжепатриотического воинственного угара, охватившая массы под влиянием нацистской демагогии и триумфального шествия гитлеровских дивизий по Европе, медленно, но неуклонно рассеивалась. Все чаще и чаще появлялись листовки и газеты, печатавшиеся невидимой рукой бесстрашных патриотов. И все больше немцев уже начинали задавать себе вопрос, повторяя слова одной из листовок: «Немцкий народ! Долго ли ты будешь терпеть?»

Весь сыскной и карательный аппарат фашистского государства был поставлен на ноги, но сюрпризы следовали один за другим. В Берлине гестаповцы засекли появление газеты «Фриденскемпфер», в Вуппертале в руки полиции СД попал очередной номер «Рурэхо», в эсэсовских частях распространялся листок «Штурмовик-патриот», в Дюссельдорфе на рекламной тумбе около ратуши обнаружена листовка, в которой говорилось:

«Мы, коммунисты, протягиваем руку всем честным немцам, борющимся за мир. Мы протягиваем руку всем тем, кто старается работать медленнее или отказывается от сверхурочной работы, тем, кто совершает хотя бы незначительные, самые мелкие акты саботажа и, дезорганизуя работу в промышленности и на транспорте, помогает тем самым скорее покончить с войной...»

На мобилизационных пунктах, в госпиталях стали появляться листки-бюллетени с призывом: «Солдаты! За что вы сражаетесь?» На верфях крупнейшего предприятия «Бонн унд Рихтер» в Маннгейме рабочие передавали из рук в руки экземпляры местной подпольной газеты «Форботе», в которой жирным шрифтом было напечатано: «Чтобы положить конец войне, необходимо свергнуть Гитлера!»

И это было делом рук коммунистов-подпольщиков.

Об этом знало гестапо, точно так же, как знало оно от Вихтенберга, что четыре немецких патриота, уехавшие из партизанского лагеря на его «Майбахе», должны, по всей вероятности, находиться где-то в сердце рейха. Вихтенберг, конечно, не был простаком, чтобы не догадаться. И сыщики полиции СД, ищейки гестапо, рядовые и высокопоставленные нацистские «арбайт-слейтеры» сбились с ног, разыскивая Рихарда Краммера и его товарищей.

Эсэсовец Вихтенберг, получивший теперь новую должность в Берлине, выходил из себя: «Четверку подпольщиков достать хоть из-под земли!»

В свою очередь, Рихард и его друзья уже знали о побеге Вихтенберга. Регулярная связь с Москвой была установлена. Со дня на день ждали они остальных товарищей, но группы Отто Вильке все еще не было в Берлине.

Работы было уйма. Несмотря на исключительные трудности и опасность, постепенно укреплялись контакты на специализированных предприятиях, заводах, в военных учреждениях, восстанавливались и некоторые связи с бывшими функционерами*, прерванные Рихардом много лет назад.

Рихард тяжело поднимался по ступенькам на четвертый этаж. Условный звонок, и на пороге появилась немолодая женщина. Здесь уже был Майер. Вскоре пришел и Фридрих Гобрицхоффер, по-прежнему в форме СС. Он шел следом за Рихардом и, дойдя до парадного, оглянулся, чтобы убедиться, нет ли за ним «хвоста».

— Отто все еще не появлялся... Остальное в порядке, — ответил Рихард на вопрошающий взгляд Альфреда. Он сразу принялся составлять радиогамму, передавая исписанные листки Майеру для зашифровки. По мере чтения добродушное лицо Майера расплывалось в улыбке. Особенно важной была весть об установлении связи с некоторыми заключенными в концентрационном лагере «Дора», которые сообщили, что на его территории имеются подземные цехи, где изготовляют ракетные снаряды ФАУ-1.

Альфред закончил шифровать и стал разворачивать рацию. Подходило время связи. В последние дни он регулярно выходил в эфир. Особенно много пришлось радировать на прошлой неделе. Это было небезопасно: гестаповские пеленгаторы могли засечь место работы нелегальной рации. Накануне уже поступила от командования депеша с требованием соблюдать меры предосторожности.

На днях Майер переменял район и теперь только второй раз выходил в эфир с нового места. Ровно в четырнадцать часов по московскому времени он включил приемник. Тотчас в наушниках послышался знакомый позывной «СА». Связь была установлена, и Майер приступил к передаче радиогаммы.

Фридрих неотрывно смотрел на улицу. Там, из-за угла видневшегося поодаль переулка, выглядывала часть кузова грузовика «Оппель-блитц», в котором сидел Ганс Хеслер. При малейшем признаке опасности машина должна была скрыться в переулке. Это был сигнал, по которому радиопередача немедленно прерывалась, подпольщики через запасной выход покидали конспиративную квартиру и направлялись к заранее условленному месту. Здесь их должен был ожидать Ганс.

Однако гестаповцы тоже не дремали. В ту же минуту, когда Майер начал передачу радиогаммы, с раз-

* Активисты рабочих и профсоюзных организаций в некоторых странах. — *Прим. авт.*

ных сторон к улице, где работала рация, на бешеной скорости помчались радиопеленгаторы. Но это были не обычные крытые машины с торчащими антеннами. Обозленные неудачными попытками накрыть нелегальную рацию, гестаповцы догадались, что подпольщики при появлении знакомой им по внешнему виду радиопеленгаторной машины немедленно каким-то способом оповещают своего радиста, и он замолкает. Надо было найти способ обмануть наблюдателей, и гестаповцы нашли его. Они срочно оснастили пеленгационным оборудованием несколько машин специального назначения — почтовых, аварийных, продуктовых холодильников и т. п.

И вот теперь, когда шла передача радиogramмы, появление автохолодильника, а затем почтовой машины, ехавших навстречу друг другу, естественно, не привлекло внимания Ганса Хеслера. И только тогда, когда обе они почти одновременно остановились по обе стороны дома, а в переулке появилась аварийная машина с ревущей сиреной, Ганс почувствовал неладное. Он тотчас же повел машину к условленному месту.

Фридрих заметил это. По его сигналу Майер прекратил передачу. Но было поздно. Эсэсовцы и гестаповцы уже выскочили из машин и устремились в парадное.

Рихард сжег депешу и вместе с Фридрихом, захватившим рацию, бросился к запасному выходу.

— Бегите! Не задерживайтесь... Я догоню, — сказал им Майер. Он остался, чтобы уничтожить все улики: растер в пепел сожженную депешу, вставил в розетку запыленный штепсель настольной лампы, вытряхнул себе в карман окурки из пепельницы и, сматывая на ходу антенну, направился уже к запасному выходу, ведущему во двор, как вдруг внизу послышались выстрелы. Майер выбежал на балкон и увидел, что несколько гестаповцев преследуют Рихарда и Фридриха. Не раздумывая, Альфред выхватил из кармана пистолет и стал стрелять по преследователям. Один из них упал на мостовую, остальные кинулись врассыпную.

Тем временем Рихард и Фридрих успели пересечь двор и проникнуть в соседний.

Но Майеру путь отступления был отрезан: запасной выход блокирован, а в парадную дверь уже ломились враги. Удар, еще удар, и дверь сорвалась с петель.

Альфред едва успел скрыться за портьерой, отделявшей прихожую от комнаты, из которой несколько минут назад он вел передачу.

Не сразу враги решились переступить порог. Это дало возможность Майеру перезарядить пистолет-автомат. Он встретил щедрым огнем в упор ринувшихся было в дверной проем эсэсовцев. Передние свалились как скошенные, задние попятились, беспорядочно отстреливаясь. В этот момент Майер почувствовал обжигающий удар в левое плечо...

Недолго длилась эта неравная борьба. Обойма пистолета опустела. Эсэсовцы догадались и решили взять его живьем.

— Гауптман, сдавайся!

— Руки вверх! — кричали они, подступая к Майеру.

Быстрым движением Майер вогнал последний, оставленный еще в Москве, патрон, с ненавистью взглянул на врагов. Так хотелось жить, чтобы видеть этих бандитов поверженными!

Переступая через трупы, эсэсовцы шли на Майера, а он стоял неподвижно, как скала. Кровь текла по его лицу и груди. Оставались последние секунды, и Майер использовал их, чтобы еще и еще бить ненавистных нацистов. Он схватил с пианино бронзовый бюст Гитлера и запустил им в офицера: тот пошатнулся и рухнул на пол. Окруженный врагами, Майер направил ствол пистолета в сердце и нажал курок...

Пока Майер самоотверженно боролся, Рихард и Фридрих пробирались через проходной двор и уже надеялись благополучно уйти. Но здесь их настигли преследователи.

Рихард едва переводил дыхание. Он остановился, выхватил пистолет, но Фридрих потянул его в сторону. Рихард огрызнулся:

— Беги, говорю! Уноси рацию! Слышишь?

Но на этот раз Фридрих не повиновался. Он несколько раз выстрелил и заставил преследователей укрыться за выступом стены. Подталкивая Рихарда, он повелительно прикрикнул, впервые обращаясь к нему на «ты»:

— Беги! Именем партии, беги! Я прикрою...

Рихард скрылся за каким-то флигелем, а Фридрих продолжал методично стрелять, как только преследова-

тели осмеливались высунуться из-за укрытия. Когда же он последовал за Рихардом, на него обрушился град пуль. Фридрих остановился, широко расставив ноги. Мелькнула мысль: «Конец!.. Последний патрон...» Силы покинули его, он упал, хотел достать гранату, но потерял сознание.

В квартире гестаповцы учинили полный разгром: они перевернули все вверх дном, сняли радиаторы, располроли матрасы и диваны, сорвали с пола паркет, но, разумеется, ничего не обнаружили. В разгромленную квартиру прибыл штандартенфюрер СС Вихтенберг в сопровождении оравы эсэсовцев. Он опознал Майера, узнал и найденный здесь китель, в котором видел Рихарда в лесу. Вихтенберг был вне себя:

— Ушел главный!— вопил он на вытянувшегося перед ним эсэсовца.— Понимаете, слюнтяи! Главный ушел, ушел с рацией, шифрами, явками...

В квартиру, запыхавшись, вбежал эсэсовский офицер и, отдуваясь, доложил, что взят еще один.

— Живьем?

— Так точно, господин штандартенфюрер. Увезли...

— Какой он из себя,— нетерпеливо прервал Вихтенберг.— Пожилой, толстый, со шрамом на лбу?

— Прошу прощения, господин штандартенфюрер. Я заметил только, что он в форме оберштурмфюрера. Ранен в плечо, горло и, кажется, ноги перебиты... Но будет жить, господин штандартенфюрер! Хотел подорвать себя и рацию, но не успел...

— Рацию захватили?!— воскликнул Вихтенберг.

— Так точно, господин штандартенфюрер.

— Болван! Что же вы сразу не сказали? Понимаете, рация Москвы в наших руках!

Эсэсовский офицер смахнул повисшую на конце носа каплю пота и щелкнул каблуками. Вихтенберг стремглав выбежал из комнаты...

Солдаты выносили трупы. Один из них поднял с пола голову Гитлера, отколовшуюся от бюста, заглянул внутрь ее и, убедившись, что она совершенно пуста, равнодушно отбросил в сторону.

Вихтенберг не скрывал злорадства, когда к нему в кабинет на носилках принесли раненого Фридриха.

— А! Старый знакомый!— воскликнул он.— Теперь я сам вижу, что у тебя действительно имеются «пробоины»... Не так ли, красавчик?

Фридрих молчал, до боли сжав зубы.

Ехидная улыбка не сходила с лица эсэсовца. Глубокие морщины по обеим сторонам рта еще резче подчеркнули садистское выражение его физиономии.

— Кстати,— с наигранной наивностью заговорил он вновь,— у тебя, помнится, был один глаз? Или я что-то путаю?

Ответа не последовало. Фридрих молчал, будто перед ним было пустое пространство.

— О, конечно, я понимаю,— с издевкой продолжал эсэсовец.— Москва всемогуща! Она в силах лишить глаза и... восстановить его... Ну, а мы не кудесники. Восстановить не сможем. Удалить—это в наших силах. Будет больно, но что поделаешь? Надо же как-то вывести соотечественника из состояния оцепенения! Надеюсь, ты меня понимаешь? Говори, где скрывается главарь, тот брюхастый «подполковник»?

Фридрих не произнес ни слова. Он молчал на первом допросе, молчал и на последующих, когда в присутствии Вихтенберга его истязали гестаповские палачи. Только однажды он с презрением бросил им в лицо:

— Я не намерен разговаривать с фашистской мразью!

Фридрих Гобрицхоффер умер от тяжелых ран и истязаний, не назвав гестаповцам даже своего имени...

...Шли дни, недели, месяцы. Прошел 1942 год. Наступил 1943-й. Миновал и он. Вступила в свои права весна 1944 года. Прилетели скворцы. А в отдаленном предместье Берлина порывом предгрозового вихря оторвало крыло железному орлу со свастикой в когтях, висевшему над входом в ратушу поселка...

Именно здесь, в живописном предместье столицы, Вихтенберг в придачу к чину бригаденфюрера получил в дар от самого фюрера участок земли с уютной рощицей и скромной виллой. От поселка виллу отделяла речка с берегами, заросшими ивняком, от лесного массива, простиравшегося перед ней,— узкая полоса пашни. Этот уголок с полным основанием можно было бы

назвать райским, если бы денно и ночью из глубины леса не доносился то затихающий, то бурно нарастающий рокот моторов. Там, в лесу, на обширной территории, огороженной колючей проволокой со сторожевыми вышками, размещался завод, к которому бригаденфюрер имел прямое отношение.

Бегство из плена, захват рации, поимка «опаснейшего антифашиста» прославили Вихтенберга. О нем рассказывали легенды, и фюрер счел за благо поставить его во главе службы безопасности и охраны заводов, таящих в своих корпусах величайшую государственную и военную тайну. Эта «тайна» стала панацеей от всех бед, нависших над гитлеровской Германией к началу 1944 года.

На востоке фронт трещал по швам. Бесславно гибли сотни немецких дивизий и дивизий сателлитов фашистской Германии.

Тотальная мобилизация немцев, способных носить оружие, начатая еще летом 1943 года, вконец истощила людские резервы вермахта. Между тем русские неудержимо рвались вперед.

На севере они прорвали блокаду Ленинграда и вклинились из района озера Ильмень в Прибалтику.

На Украине окружили и уничтожили две крупные группировки в районах Корсунь-Шевченковский и Звенигородка — Умань.

Чуть южнее вынудили германское командование уйти из Криворожского железорудного района...

Еще южнее вышли на границу с Румынией.

Появление советских армий на подступах к Балканам и в предгорьях Карпат усиливало разброд среди союзников фашистской Германии, грозило ей полной изоляцией.

Давно уже иссякла вера населения фатерланда да и солдатской массы в геббельсовские утешительные и обнадеживающие комментарии, в «эластичные обороны», «планомерные отходы» и «стратегические выравнивания фронтов».

Все эти ухищрения остались позади. И нацистские пропагандисты из кожи вон лезли, чтобы заставить народ и армию уверовать в чудодейственную силу нового «секретного оружия», которое вот-вот будет введено в действие.

Геббельс патетически хрипел перед микрофоном: «Теперь больше чем когда-либо фюрер уверен в победе, ради которой днем и ночью пребывает в непрерывном труде... Доблестные воины! Близок день, когда наш великий фюрер даст вам новейшее оружие, с помощью которого великая германская нация повергнет в прах своих врагов!»

«Тайное», «секретное» оружие стало новым символом веры нацистов в грядущую победу. Над освоением этого оружия трудились ученые-нацисты, на секретных заводах в подземных цехах работали обреченные на смерть тысячи рабочих. Их везли навалом в вагонах для скота почти из всех стран Европы. Глава СС Гиммлер подхлестывал их ободряющим лозунгом: «Труд приносит освобождение». Но люди здесь стали безымянными — имена им заменили вытатуированные на теле номера, а свободными они становились лишь после смерти...

Первой ступенью изобретения были ракетные снаряды ФАУ-1, потом появились усовершенствованные ФАУ-2... Нацисты не теряли надежды достигнуть и третьей ступени — получить и применить оружие невиданной силы, способное в одно мгновение опустошить целые города и уничтожить тысячи людей.

...Первые дни мая выдались солнечные и тихие. Цвели черемуха и сирень. Воздух благоухал. Из приоткрытых массивных дверей сельской церкви доносились унылые аккорды фисгармонии, заменявшей орган. Шла воскресная служба. Верующие оплакивали родных, погибших в «азиатской пустыне». Наискосок от церкви к пивной по выложенному плитками тротуару, постукивая костылями, ковыляли безногие, их обгоняли соотечественники с развевающимися на ветерке пустыми руками.

Было около одиннадцати часов, когда к пивной подъехал грузовик с ящиком в кузове. Шофер остался в машине, а двое, сопровождавших груз, зашли в пивную. Под звуки патефона по столикам разносили кружки с эрзац-пивом. Хор детей исполнял песню о фюрере, который любит голубоглазых ребят. Звонкие детские голоса заглушал доносившийся из-за леса рокот моторов. Местные жители знали, что там завод, но остерегались

заговаривать о нем и тем паче спрашивать о его назначении. Люди привыкли не задавать лишних вопросов. Не проявляли они особого интереса и к выстроенной недавно вилле в рощице у речки. Знали лишь, что там постоянно живет пожилой эсэсовец, что ему прислуживают две женщины из числа привезенных с Украины, а по воскресным дням на вилле уединяется какой-то высокопоставленный эсэсовский чин.

Как всегда, бригаденфюрер СС Вихтенберг прибыл на виллу для воскресного отдыха еще вечером в субботу. Он хорошо выспался, уже успел сделать гимнастику, обойти сад, побриться и бегло просмотреть газеты, когда к дверям спальни подошел старик-эсэсовец. В этот утренний час обычно никто не беспокоил бригаденфюрера, он вел дневник событий за истекшую неделю. Но старик все же постучался и доложил, что на виллу пожаловал какой-то генерал-интендант.

Вихтенберг поморщился, накинул на себя длинный халат, подтянул потуже пояс и бросил взгляд в зеркало. В хорошем расположении духа он вышел на веранду.

Навстречу ему с кресла поднялся генерал-интендант.

— Прошу прощения, господин бригаденфюрер, за беспокойство,— сказал он.

— Хайль Гитлер! Слушаю. Чем могу служить?

Генерал-интендант не торопился. Он чинно снял фуражку, потом темные очки. Вихтенберг обомлел:

— Фон Вильке?!

— Я,— спокойно ответил Отто.— И представьте себе, у вас в гостях!

Вихтенберг ринулся обратно в дом, но из-за двери, прикрывая ее, появился с пистолетом в руке оберлейтенант. У Вихтенберга застрял ком в горле, и, непроизвольно поднимая руки, он скорее выдохнул, чем прошептал:

— Партэзан?

Бригаденфюрер и представить себе не мог, что не прошло и недели в том памятном 1942 году, когда ему удалось захватить разбитую рацию Майера, как Отто Вильке, Алексей Ильин и Вилли Фишер уже обосновались в Берлине. Установив связь с Рихардом и Хеслером, группа вскоре возобновила свою деятельность. Теперь разведчики действовали еще более осмотрительно. И сделано ими было немало.

Сейчас разговор был без лирических отступлений. Ильин и Вильке обещали сохранить Вихтенбергу жизнь при условии, если он поможет им вызволить одного заключенного мастера, работающего в подземном цехе подведомственного ему «сотого» завода...

— И сделать это нужно сегодня. Сейчас же!— резко, тоном приказа, произнес Ильин.

— Я не смогу... Это невозможно, господа...— едва переводя дыхание, проговорил Вихтенберг.— Никто из заключенных без специального приказа самого рейхсфюрера СС Гиммлера не может покинуть завод. Это совершенно исключено!

— А что, завод разве такой большой важности?— спросил невинным голосом Вильке.

Вихтенберг пожал плечами, посмотрел по очереди на одного, на другого и неохотно сказал:

— Да...

— Впрочем, успокойтесь,— оборвал его Ильин.— Нас не интересует ни завод, ни его назначение. Нам нужен человек. И если вы сейчас же не отдадите распоряжение, я с наслаждением выпущу разрывную пулю в ваш череп, Вихтенберг. Мы не для того рисковали, приезжая сюда, чтобы разводить торговлю!

— Понимаю, господа, понимаю! Я готов выполнить ваше требование, но, поверьте, практически это неосуществимо. На заводе я распоряжаюсь только охраной.

— Там арбайтслейтер Бамлер?— как бы невзначай спросил Отто Вильке.

— Совершенно верно, фон Вильке, гауптштурмфюрер Гюнтер Бамлер. Вы его помните?

— Помню, разумеется... Когда-то полотер, затем убийца...

Ильин и Вильке коротко изложили свой план, вернее требование: Вихтенберг должен отдать приказ арбайтслейтеру Бамлеру пропустить на территорию завода грузовую автомашину с большим ящиком, который надлежало доставить во второй цех. В двенадцать часов, когда рабочие уйдут на обед, один из них задержится. Пользуясь отсутствием людей, он влезет в ящик. И около часа дня, когда все вновь приступят к работе, Вихтенберг отдаст второй приказ — вывезти ящик с завода.

— Скажете при этом, что ящик ошибочно заслан на завод и предназначен для другого объекта,— пояснил Вильке.— А исчезновение одного человека, надеюсь, вы вместе с Бамлером сумеете замаскировать? Ведь для вас, герр Вихтенберг, не секрет, что ежедневно там гибнут от изнурения, болезней и «гуманного» обращения десятки и сотни людей!

Вихтенберг хотел что-то возразить, но Ильин ткнул ему в подбородок ствол пистолета.

— Не вздумайте крутить, Вихтенберг!.. Ясно?

— Ясно, ясно...— покорно залепетал Вихтенберг.— Но поймите, господа, Бамлер никого не пропустит на территорию завода. Это исключено! Машину поведет дежурный эсэсовец, разгружать будет охрана, и грузить ящик обратно будут те же охранники... Они, конечно, заметят, что он стал намного тяжелее.

— Пусть это вас не беспокоит, Вихтенберг,— прервал эсэсовца Вильке.— Ящик будет не такой уж легкий и вначале. К тому же человек этот очень худ.

Бригаденфюреру приходилось выбирать между пулей в лоб и беспрекословным подчинением. Вихтенберг предпочел последнее, надеясь, что ему вновь удастся улизнуть. Он хотел позвонить Бамлеру по обычному телефону. Это, несомненно, вызвало бы у него подозрение, так как для переговоров с заводом он пользовался только особым аппаратом. Но едва Вихтенберг потянулся к телефонной трубке, как Вильке вскрикнул:

— Руки вверх, проклятая свинья!

Бригаденфюрер подчинился, Вильке наклонился к эсэсовцу, отвернул полу халата и потянул за уходящую в карман цепочку. Достав кошелек с ключами, он подошел к стене, отодвинул портрет Гитлера и сунул нужный ключ в отверстие.

Вихтенберг был до того поражен осведомленностью своих «гостей», что на какое-то время профессиональный интерес погасил острое чувство страха, прервал судорожные попытки найти выход из положения...

Дверца сейфа открылась. Там был установлен массивный серо-зеленый телефонный аппарат. Ильин снова напомнил эсэсовцу, что именно он должен сказать и каким тоном.

— Предупреждаю, Вихтенберг, останетесь живы,

если сделаете так. Малейшее отклонение — и я без предупреждения стреляю. Ясно?

— Очень ясно...

— Все! Звоните.

Вихтенберг вытер испарину со лба, взял трубку и стал набирать номер. Откликнулся голос телефонистки-диспетчера. Она сообщила, что гауптштурмфюрер где-то на территории завода... Вихтенберг повесил трубку. Это было хуже. По расчетам Ильина и Вильке, Бамлер должен был находиться в это время у себя.

Вторично позвонил уже сам Вильке. Он приказал телефонистке немедленно найти арбайтслейтера Бамлера и передать ему, чтобы он сейчас же позвонил бригаденфюреру Вихтенбергу на виллу.

Не прошло и пяти минут, как в углу комнаты раздался пронзительный трезвон. Звонок высокочастотного аппарата был установлен вне сейфа.

Ильин кивнул Вихтенбергу. Под дулами направленных на него пистолетов бригаденфюрер отдал распоряжение Бамлеру доставить во второй цех ящик, который поступит на завод, и без него не вскрывать. В трубке было отчетливо слышно, как подобострастно захлебывался арбайтслейтер: «Слушаюсь, господин бригаденфюрер... Ясно, господин бригаденфюрер... Будет выполнено, господин бригаденфюрер! Хайль Гит...»

Вильке нажал рычажок аппарата, закрыл дверцу сейфа и ключ положил к себе в карман.

Ильин отвел Вихтенберга в сторону и, усадив на диван, приказал не двигаться. Тем временем Вильке уже набирал номер по обычному телефону, стоявшему на столе.

— Пивная? — спросил Отто.

— Да, — послышалось в ответ.

— Пиво у вас сегодня свежее?

— Конечно. Утром привезли...

— Превосходно! Я немедленно пришлю за пивом, — и Отто Вильке повесил трубку.

Вихтенберга трясло. Пожалуй, теперь эсэсовец волновался несравненно больше, чем в тот раз, когда его привезли на «Майбахе» в лес. К этому у него было достаточно оснований. В данное ему слово сохранить жизнь он, разумеется, не очень верил. Весь лоск с него сошел, и в своем длинном халате с бледным, трясущим-

ся лицом он походил отнюдь не на тигра, а скорее на загнанного зайца... Дрожащим голосом попросил он дать ему со стола сигарету.

Ильин не тронулся с места. Молчал и Отто. Немного спустя Вильке извлек из кармана портсигар. Алексей удивился: никогда прежде не видел, чтобы Отто курил. Вильке открыл портсигар и достал пожелтевшую сигарету с чуть прижженным концом. Подавая ее Вихтенбергу, с трудом сдерживаясь, сказал:

— Это ваша сигарета. Вы тогда не докурили ее в лесу. Берите! Она успела подсохнуть и отлично загорится...

Вихтенберг низко опустил голову. Он не взял сигарету и не повторил свою просьбу. О, сколько бы он отдал, чтобы уйти от возмездия! Как жестоко корил он себя за то, что легкомысленно отнесся к охране своей персоны и даже своим ближайшим эсэсовцам, охранявшим виллу, запретил входить к нему без вызова...

Время тянулось медленно. Невероятно медленно. Большие настольные часы пробили только половину двенадцатого... Прошла целая вечность, пока они отметили еще четверть часа. По расчетам Ильина и Вильке, ящик уже должен был находиться на заводе. Но кто знает, как там все происходит?

На веранде было очень тихо. Лишь со стороны сада, уходящего в глубь двора виллы, едва слышно доносилась веселая песенка. Это часовой-эсэсовец наигрывал на губной гармонике, поглядывая на украинок. Они вскапывали клумбу: хозяин виллы, оказывается, любил цветы, что, однако, не мешало ему быть убийцей...

Часы пробили двенадцать, потом четверть первого, половину первого... Большая стрелка уже вновь стала взбираться вверх. Подошло время обеда. Вихтенберг знал, что старик-эсэсовец должен был осведомиться, как обычно, подавать ли ему обед. Но его почему-то не было. Бригаденфюрер тяжело вздохнул. И тут словно молнией ударило по окнам, задребезжали стекла, будто что-то хлынуло из-под земли и встряхнуло виллу. Почти одновременно донесся оглушительный грохот взрыва.

Вихтенберг вскочил, испуганно глядя на окна. Из-за леса поднимался столб густого дыма. Поглядывая то на Ильина, то на Вильке, то вновь бросая взгляд на буше-

вавший над лесом вулкан, Вихтенберг вдруг понял, и у него вырвалось:

— Это ваш ящик?!

Вильке кивнул, сунул руку в карман и достал пистолет. Вихтенберг смотрел на него, как загипнотизированный. Но Отто спокойно подал ему «вальтер».

— Вы поклялись фюреру вернуть подаренное вам оружие... Не так ли? Пожалуйста, возьмите его...

Вихтенберг остолбенел.

— Берите,— повторил Ильин, перерезая провода телефонов.— Он заряжен! Там один патрон... Пожалуй, теперь это для вас лучше, чем предстать с объяснениями перед Гиммлером...

Бригаденфюрер дрожал.

— Накиньте на себя что-нибудь, Вихтенберг... Простудитесь!— сказал Алексей Ильин на прощание.

Генерал-интендант в сопровождении оберлейтенанта покинул «гостеприимную» виллу на поджидавшей их санитарной машине. Надо было торопиться. Со всех сторон к заводу мчались пожарные машины, грузовики с эсэсовцами, легковые с гестаповцами, немало попадалось и санитарных машин. В этот час им отдавалось предпочтение — их пропускали без проверки. В санитарной машине рядом с Хеслером сидел Ильин, а на носилках лежал прихваченный около пивной Рихард Краммер. Ему и шоферу грузовика Вилли Фишеру пришлось немало поработать...

Санитарная машина с визжащей сиреной была уже далеко от места событий, а облако дыма, окутавшее всю окрестность, по-прежнему было огромно. Хеслер гнал машину всю: друзьям, борющимся против фашизма под единым знаменем, предстояло осуществить еще много сложных операций...

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЖБА, СПЯЯННАЯ КРОВЬЮ	3
САНЯ	34
ПРИЗНАНИЕ	57
ДОКТОР	93
ВОЗМЕЗДИЕ	143
КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ	161

Юрий Антонович Колесников

КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

Заведующий редакцией *Г. М. Некрасов*
 Редактор *А. С. Барков*
 Художник *А. Е. Цветков*
 Художественный редактор *Г. Л. Ушаков*
 Технический редактор *З. И. Сарвина*
 Корректор *О. Лузинская*

ИБ № 984
 Сдано в набор 08.04.80. Подписано в печать 28.07.80.
 Г-33172. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарни-
 тура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76.
 Уч.-изд. л. 11,89. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5617.
 Цена 85 к. Изд. № 3/2094.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР
 129110, Москва, И-110, Трифоновская ул., д. 34

4-я военная типография, г. Киев-252015, ул. Январского
 восстания, 40.

Уважаемый читатель!

В 1981 году в Издательстве ДОСААФ СССР
 выйдут новые книги военно-патриотической
 тематики:

- Бабак И. И. «Звезды на крыльях»
 Белянкин Е. О. «Пограничная вахта»
- Бундюков А. Т. «Солдаты славы не искали»
- Барков А. С., Чернов А. Н. «Эхо дальнего боя»
- Галкин Ф. И. «За рычагами танка»
 Рукавишников Г. П. «Зарницы нашей юности»
- Исаченко С. М. «За Биседью-рекой»
- Қолыхалов В. А. «Огненная лавина»
- Лебедев А. Г., Маринский Е. П. «Подвиг на Висле»
- Минаков В. И. «Командиры крылатых линко-
 ров»
 Никифоров А. П. «В огне рожденная»
- Тарский Ю. С. «Всплыть в назначенном квад-
 рате»
 Салай М. Г. «По знакомым дорогам»
- Сметанин А. И. «Дорога на Порт-Артур»
- Устьянцев В. А. «Флаг на гафеле»
- Фадеев А. А. «Разгром»
- Хрящев Ю. К. «Первые мили пути»
- Шатилов Н. И. «Последние шаги к Победе»
- Шевелев М. П. «Здравствуй, Снежеты!»
- Щербань А. М. «После Победы»